

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1902.

№ 23.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Слово, по освященіи храма—школы въ с. Павловкахъ Сумскаго уѣзда, 1-го декабря 1902 г. *Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* 657—665

Православно-христіанское ученіе о храмѣ и обязанностяхъ христіанина по отношенію къ храму. (По сочиненіямъ Винакоентія, Архіепископа Херсонскаго). *Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго* 666—695

Взглядъ Огюста Конта и позитивистовъ на оущность религіи. *Профессора Харьковскаго Университета, Протоіерея Т. Буткевича* . 696—720

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Русскій Оригізмъ XIX вѣка Ва. С. Селевскъ (продолженіе). *Александра Никольскаго* 407—441

Критика Альфреда Фулье нравственнаго ученія Ницше. Переводъ съ французскаго (продолженіе). *В. Дроздова* 442—452

III. ЛИСТОВЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Опрежденіе Святѣйшаго Синода.—Влагодѣланіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Учебнаго Собора.—Отъ Министра Финансовъ.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1902 году.—Епархіальная извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1902.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ, вѣры, правилъ христіанской нравственности, изложеніе церковныхъ законовъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли изнескихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его приходавъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гизяровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Кореньянина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1901 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественскаго. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошеіе внутри васъ“. Бритическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Цацство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго. Б. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“. присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леонидъ Багрецова. Харьковъ 1901 года. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА и РАЗУМЪ въ 1903 году.

Заявляя объ изданіи журнала „Вѣра и Разумъ“ въ 1902 году, редакция журнала извѣщала, что блаженная кончина основателя ея изданія, Архіепископа Амвросія, не будетъ имѣть вліянія на измѣненіе характера и направленія изданія. Въ Возвѣ почившій Архіепископъ всегда сохранялъ убѣжденіе, что въ наше время современное образованное общество, кромѣ религіозно-нравственнаго назиданія, нуждается въ опроверженіи различныхъ заблужденій, въ оправданіи и выясненіи христіанскихъ началъ жизни и вообще въ указаніи на гармоническое единеніе вѣры и знанія, — богооткровенной истины и человѣческой науки. Этимъ завѣтамъ почившаго іерарха журналъ нашъ останется вѣрнымъ и въ 1903 году; это же журнальное направленіе обязательно для редакция и на будущее время, и обязательно тѣмъ болѣе, что оно находитъ благосклонное одобреніе, архипастырское благословеніе и высокое покровительство въ лицѣ Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, преэмирика почившаго іерарха по овятительской кафедрѣ. Соответственно съ этимъ журналъ нашъ по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1. Отдѣла церковнаго. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ общирномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣла философскаго. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе в менѣе пространныя переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Таковъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ который войдутъ постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 202 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при харьковской духовной семинаріи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы влючительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 руб. за 1890—1895 г., по 8 р. за 1896—1900 годы. За 1901 г. 9 р. и 1902 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 130 р. съ пересылкою.

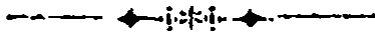
Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

4. Біографическій очеркъ жизни, пастырской дѣятельности и литературныхъ трудовъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Протоіерея Т. И. Буткевича. Харьковъ. 1902 г. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1902 года.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Декабря 1902 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

С Л О В О

Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго,

по освященіи храма—школы въ с. Павловкахъ Сумскаго уѣзда, 1-го декабря 1902 года ¹⁾).

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея (Мѡ. 16, 18). Такъ, предвидѣль Христось Спаситель, что на Церковь, которую создать пришелъ Онъ на землю и которую потомъ Онъ *приобрѣлъ Себѣ Кровію Своею* (Дѣян. 20, 28), обрушатся всѣ темныя силы ада. Но въ ободреніе и утѣшеніе всѣмъ вѣрнымъ сынамъ святой Своей Церкви Спаситель нашъ предсказалъ и то, что никакія силы адовы не одолѣютъ ея, что, напротивъ, по окончаніи земныхъ судебъ Церкви, Онъ *представитъ ее Себѣ славною Церковію, не имѣющею пятна или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна* (Еф. 5, 27).

Правда, это обѣтованіе Христа Спасителя относится въ собственномъ смыслѣ къ Церкви, какъ обществу вѣрующихъ во Христа, единствомъ вѣры, закономъ Божиимъ, священноначаліемъ и таинствами соединенныхъ въ одно тѣло Христово подъ Божественною главою—Христомъ (Еф. 1, 22; 4, 11—2; 1 Кор. 12, 27—8; Рим. 12, 5). Но какъ никакой отдѣльный человѣкъ, тѣмъ болѣе никакое семейство не можетъ обходиться

¹⁾ Сказанное въ томъ самомъ храмѣ, который 16 сентября 1901 года подвергся дикому разгрому фанатичныхъ павловскихъ сектантовъ, при чемъ всѣмъ присутствовавшимъ были розданы отдѣльныя оттиски этого слова вмѣстѣ съ оттисками нижеслѣдующей статьи: „прав.-христ. ученіе о храмѣ“.

безъ крова, безъ мѣста пристанища, гдѣ бы оно могло находить пріютъ и защиту отъ непогоды, другихъ стихій и дикихъ звѣрей, гдѣ бы оно могло находить отдыхъ послѣ дневныхъ трудовъ и дѣлить между собою общую трапезу, общія радости и общее горе и гдѣ бы могло находить общаго своего главу и отца; какъ, далѣе, никакое земное общество и учрежденіе не можетъ обойтись безъ особаго для себя помѣщенія, куда бы оно могло собираться для сужденія о своихъ нуждахъ и для отправленія своихъ обязанностей: такъ и великое семейство вѣрующихъ во Христа, великое общество христіанское, разсѣянное по всей вселенной и раздѣленное на отдѣльныя малыя семьи или *приходы*, не можетъ обойтись безъ нарочито устрояемыхъ мѣстъ, гдѣ члены этого великаго семейства и общества могли бы находить пріютъ и отраду въ минуты житейскихъ бурь и невгодъ, защиту отъ нападенія духовныхъ звѣрей—страстей нашихъ, и врага нашего спасенія—дѣвола, гдѣ они могли бы находить отдыхъ для души отъ тяжкаго житейскаго бремени, гдѣ могли бы вкушать общую духовную трапезу слова Божія и Тѣла и Крови Христовыхъ и гдѣ, наконецъ, они удобнѣе всего могли бы изливать предъ Отцемъ своимъ небеснымъ свои благодаренія и хвалы, свои радости, печали и нужды. Такими мѣстами для общихъ религіозныхъ нуждъ вѣрующихъ во Христа съ самыхъ первыхъ временъ христіанства явились нарочито устрояемыя зданія или *храмы*. Въ этихъ храмахъ своихъ, устрояемыхъ такъ, чтобы мысль входящихъ отъ земли и нуждъ житейскихъ устремлялась къ небу, его вѣчнымъ благамъ и Подателю ихъ Богу, христіане, отдыхая душой послѣ трудовъ и хлопотъ повседневнои жизни, находя душевный миръ отъ страстей, общими гимнами въ честь Трїцостасныя Троицы и святыхъ угодниковъ Божіихъ, общею духовною пищею слова Божія, Тѣла и Крови Христовой, общимъ назиданіемъ въ законѣ Божіемъ сливаются, по Апостолу, въ *одно тѣло и одинъ духъ* (Еф. 4, 4). А потому и обѣтованіе Христа Спасителя о неодолимой силою адовою относится не только къ Церкви, какъ обществу истинно-вѣрующихъ во Христа, но и къ необходимой принадлежности этого общества—къ святымъ храмамъ, безъ которыхъ немислимо и суще-

ствование Церкви, доколѣ она находится въ земныхъ условіяхъ своего бытія.

Видитъ врагъ спасенія нашего, діаволъ, что святые храмы христіанскіе служатъ какъ бы духовными твердынями или крѣпостями для Церкви Христовой, гдѣ она находитъ себѣ вѣрныи оплотъ и убѣжище отъ его козней и нападеній, вѣрное врачеваніе отъ его уязвленій и надежную лѣствицу къ небесамъ и вѣчному спасенію. Потому всю свою силу адову онъ направилъ сколько на самую Церковь Христову, воздвигая на нее то лстивыхъ лжеучителей и гордыхъ ересіарховъ, то лютыхъ гонителей и жестокихъ мучителей, столько же и на разрушеніе храмовъ христіанскихъ. Движимые его внушеніями, Иеронъ, Домиціанъ, Траянъ, Септимій Северъ, Максимъ, Децій, Валеріанъ, Діоклетіанъ и др. безбожныи и нечестивые римскіе императоры подвергали христіанъ жесточайшимъ мученіямъ, тысячами предавали ихъ лютымъ казнямъ за имя Христово, а ихъ храмы безпощадно разрушали. Тогда христіане, лишаясь храмовъ своихъ на поверхности земли, переходили въ погребальныя пещеры и подземелья, такъ называемыя *катакомбы*, которыя въ Римѣ и другихъ мѣстахъ сохранились и до настоящаго времени и подражаніе которымъ представляютъ наши Кіевскія пещеры. Въ эти то пещеры и подземелья древніе христіане тайно по ночамъ, съ опасностью жизни, собирались для общей молитвы, для совершенія таинствъ, для назиданія ученіемъ своихъ пастырей. Такъ, значить, первенствующіе христіане живо сознавали необходимость и глубоко чувствовали потребность храмовъ Божіихъ, что когда язычники разрушали ихъ храмы на землѣ, то они переносили ихъ подъ землю! Но истиннѣ, если бы врагу царства Христова удалось низвести вѣрующихъ во Христа въ самыя преисподняя земли, въ мрачныя бездны ада, они и тамъ устроили бы храмъ своему Богу, Творцу и Спасителю!

Итакъ врагъ нашъ діаволъ посрамился въ первые вѣка христіанства: всѣ полчища адовы не могли одолѣть ни юной Церкви Христовой, которая, не смотря на ужасныя гоненія, распространялась по всей вселенной, ни храмовъ христіанскихъ, которые еще краше, еще свѣтлѣе воставали изъ пепла

и грудь развалинь. Наоборотъ, сами язычники, орудія діавола, потеряли власть и значеніе въ мірѣ, сломивъ себѣ зубы на костяхъ христіанскихъ мучениковъ и на камняхъ христіанскихъ храмовъ. Поливаемая кровью мучениковъ, Церковь Христова выросла въ древо великое, раскинувшееся по всей вселенной (Мрк. 4, 31—2), а на костяхъ мучениковъ, многочисленныя, какъ звѣзды на небѣ, засіяли храмы христіанскіе.

Засіяли они съ первыхъ же дней христіанства и у насъ на Руси. Нигдѣ, ни въ какой странѣ нѣтъ столько храмовъ Божіихъ, какъ у насъ. Никакой народъ не оказалъ столько усердія къ ихъ созданію и украшенію, какъ народъ русскій. Поэтому наше отечество и получило названіе *святой Руси*. Но и на нашу святую Русь Господь посылалъ тяжкія испытанія, допуская и на нее обрушиваться силамъ адовымъ. Такъ, недолго спустя послѣ пріянія нами христіанства, дикія полчища язычниковъ монголовъ напали на наше еще юное отечество и съ адскою злобою разрушали и уничтожали святыя храмы. Но сколько монголы ни разрушали ихъ, храмы Божіи возобновлялись и, какъ сѣмя Божіе, умножались и умножаются по св. Руси. Полчища монголовъ сокрушились о вѣру, смиреніе русскаго православнаго народа и о твердыни храмовъ его: изъ властителей и князей татары обратились въ подчиненныхъ намъ, и самое слово „князь“ въ приложеніи къ татарамъ обратилось въ насмѣшливое воспоминаніе объ ихъ быломъ владычествѣ надъ Россіей.

Потерпѣвъ неудачу одолѣть Церковь Христову при самомъ, такъ сказать, ея рожденіи въ мірѣ вообще и въ частности у насъ на Руси, врагъ нашъ, діаволь, однако, не переставалъ ополчаться на нее—воздвигая лжеучителей и гонителей. Сколько ересіарховъ возставало на Церковь Христову! Но память о всѣхъ ихъ погибла съ шумомъ. Сколько внѣшнихъ враговъ старались стереть съ лица земли Христову Церковь! Но Церковь Христова стоитъ непоколебимо. Послѣдователи лжепророка Магомета, этого по истинѣ апокалипсическаго *краснаго дракона* (Апок. 12, 3), съ огнемъ и мечемъ прошли по единовѣрнымъ намъ иверскому, греческому и южно-славянскимъ царствамъ, искореняя христіанство и разрушая христіанскіе храмы. Но оперившійся

русскій орелъ прилетѣлъ на защиту братій своихъ по вѣрѣ и не далъ *пожрать* красному дракону вѣрныхъ чадъ Церкви: и гдѣ только врагъ прогнанъ или низложенъ, тамъ возобновились и возобновляются храмы Божіи.—Такъ неискоренима потребность въ храмахъ Божіихъ у всѣхъ истинныхъ христіанъ. А тѣ, которые только говорятъ о себѣ, что они христіане, но лгутъ и на самомъ дѣлѣ не суть таковы, а *сатанинское сборище* (Апок. 3, 9), тѣ пусть отвергають храмы Божіи, пусть нападаютъ на нихъ: судъ и наказаніе имъ давно готовы у Бога (2 Петр. 2, 9, 21—2; Іуд. 15).

Въ послѣднее время супостатъ нашъ діаволъ, *какъ левъ рыкающій и ищущій кого поглотитъ* (1 Петр. 5, 6), снова воздвигъ яростную брань на Церковь Христову. Онъ нашелъ себѣ вѣрныхъ и усердныхъ слугъ уже не среди язычниковъ или послѣдователей лжепророка Магомета, не среди татаръ и другихъ враждебныхъ намъ народовъ, но—къ стыду нашему!—среди нашихъ же православныхъ христіанъ, среди нашего русскаго народа. И вотъ вождь этихъ сатанинскихъ слугъ въ безумной дерзости своей и безпримѣрной злобѣ объявилъ, что отъ Церкви Христовой онъ оставитъ одни лишь „ключья“. Онъ, дѣйствительно, напалъ на ученіе, на таинства и на пастырей Церкви съ такою ожесточенною яростью, съ какою не нападали на нее никакіе еще лжеучители и ересиархи, никакіе монгольскіе ханы. Видя, что вѣрующіе во Христа опору своей вѣры находятъ въ храмахъ, гдѣ они просвѣщаются истиннымъ, а не самоизмышленнымъ и не искаженнымъ, словомъ Божіимъ, освящаются таинствами, укрѣпляются пѣснопѣніями и молитвами церковными и наставленіями своихъ пастырей, этотъ ересиархъ направилъ стрѣлы своего лжеученія и противъ храмовъ Божіихъ и всего, что есть въ нихъ для христіанъ священнаго и святого. А его слѣпые споспѣшники готовы уже возобновить противъ Церкви Христовой древнія времена гоненій язычниковъ и разрушеній ими храмовъ Божіихъ, времена татарскаго разгрома христіанскихъ храмовъ, времена владычества въ христіанскихъ странахъ злочестивыхъ турокъ или персовъ. Начало этимъ временамъ враги Христовы положили именно здѣсь. Силы адскія обрушились на

это святое мѣсто и подвергли его дикому разгрому хуже татаръ и язычниковъ: все ломали и сокрушали, а святыя иконы и другіе священныя, дорогіе для всякаго христіанина, предметы попирали съ особенною злобою, съ особымъ сатанинскимъ ожесточеніемъ. Не могшіе сокрушать по старости своей руками находили въ себѣ силы сокрушать зубами, поистинѣ уподобляясь дикимъ звѣрямъ, или, лучше сказать, самому адскому дракону, скрежещущему зубами на Церковь Христову.

Но чѣмъ помѣпалъ врагамъ Христовымъ этотъ святой храмъ? Тѣмъ ли, что въ немъ воспѣвались хвалы Богу, Творцу и Спасителю нашему, приносились Ему благодаренія за Его безчисленныя къ намъ милости, возносились мольбы о нашихъ разнообразныхъ нуждахъ? Но какое твореніе Божіе, кромѣ сатаны, не хвалить Бога, не благодарить, не умоляетъ Его! Тѣмъ ли, что здѣсь возвѣщались заповѣди Божіи и ученіе Христово—быть смиренными, кроткими, жалчущими и жаждущими правды, милостивыми, чистыми сердцемъ, любящими и благословляющими даже враговъ своихъ? Но кому кромѣ врага Христова, діавола, ненавистно это ученіе Христово, эти спасительныя Его заповѣди! Тѣмъ ли, что здѣсь чрезъ святое крещеніе новыя члены Церкви Христовой вводились въ новую духовную жизнь и дѣлались возлюбленными чадами Божіими? Тѣмъ ли, что чрезъ таинство покаянія вѣрующіе очищали здѣсь совѣсть свою отъ язвъ грѣховныхъ? Но кто можетъ возставать противъ этого обновленія духовнаго, противъ усыновленія насъ Богу, противъ чистоты совѣсти нашей, кромѣ нашего древняго завистника діавола! Тѣмъ ли, что въ храмѣ семъ вѣрующіе питались, подъ видомъ хлѣба и вина, Тѣломъ и Кровью Христовою и потому дѣлались *причастниками Божескаго естества* (2 Петр. 1, 4), *наслѣдниками вѣчной жизни* (Тит. 3, 7)? Но кто можетъ противиться нашему обоженію и нашей блаженной вѣчной жизни, кромѣ какъ тотъ же врагъ нашего спасенія, діаволь, и всѣ его адовы силы! Тѣмъ ли, наконецъ, что храмъ сей, будучи вмѣстѣ и школой для дѣтей, воспитывалъ ихъ въ страхѣ Божіемъ, повиновеніи закону Господню, почитанію родителей своихъ и любви къ Царю и отечеству? Но какіе родители, кромѣ ослѣ-

пленныхъ силою вражіею, не желаютъ дѣтямъ своимъ воспитанія въ страхѣ Божіемъ и благочестіи, въ любви къ Царю, отечеству и къ нимъ, ихъ родителямъ! Итакъ, никто иной, какъ *древній змій, называемый дьяволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную* (Апок. 12, 9), обольстилъ злыхъ людей на такое безбожное святотатственное дѣло. Этотъ *богъ въка сего ослѣпилъ ихъ умы* (2 Кор. 4, 4), и они, какъ дикіе вепри, устремились на святое мѣсто сіе, не сдѣлавшее имъ никакого зла, а сіявшее кругомъ однимъ чистымъ свѣтомъ истины, любви и добра. За что, Господи, попустилъ Ты совершиться въ насъ этому безпримѣрному еще злодѣянію? *По причинѣ ли умноженія беззаконій* нашихъ (Мѣ. 24, 12), или же для того, дабы воочію показать намъ ту бездну зла, которую врагъ нашъ, дьяволъ, разверзъ предъ нами, а его слуги толкаютъ насъ въ нее?..

Но какъ врагъ нашъ посрамилъ себя во времена Нероновъ, Діоклетіановъ и имъ подобныхъ и, желая сокрушить Церковь Христову, не одолѣлъ ея, а лишь способствовалъ ея укрѣпленію и распространенію по всей вселенной. Какъ онъ посрамилъ себя въ нашествіе злочестивыхъ монголовъ на наше отечество и на единовѣрные и соплеменные намъ народы. Какъ нигдѣ онъ не одолѣлъ Церкви Христовой и если отторгъ отъ нея, то только гнилые члены, бывшіе для нея бременемъ и заразою. Такъ и теперь не одолѣтъ дьяволу Церкви Христовой, не изорвать ея въ ключья современному намъ антихристу и ересіарху, не уничтожить слѣпымъ послѣдователямъ его святыхъ нашихъ храмовъ!

Не одолѣли силы адовы и сего святаго храма. Онъ, какъ древле разрушаемые язычниками и магометанами храмы, возникъ изъ развалинъ своихъ, возникъ въ томъ видѣ, какъ это установлено св. Церковію, украшенный св. иконами, снабженный всею необходимою утварью. Какъ нѣкогда относительно скиніи Господь въ *уставѣ вѣчный* (Исх. 27, 21) заповѣдалъ Моисею: *смотри, все сдѣлай по тому образцу, какой показанъ тебѣ на горѣ* (Исх. 25, 40), и за это обѣщаль освятить скинію и обитать среди сыновъ Израилевыхъ (Исх. 29, 44—5); такъ и мы возобновили храмъ сей, какъ это установлено для храмовъ христіанскихъ св. Церковію, или вѣрнѣе, Духомъ

Святымъ, Которымъ она руководится. Какъ нѣкогда Господь назначилъ Веселіида для созданія скиніи *и испомилъ его Духомъ Божиимъ, мудростью, разумніемъ, вѣдніемъ и всякимъ искусствомъ, составляяъ искусныя ткани, работая изъ золота, серебра и мѣди* (Исх. 37, 30—2); такъ Господь и теперь вразумляетъ христіанскихъ строителей и художниковъ, такъ что видомъ и украшеніемъ своимъ христіанскіе храмы проливаютъ въ сердце христіанъ небесную отраду и умиленіе. Какъ нѣкогда Господь повелѣлъ Моисею помазать скинію елеемъ помазаніа, дабы она была свята, помазать также и жертвенникъ, дабы онъ былъ святынею великою (Исх. 40, 9—10); такъ и мы св. муромъ, освященнымъ соборомъ іерарховъ, помазали и храмъ весь и престолъ его, сей христіанскій жертвенникъ. Такимъ образомъ, храмъ сей вновь сталъ святымъ селеніемъ Вышняго, а жертвенникъ сей Его престоломъ, великою святынею христіанскою. На семъ св. престолѣ, а также и подъ нимъ мы положили нѣкіе останки мощей св. угодниковъ Божіихъ въ память того, что во времена гоненій на Церковь Христову храмы ея созидались на костяхъ мучениковъ христіанскихъ, и въ знаменіе того, что и мы для защиты храмовъ своихъ отъ враговъ нашего спасенія готовы сложить подъ ними кости свои. Какъ по освященіи скиніи, *слава Господня наполнила скинію* (Исх. 40, 34), равно какъ при освященіи храма Соломонова *слава Господня наполнила домъ Господень* (2 Парал. 7, 2); такъ и теперь, вѣруемъ, что по освященіи храма сего благодать Св. Духа наполнила его даже болѣе, чѣмъ Моисееву скинію, чѣмъ Соломоновъ храмъ. И какъ на жертвенникѣ израильскомъ приносились агнцы и тельцы въ очищеніе грѣховъ, такъ и у насъ сейчасъ совершена великая и безкровная жертва: невидимо для нашихъ очей тѣлесныхъ, но видимо для Бога и его святыхъ ангеловъ, принесенъ въ жертву Агнецъ Божій, закланный за грѣхи наши и всего міра, а Его святая Тѣло и Кровь предложены въ очищеніе, въ освященіе наше и соединеніе насъ съ Богомъ.

Такъ совершилось наше всерадостное торжество—обновленіе и освященіе сего святаго храма. Возблагодаримъ же Господя Бога за Его неизреченное къ намъ снисхожденіе, за Его чуд-

ныя къ намъ милости и съ радостью и веселіемъ отойдемъ въ дома свои. Возблагодаримъ Господа Бога также и за вразумленіе и возвращеніе въ лоно матери своей Церкви части заблудшихъ братій нашихъ, не вѣдавшихъ, что творившихъ. Братски простимъ ихъ участіе въ разрушеніи и оскверненіи бывшаго здѣсь храма, ибо не они это дѣлали, а общій врагъ нашего спасенія руками ихъ воздвигалъ *хоботъ* (Апок. 12, 4) свой на сокрушеніе твердыни Христовой.

При этомъ помолимся усердно и о тѣхъ заблудшихъ братіяхъ нашихъ, которые еще пребываютъ въ духовномъ ослѣпленіи и ожесточеніи, *не дастъ-ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины, чтобы они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю* (2 Тим. 2, 25—6).

А васъ Господь да исполнитъ и преисполнитъ любовію другъ къ другу и ко всѣмъ, чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святыхъ предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа со всѣми святыми Его (1 Тесс. 3, 12—3).

А Тому, Кто дѣйствующею въ насъ силою можетъ сдѣлать несравненно больше всего, чего мы просимъ, или о чемъ помышляемъ, Тому слава въ Церкви со Христомъ Іисусомъ во всѣ роды, отъ вѣка до вѣка. Аминь (Еф. 3, 20—1).

Епископъ Стефанъ.

Православно-христіанское ученіе о храмѣ и обязанностяхъ христіанина по отношенію къ храму.

(По сочиненіямъ Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго).

Храмъ—это домъ Божій ¹⁾ „селеніе Вышняго, чертогъ Царя славы, страшный и досточтимый для самихъ Херувимовъ и Серафимовъ“ ²⁾. Здѣсь совершается и священнодѣйствуется то, чего нѣтъ на самомъ небѣ, не смотря на все его величіе; ибо здѣсь совершается таинство пречистаго Тѣла и Крови Сына Божія ³⁾. Такимъ селеніемъ Вышняго должна бы быть, по природѣ своей, душа человѣческая, а не внѣшніе храмы ⁴⁾, *яко Вышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ* (3 Цар. 8, 27) ⁵⁾. Такъ дѣйствительно нѣкогда и было. Въ самомъ дѣлѣ, „быль ли какой либо храмъ въ раю?—Не было. Почему? Ужели человѣкъ менѣе молился до своего паденія, нежели сколько молится по паденіи? Нѣтъ, тогда вся жизнь его была богослуженіемъ; но, весь чистый, невинный, святой, онъ самъ тогда былъ и жертвою, и священникомъ, и храмомъ; въ трехчастной скиніи существа его,—въ тѣлѣ, душѣ и духѣ, было и преддверіе, и святое, и святое святыхъ; здѣсь была и манна, и ковчегъ завѣта, и херувимы. Послѣ сего къ чему бы служилъ тогда храмъ? Енѣшніе храмы сдѣлались необходимы тогда, когда человѣкъ престалъ самъ быть храмомъ Божества, и существуютъ не для чего другого, какъ для того, чтобы человѣкъ,

1) Сл. и р. при пос. паст. Сл. св. въ с. Арал. Т. III, стр. 125.

2) Сл. бес. и р. при осв. хр. и пр. Сл. на осв. ц. въ с. Некр. Т. II, стр. 302.

3) Ibid. стр. 302—3.

4) Ibid. Сл. по осв. хр. въ Кіев. Инст. стр. 267.

5) Ibid. Сл. въ д. осв. хр. св. вмч. Георг. стр. 259.

входя въ храмы и видя, что и какъ въ нихъ совершается, научился обновлять свой собственный, внутренній, трехчастный храмъ для совершенія въ немъ вѣчнаго непрестающаго богослуженія во славу тріипостаснаго Господа всяческихъ. Посему-то всѣ внѣшніе храмы, со всѣмъ ихъ разнообразіемъ и великолѣпіемъ, существуютъ только на время, доколѣ продолжается возсозданіе падшей скиніи существа человѣческаго; а по совершеніи сего великаго дѣла, они должны уступить мѣсто навсегда одному храму внутреннему—въ душахъ и сердцахъ человѣческихъ. *И видѣхъ*, свидѣтельствуемъ тайновидецъ сего величественнаго будущаго, *и видѣхъ небо ново и землю нову, и видѣ градъ святой Іерусалимъ новъ, сходящъ съ небеси: но храма не видѣхъ въ немъ* (Апок. 21, 1, 10, 22). Гдѣ же опъ?—въ Богѣ. *Яко Господь Вседержитель храмъ ему есть и Агнецъ*¹⁾. Если же теперь душа человѣческая не служитъ такимъ храмомъ, то по причинѣ своего паденія и нечистоты²⁾.

Итакъ, „храмы внѣшніе созидаются и освящаются не для чего другого, какъ для напоминанія человѣку о возобновленіи и освященіи его храма внутренняго и для содѣйствія къ тому“³⁾. Царь же Небесный, свободный отъ нужды въ кровѣ и приставищѣ, „если благоволитъ, устроятъ себѣ селеніе среди насъ, то для насъ же самихъ; дабы мы знали, гдѣ находить Его безпредѣльнаго, дабы видѣли, куда притекать для пріятія отъ Него свѣта и истины, благодати и помилванія, духа и жизни“⁴⁾.

Какимъ же образомъ храмъ можетъ служить для достиженія этихъ цѣлей?—Это мы увидимъ, если рассмотримъ обстоятельнѣе, что такое храмъ и каково его значеніе?

„Храмъ есть, во-первыхъ, богоучрежденное вселенское училище благочестія.—Мудрость земная не составляетъ необходимости для каждаго; для многихъ она составила бы даже бремя подавляющее. Но есть предметы, о коихъ необходимо имѣть ясное и твердое познаніе всѣмъ и каждому. Это Богъ. Творецъ и Промыслитель нашъ и наши отношенія къ Нему въ совѣсти; и дѣянія нашихъ; это Искупитель, Господь

1) Ibid. стр. 260.

2) Ibid. Сл. по осв. хр. въ Кіев. илст. благ. дѣв., стр. 267.

3) Ibid.

4) Ibid. Сл. на осв. ц. св. въ с. Небр., стр. 303.

Иисусъ, съ Его крестною смертию за грѣхи міра, и наша обязанность вѣровать въ Него и исполнять Его заповѣди; это благодать Духа Святаго, насъ освящающая, и тотъ способъ, коимъ мы должны стяжать ее, хранить и употреблять; это, наконецъ, ожиданіе будущаго вѣка, гдѣ должно дать отчетъ въ дѣлахъ и воспріять по дѣламъ. Кто же возвѣститъ сіи важныя истины во услышаніе и тѣхъ, кои совершенно удалены отъ всякаго вида науки? Гдѣ училище для всѣхъ и cadaго? — Въ церкви. Здѣсь отверсты двери для всякаго: и богатаго, и бѣднаго, и ученаго и невѣжды, и старца и отрока; не нужно предварительныхъ испытаній; приходи, слушай и поучайся! Находясь въ этомъ училищѣ, не узнаешь, какъ далеко отстоитъ земля отъ солнца и какъ отводить удары грома: но узнаешь, какъ далеко находится падшій человѣкъ отъ Бога, какъ спастись отъ ударовъ правосудія небеснаго; не научишься углубляться въ сердца горъ и въ нѣдра морей для извлеченія драгоценностей: но научишься углубляться въ собственное сердце для обрѣтенія тамъ злата чистой любви къ Богу и перловъ святыхъ молитвъ; не будешь въ состояніи говорить разными языками, но отучишься отъ языка лжи и коварства, совершенно поймешь языкъ совѣсти, сдѣлаешься способнымъ бесѣдовать съ Богомъ¹⁾. „Тутъ въ одной литургіи ты услышишь всю жизнь своего Спасителя и всю тайну твоего спасенія“²⁾. „Что-либо лучше нашей литургіи увидимъ, развѣ когда только будемъ на небѣ. Здѣсь—на святой проскомидіи, во время приуготовленія Божественныхъ Даровъ, символически предъизображается жизнь и крестная смерть Сына Божія, подобно тому, какъ они были предъизображены въ символахъ и обрядахъ Вѣхаго Завѣта. Потомъ, въ первой части литургіи, при первомъ выходѣ изъ алтаря священнодѣйствующихъ съ Евангеліемъ, Спаситель Самъ какъ бы снова является въ міръ и исходитъ на проповѣдь, которая слышится потомъ въ чтеніи Апостола и Евангелія. Засимъ, при второмъ выходѣ изъ алтаря священнодѣйствующихъ со

1) Сл. и бес. на пр. Богор. Сл. на д. Введ. Т. II, стр. 13; См. Сл. и р. при пос. наст. Сл. ск. въ з. г. Вѣл. Т. III стр. 140.

2) Ibid. Сл. сказ. изъ Сольв. соб. стр. 47.

Святыми Дарами, представляется послѣднее шествіе Господа во Іерусалимъ на страданіе и крестную смерть, послѣ чего, среди различныхъ молитвъ, какъ бы повторяется послѣдняя вечеря Господа съ учениками, слышатся самыя слова Его, сказанныя Апостоламъ о Тѣлѣ и Крови Его, и совершается самое таинство Евхаристіи чрезъ призываніе на Св. Дары благодати Пресвятаго Духа. Въ послѣдней части литургіи, съ новымъ отверстіемъ Царскихъ вратъ, какъ бы видимо отверзается гробъ Господень для воскресенія, и самое небо для принятія Воскресшаго, что самое чувственно изображается обратнымъ перенесеніемъ останка Св. Даровъ съ престола на жертвенникъ. Такимъ образомъ, кто съ полнымъ вниманіемъ присутствуетъ при литургіи, тотъ каждый разъ видитъ предъ собою, можно сказать, всю земную жизнь Господа отъ начала до конца 1). Въ храмѣ на одномъ иконостасѣ изображенъ предъ тобою весь соборъ святыхъ, дабы ты могъ избрать любого для подражанія его жизни. Въ продолженіе года въ церкви пройдутъ предъ тобою всѣ праздники—съ ихъ таинствами и величіемъ, всѣ дни святыхъ—съ ихъ добродѣтелями и подвигами, всѣ посты съ ихъ слезами, и умиленіемъ душевнымъ, всѣ дни поминовенія усопшихъ—съ памятью о смерти и судѣ страшномъ. И много ли нужно для того, чтобы каждому учиться въ церкви? Нужны только глаза и слухъ, вниманіе и смыслъ. Приходи кто угодно,—всѣмъ отверсты двери; не потребуютъ справокъ, кто ты и имѣешь ли право учиться; не подвергнутъ испытаніямъ въ способностяхъ и познаніяхъ. Приходи поутру: услышишь заутреню и въ ней изображеніе сотворенія міра; приходи среди дня—услышишь литургію и будешь приглашенъ къ трапезѣ Тѣла и Крови Христовой; приходи вечеромъ: застанешь вечерню, и поучишься скончанію міра и собственной жизни“ 2). „И сколько уже вышло изъ сего училища—церкви Божіей—самыхъ отличныхъ учениковъ благочестія, кои, не будучи знакомы ни съ какимъ мірскимъ просвѣщеніемъ“ 3), „ничего не слыхавъ и не знавъ,

1) 1-я Седм. Сл. на вас. въ пят. т. V, стр. 82.

2) Сл. и р. при пос. наст. Сл. ск. въ Сольв. соб. т. III, стр. 47—8.

3) Сл. в бес. на пр. Богор. Сл. на д. Введ. т. II, стр. 13.

кромѣ Евангелистовъ и Апостоловъ, преуспѣли однако же въ вѣрѣ и благочестіи до того, что на землѣ сдѣлались равными Ангеламъ и озарили свѣтомъ своей благой жизни, а нѣкоторые и своихъ чудесъ, всю вселенную“ 1), и своими „добродѣтелями и чудесами доказали, что имъ дано было *вѣдать самыя тайны царства Божія* (Мѡ. 13, 11); что *они знали все* (1. Іоан. 2, 20), *нужное для спасенія!*“ 2).

Во-вторыхъ, храмъ есть богоучрежденная лечебница духовная. Здѣсь отъ яда грѣховнаго, причиняющаго вѣчную смерть душѣ, безмездно преподается открытое благодаіію Божіею и для всѣхъ необходимое надежнѣйшее средство. „Тутъ всегда течетъ источникъ здравія душевнаго—всеоживляющая кровь Богочеловѣка и благодать Духа Святаго: какъ бы велики ни были грѣхи твои, отъ какихъ бы язвъ ни страдала совѣсть, пія отъ сего источника вѣрою и любовію, ты содѣлаешься здоровымъ въ душѣ.—Нѣтъ недостатка въ церкви и въ особенныхъ врачевствахъ противъ особенныхъ болѣзней. Невоздержному предписывается постъ, бдѣніе, молитва; страждущему гордостію возвѣщается, откуда мы взяты и во что обращаемся, какъ всѣ унижены грѣхомъ и лишены первобытнаго благородства; болящему завистію напоминаетъ, что всѣ лстящія взору отличія людей существуютъ на время, что со смертію останется одно отличіе—добраго отъ злаго; погрязающему въ сладострастіи указывается вѣчность, судъ и гнѣвъ Божій на предающихся *въ неискусенъ умъ творити не подобная* (Римл. 1, 28). Можешь пренебрегать средствами, указуемыми Церковію, но не можешь сказать, чтобы они были не дѣйствительны: въ противномъ случаѣ обличать тебя во лжи сонмы праведниковъ, кои употребляя ихъ, возстановили свое душевное здравіе и изъ людей мертвыхъ грѣхами содѣлались живыми храмами Божіими“ 3).

Далѣе „храмъ есть богоучрежденное всемірное судилище духовное... У насъ у всѣхъ происходитъ давняя несчастная прія съ Творцомъ нашимъ. Рано или поздно долженъ быть конецъ сей враждѣ вѣдемской. Въ чемъ же онъ будетъ состоять.

1) Сл. и р. при пос. наст. Сл. при 1-мъ пос. г. Сумъ т. III, стр. 106.

2) Сл. и бес. на пр. Богор. Сл. на д. Введ. т. II, стр. 13.

3) Ibid. стр. 13—14.

и какой приговоръ произнесутъ надъ нами?—Гдѣ узнать о семь?—Въ церкви. Тутъ *судъ* уже *написанъ* (Пс. 149, 9): *слава всѣмъ преподобнымъ!* горе и погибель всѣмъ неподобнымъ! Хочешь узнать яснѣе опредѣленіе верховнаго Судіи? Прослушай со вниманіемъ, когда читается Евангеліе о страшномъ судѣ. Въ немъ означены подробно и тѣ добродѣтели, за кои будетъ награда, и тѣ пороки, за кои пойдутъ въ геенну. Вѣришь не услышишь отъ Самаго Судіи. Что теперь Онъ говоритъ— въ словѣ Своемъ, то и тогда скажетъ. Имѣешь требуемыя добродѣтели? Будешь стоять на правой сторонѣ. Не имѣешь? Пойдешь, кто бы ты ни былъ, въ адъ. *Небо и земля прейдутъ, а изъ словъ Евангелія ни одна черта не пройдетъ* (Мѡ. 24, 35)¹⁾.

Кромѣ того, „храмъ есть мѣсто постояннаго свиданія съ существами высшими. Міръ духовный закрытъ отъ насъ непроницаемою завѣсою: но тамъ все для насъ драгоцѣнное; тамъ Господь и Спаситель нашъ; тамъ апостолы, мученики, пастыри и учителя Церкви и всѣ святые; тамъ наши предки, большая часть нашихъ знаемыхъ сродниковъ и друзей. Ужели на землѣ вѣтъ мѣста, гдѣ бы можно было вѣрно и постоянно сообщаться съ ними? Есть—въ храмахъ! Молитвы, здѣсь непрестанно возносимыя, сближаютъ между собою два міра—видимый и невидимый; наши сердца посредствомъ ихъ возносятся горѣ, духъ небожителей низводится долу, намъ дается способность предугадывать будущее наше состояніе, а для нихъ становится удобнѣе воспоминать прошедшее и видѣть наши нужды. Посему то въ жизнеописаніяхъ св. людей мы находимъ, что нигдѣ столько не послѣдовало откровеній, не было столько видѣній для нихъ, какъ въ храмахъ, средѣ Богослуженія. И если богомудрые составители литургіи написали, что Царь славы, приносимый въ жертву на своей трапезѣ, *дориносится ангельскими чинами*, что мы сами тайно образуемъ въ это время Херувимовъ; то написали, безъ сомнѣнія, не на основаніи воображенія, а по свидѣтельству духовныхъ опытовъ“²⁾. „Гдѣ же силамъ небеснымъ быть постояннѣе, какъ не тамъ, гдѣ особенно присутствуетъ ихъ Царь и Господь? Мы не видимъ ихъ, потому что сіяніе небесной сла-

1) Ibid. стр. 14—5.

2) Ibid. стр. 15.

вы не выносимо для брэннаго ока, но они видятъ насъ и все наше, самыя наши мысли и желанія. Придетъ время,—и мы увидимъ ихъ; вступимъ, если будемъ того достойны, въ самый благосвѣтлый кругъ ихъ;—а до того времени должны вѣрять въ ихъ присутствіе невидимое и, вѣруя, какъ можно чаще посѣщать храмы Божіи“ 1). Если у тебя будутъ отверсты благодатию Божіею очеса и ушеса сердца (Еф. 1, 18); то здѣсь ты можешь увидѣть и услышать то, чего не видятъ иногда самыя служители алтаря: можетъ быть, съ Самуиломъ къ тебѣ прострется гласъ, воззывающій тебя на особенныя подвиги во славу Божію и благо ближнихъ; можетъ быть, съ Василиемъ и Григоріемъ будешь свидѣтелемъ того, какъ Духъ Святой видимо нисходитъ на дары, когда служители алтаря призываютъ Его для ихъ освященія; можетъ быть, подобно Андрею и Епифанію, удастся и тебѣ на воздухѣ зрѣть Матерь Господа, со всѣми святыми за насъ молящуюся 2). „Впрочемъ, и для самаго чувственнаго человѣка не приподнимается ли видимо завѣса духовнаго міра каждый разъ въ таинствѣ Евхаристіи? Что это, какъ не знакъ и даръ изъ другаго міра? Какъ не залогъ безсмертія? Какъ не завѣтъ жизни вѣчной, въ коемъ видимо соединяются живые и мертвые?

„Наконецъ, храмъ есть мѣсто лицезрѣнія и поклоненія твари Творцу; мѣсто потому самому священное и самое пріятное для духа благочестиваго... Въ храмы посему и долженъ онъ являться для засвидѣтельствованія предъ Творцемъ своей любви и покорности. Правда, что истинные поклонники всюду поклоняются Господу *духомъ и истиною* (Іоан. 4, 24). Но не оспоримо и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для нихъ же Господь являетъ особенное свое присутствіе. Храмъ есть первое изъ таковыхъ мѣстъ; это постоянное видимое *мѣсто селенія славы Его*: тутъ Его слово и таинства; тутъ Его престоль и жертвенникъ, на коемъ приносится Тѣло и Кровь единороднаго Сына Его. Посему-то даже тѣ люди, кои сами были живыми храмами Божіими, не преставали входить въ храмы, вхо-

1) Ibid. бес. на д. Покр. стр. 69.

2) Сл., бес. и р. при осв. хр. и пр. Сл. на осв. хр. во имя Млх. м. Кіев. т. II, стр. 254; Чт. еванг. сказ. т. XI, стр. 91.

дили въ нихъ часто, съ особеннымъ благоговѣніемъ, и минуты, проведенныя у престола Божія, почитали лучшими въ жизни“ 1).

Изъ всего сказаннаго о храмѣ и его значеніи для насъ ясно, какимъ образомъ храмъ можетъ служить средствомъ къ возсозданію внутри насъ того храма, о коемъ говоритъ Апостолъ: *или не отсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Духа Святаго суть?* 2) Мы всѣ стремимся къ небесному отечеству: только тамъ вполнѣ возобновится и устроится нашъ храмъ. Наша жизнь и есть путь къ этому отечеству и вмѣстѣ съ тѣмъ устроеніе этого таинственнаго храма. Храмы внѣшніе суть пристанища и мѣста успокоенія на этомъ пути для христіанина вѣрующаго и воистину взыскающаго горняго отечества. Среди пустыни міра, идя по тернистому пути внѣшнихъ скорбей и внутреннихъ искушеній, подвергаясь нападеніямъ отъ дальнихъ и ближнихъ, онъ не разъ принужденъ будетъ сказать съ Давидомъ: *убы мнѣ, яко пришельствоіе мое продолжися!* (Пс. 119, 5),—не разъ не найдетъ мѣста, гдѣ бы поклонить главу (Мѣ. 8, 20); пусть идетъ тогда, въ эти часы горести и искушеній, за утѣшеніемъ и помощію въ храмъ, поклонить ее у ногъ своего Спасителя,—и онъ обрящетъ здѣсь себѣ покой и радость, опочіетъ душею, отдохнетъ сердцемъ. Иногда умъ его потребуетъ вразумленія отъ закона Божія: въ храмѣ всегда онъ можетъ услышать глаголь вѣри, надежды и любви; иногда совѣсть будетъ имѣть нужду въ елеѣ и обязаніяхъ на раны; здѣсь всегда она найдетъ то и другое; иногда весь внутренній человѣкъ придетъ въ изнеможеніе: тогда Тѣло и Кровь, здѣсь преподаемыя послужатъ ему въ укрѣпленіе духа и тѣла 3).

Такимъ образомъ, какъ пристанище на пути, гдѣ обрѣтается покой и отдыхъ, гдѣ даются вразумленія и наставленія относительно дальнѣйшаго шествія, какъ лечебница на случай болѣзней духовныхъ и какъ твердыня противу нападенія враговъ,

1) Сл. и бес. на пр. Богор. Сл. на л. Ввел. т. II, стр. 15—6.

2) Сл., бес. и р. на осв. хр. и пр. Сл. по случ. осв. хр. въ с. Арап. т. II, стр. 299.

3) Ibid. Сл. на осв. хр. по имя Мих. 1-го м. Кіев. стр. 253—4.

—храмъ оказывается важнымъ и необходимымъ средствомъ для христіанина къ достиженію цѣли—небеснаго отечества, или, что одно и то же, къ созиданію въ себѣ внутренняго храма для Божества 1). Ибо малое ли дѣло то, что входящіе въ храмъ исходятъ изъ него съ освященіемъ души и тѣла, счастливые обрѣтаютъ въ немъ побужденіе употреблять дары счастья во славу Божию и благо ближнихъ; несчастные износятся отсюда утѣшеніе и силы къ благодушному несенію креста своего; кающійся грѣшникъ слышитъ здѣсь гласъ помилованія, а вераскаянный объемлется спасительнымъ предчувствіемъ суда будущаго и мукъ вѣчныхъ; просящій здѣсь пріемлетъ и ищай обрѣтаетъ 2). Подлинно, что кровь дома Божія есть рай на землѣ, единое пристанище, гдѣ мы можемъ опочить душею и отдохнуть сердцемъ, познать, что и мы еще на пути, что и предъ нами еще цѣль! 3)

Послѣ такого значенія для насъ храмовъ „и такого дѣйствія ихъ на умъ и сердце человѣка, вы не удивитесь, если я скажу, что тотъ и не христіанинъ, кто, имѣя возможность часто посѣщать храмы Божіи, не посѣщаетъ ихъ“ 4). Правда, „можно и безъ храма находить доступъ ко Всевышнему, какъ и находили его нѣкогда праотцы, когда во всемъ мірѣ не было ни еднаго храма, и какъ находятъ его нынѣ тѣ, кои жребіемъ своей жизни удалены отъ всѣхъ храмовъ“ 5), или кои родомъ своей службы или занятій, такъ сказать, прикованы къ мѣстамъ своимъ. За таковыхъ Св. Церковь сама молится, яко за *труждающихся и благословною виною отшедшихъ* 6). Но ни какъ не простиительно, „имѣя среди жилищъ своихъ селеніе Всевышняго и приснотекущій въ немъ источникъ благодати и освященія, не умѣть или не хотѣть черпать изъ него и оставаться въ отдаленіи по духу отъ Господа“ 7).

1) Поуч. на кр. ходы Сл. св. въ ж. Млх. м. Т. III. стр. 234.

2) Сл., б. и р. при осв. хр. и пр. Сл. при осв. хр. при Волог. арх. л. Т. II. стр. 263.

3) Ibid. Сл. на осв. хр. во имя Млх. 1-го м. К. стр. 255.

4) Сл. и бес. на пр. Богор. Сл. на д. Введ. Т. II, стр. 16.

5) Сл., б. и р. при осв. хр. и пр. Сл. на осв. ц. сказ. въ с. Некр. Т. II стр. 303.

6) Вел. Пост. Сл. въ среду 5-й нед. Т. VI стр. 148; Сл. и р. при пос. наст. Сл. св. въ Феод. соб. Т. III. стр. 159.

7) Сл., бес. и р. при осв. хр. и пр. Сл. на осв. ц. сказ. въ с. Некр. Т. II стр. 303.

„Въ самомъ дѣлѣ, если для Той, которая изъ дѣтства сама была храмомъ Духа Святаго, и за чистоту души и тѣла удостоилась быть избранною въ селеніе Бога—Слова; если для Ней, для Ея усовершенствованія нужно было долговременное пребываніе въ храмѣ: то для насъ, коимъ изъ дѣтства *прилежитъ помышленіе на злое* (Быт. 8, 21), кои окружены толкими опасностями, подлежимъ такимъ соблазнамъ,—для насъ посѣщеніе храмовъ Божіихъ должно быть однимъ изъ главныхъ средствъ къ нашему освященію“ 1). Посему храмъ надобно бы посѣщать, если возможно, и каждый день: „ибо отказались ли бы мы быть у царя, если бы онъ приглашалъ насъ каждый день? Но тѣмъ паче не должно пропускать святаго служенія по праздникамъ. Можно ли не посѣтить храма Божія въ праздники? Это показало бы, что мы не боимся Господа и небрежемъ о спасеніи душъ своихъ. Если придетъ мысль, чтобы въ праздникъ, когда звонятъ къ церкви, остаться: то будь увѣренъ, что эта мысль отъ лукаваго. Онъ употребляетъ для сего разные предлоги; то говоритъ: у тебя то и то не сдѣлано, займись этимъ теперь, а въ храмъ сходишь въ другое воскресеніе. Не обольщайтесь сею мыслию. Много ли надѣлаешь въ тотъ часъ, который бываешь въ церкви? И пойдетъ ли дѣло съ успѣхомъ, когда ты будешь дѣлать его, не помолившись прежде въ церкви и не испросивъ благословенія Божія“ 2)? „Ибо успѣхъ зависитъ болѣе всего отъ благословенія Божія. Когда Богъ благословитъ, то все пойдетъ хорошо, а когда Онъ отниметъ Свое благословеніе, то что ни дѣлай, какъ ни трудись, ни въ чемъ не успѣешь какъ должно“ 3). И дѣйствительно, „у тѣхъ, кои набожны и прилежны ко храму, всѣ дѣла бывають лучше; а у презрителей святыхъ церкви самый трудъ бываетъ не въ прокъ. Еще иногда говоритъ врагъ: „ты не такъ здоровъ, останься дома, отдохни“. Какъ будто во храмъ идутъ на работу! Тамъ то и отдыхъ душѣ и совѣсти! То ли дѣло, когда поусердиѣ помолишься: на душѣ становится легче, а съ душею и тѣлу легче. Теплая молитва къ Господу наилучшее лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней“ 4).

1) Сл. и бес. на пр. Богор. Сл. на Введ. Т. II стр. 12.

2) Сл. б. и р. на осв. хр. Сл. на осв. и. въ с. Некр. Т. II стр. 303—4.

3) Ibid. Сл. по осв. мол. дома въ с. Богор. стр. 342—3.

4) Ibid. Сл. на осв. хр. въ с. Некр. стр. 304.

Здравіе отъ Господа, и Онъ силенъ исцѣлить всякъ недугъ и всяку язву“ 1).

Итакъ, въ храмахъ „грѣховъ отпущеніе, въ печалѣхъ утѣшеніе, болѣзней исцѣленіе, самой смерти поправленіе. Посему-то святой царь израилевъ говоритъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ* (Пс. 121, 1)... При одномъ напоминаніи о томъ, что наступало время идти въ сей домъ на молитву, сердце Давида каждый разъ исполнялось такою радостію, что онъ готовъ былъ лучше лежать во прахѣ у вратъ дома Божія, нежели веселиться и прохладяться въ чертогахъ міролюбцевъ: *изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ* (Пс. 83, 2)“ 2). „Въ псалмахъ Давидовыхъ есть и другія мѣста, свидѣтельствующія о его святомъ обычаѣ утреневать къ мѣсту селенія Бога Іаковля: *завтра услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой! завтра престану Ты и узриши мя!* (Пс. 5, 4)... Но утреннихъ, говоритъ онъ въ другомъ псалмѣ къ Господу, *на утреннихъ поучахся въ Тя* (Пс. 62, 7)... Но можетъ быть, такая близость къ храму куплена была съ ущербомъ въ чемъ либо для земли; можетъ быть, когда царь Израилевъ утреневалъ такимъ образомъ ко храму святому, страдали отъ сего другіе его обязанности: останавливалось или замедлялось теченіе дѣлъ царственныхъ; приходили въ слабость воинства; не соблюдалась правда и нелицепріятіе въ судахъ; опускалось изъ виду благосостояніе градовъ и бесей; не дѣлалось улучшеній, не вводилось того, что требовалось новыми нуждами народа и обстоятельствами? Нѣтъ, напротивъ! Царство Израилево никогда, ни прежде, ни послѣ, не было въ такой силѣ, не цвѣло такъ и не возвышалось, какъ при томъ царѣ, который не только дни, но и ночи посвящалъ на прославленіе имени Божія. Преемникъ Давида, Соломонъ, пошелъ, какъ извѣстно, противными путями: забывъ завѣты отца, пересталъ ходить въ оправданіяхъ Господнихъ непорочно; вмѣсто святой арфы Давидовой, на коей утро и вечеръ бряцалась слава Іеговы, завелъ поющихъ и играющихъ на пирахъ его во удовольствіе плоти; и—что же?—подъ конецъ царствованія, не смотря на всю

1) Ibid. Сл. по осв. мол. д. въ с. Богор. стр. 343.

2) Сл. и р. при пос. пост. Сл. св. въ с. Арап. Т. III стр. 125.

его прежнюю мудрость, богатство и славу, престоль Израилевъ началъ поникать долу,—доколѣ при преемникахъ его, превосходившихъ одинъ другаго нечестіемъ, не сравнялся съ землею... Этотъ примѣръ св. Давида научаетъ насъ быть прилежными къ посѣщенію храмовъ Божіихъ... Православная Церковь наша представляетъ всѣ удобства къ тому. Нѣтъ дня, въ который бы она не сопровождала восхода солнца слышнымъ для всѣхъ зовомъ на молитву утреннюю. Но многіе ли внимаютъ сему зову?! Онъ большею частью праздно раздается въ воздухѣ; и грады, самые обильные жителями, бываютъ похожи въ это время на кладбище, гдѣ, сколько ни возглашай и ни звучи, никого не поднимешь изъ утробы земной¹⁾.

„Только пребываніе во храмахъ для того, чтобы быть благотворнымъ, требуетъ отъ входящаго въ храмъ нѣкоторыхъ благихъ качествъ, безъ коихъ оно не приноситъ ожидаемой пользы, даже можетъ обращаться во вредъ“²⁾. „Въ самомъ дѣлѣ, не вредъ ли получаетъ тотъ, кто идетъ въ церковь не въ своемъ видѣ (а бываютъ, къ сожалѣнію, и такіе)? Это значитъ ругаться имени Божію, и явно идти подъ тяжкое осужденіе. Не вредъ ли получаютъ тѣ, кои, вмѣсто того, чтобы молиться, заводятъ въ церкви разговоры, нерѣдко такіе шумные, что мѣшаютъ другимъ слушать и молиться? Не вредъ ли получаютъ тѣ, кои, идя во храмъ, наряжаются, чтобы на нихъ смотрѣли, и думаютъ соблазнять другихъ своими прикрасами? Таковыхъ ожидаетъ неминуемый гнѣвъ Божій“³⁾.

Какія же качества требуются отъ входящихъ въ храмъ?—
Внемлите!

„Храмъ есть училище благочестія: итакъ, будь внимателенъ къ слышимому; здѣсь говоритъ не человѣкъ, а Самъ Богъ, желающій твоего спасенія. Паче же всего старайся исполнять позванное на дѣлѣ. Исполненное, и малое, принесетъ сторичный плодъ; неисполненное, и великое, не только не оправдаетъ, а и осудитъ. Нѣкогда потребуютъ строгаго отчета въ преподанной наукѣ. И здѣсь лѣнивые ученики много терпятъ: какой стыдъ будетъ тамъ!

1) Вел. Пост. Сл. въ ср. 5-й н. т. VI, стр. 146—8.

2) Сл. и бес. на пр. Богор. Сл. на д. Ввел. т. II, стр. 16.

3) Сл., б. и р. на осв. хр. и пр. Сл. на осв. ц. въ с. Некр. Г. II стр. 304.

„Храмъ есть лечебница: итакъ, смѣло требуй врачевства. Никогда не отчаявайся въ исцѣленіи. Для нашего Врача нѣтъ неизлѣчимыхъ больныхъ. Только не оставляй употреблять средствъ, тебѣ предписываемыхъ. Не слушай своего ума, когда онъ будетъ говорить тебѣ, что то или другое средство, по видимому, бесполезно. Спаситель нашъ знаетъ болѣе всѣхъ насъ и наши болѣзни и насъ самихъ. Не слушай плоти, когда она будетъ влечь тебя къ чему либо запрещенному, хотя бы оно оказалось невиннымъ. И тѣлесные врачи лишаютъ насъ многого, лишаютъ даже гораздо большаго. Безъ воздержанія духовныя врачевства такъ же остаются безъ дѣйствія, какъ и тѣлесныя. Что пользы, напр., если здѣсь причастишься *трапезы Господней*, а по выходѣ за прагъ дома Божія, сядешь за *трапезу бѣсовскую* (1 Кор. 10, 21)?“ 1) „Никакія молитвословія и службы не освятятъ насъ, если въ душѣ нашей не учредимъ непрерывнаго служенія Богу духомъ и истиною, кротостію и чистотою, покаяніемъ и исповѣданіемъ предъ Сердцевѣдцемъ грѣховъ своихъ“ 2).

„Храмъ есть судилище духовное: итакъ, *мирись* съ небеснымъ *Соперникомъ*, *доколь находишься на пути* (Мѡ. 5, 25)—сея жизни. Толкай въ двери милосердія, пока не насталь часъ суда и наказанія. Не пренебрегай властію Церкви: она отъ Бога. Разрѣшенное здѣсь, будетъ прощено и тамъ; связанное здѣсь, будетъ въ узахъ и тамъ. Принимай милость подаваемую, не удивляясь много избытку въ даяніи: много дается каждому потому, что для насъ всѣхъ много пріобрѣтено, за насъ всѣхъ крайне много заплачено. Только смотри не злоупотребляй прощеніемъ. Любовь Искупителя да будетъ тебѣ Ангеломъ-Хранителемъ отъ новыхъ беззаконій. Иначе все погубишь, и съ тебя взыщется за самыя милости, тобою злоупотребленныя.

„Храмъ есть мѣсто свиданія съ существами неземными: итакъ, вы, кои лишились близкихъ вашему сердцу, вмѣсто безплодныхъ сѣтованій и слезъ, спѣшите чаще къ подножію алтарей Господнихъ. Тутъ предъ лицомъ Бога любви, у Коего нѣтъ мертвыхъ, вашъ духъ найдетъ себѣ успокоеніе; вы сами при-

1) Сл. в бес. на пр. Богор. Сл. на д. Введ. Т. II, стр. 16.

2) Сл. в р. при пос. наст. Сл. св. въ Уст. ж. м. Т. III, стр. 42.

близитесь въ духѣ къ предѣламъ міра горняго, предощутите силу грядущаго вѣка;—а при семъ предощущеніи настоящая жизнь престанетъ для васъ быть такъ драгоценною, и вы не будете безутѣшно сѣтовать о временной разлукѣ съ любезными вамъ, а примите рѣшимость идти по слѣдамъ ихъ съ вѣрою и любовію туда же, гдѣ и они.

„Храмъ есть мѣсто присутствія и лицезрѣнія Божія. Итакъ, стой во храмѣ предъ Богомъ хотя такъ, какъ бы ты стоялъ предъ царемъ земнымъ. Оставляй за прагомъ дома Божія всякое житейское попеченіе. *Довлѣтъ міру злоба его* (Мѡ. 6, 34): зачѣмъ ее вносить и сюда? Тамъ *пререканія днемъ и ночью* (Пс. 54, 10): пусть будетъ хотя здѣсь миръ и тишина. Шестъ дней отдаются землѣ и плоти: пусть хотя седьмой всецѣло посвятится Господу. Стой во храмѣ, какъ бы стоялъ на небѣ; ибо стоя во храмѣ, ты дѣйствительно стоишь на небѣ предъ Богомъ“ 1); „стой со страхомъ, какъ стоятъ предъ лицомъ Царя небеснаго“ 2), „устремивъ взоръ и мысль къ Богу и святымъ иконамъ“ 3); „молись съ умиленіемъ, какъ прилично молиться ищущимъ помилованія грѣшникамъ. Ибо что же всѣ мы, кто бы ни были, какъ не осужденные на смерть преступники закона Божія? Всѣ заслуги наши предъ Творцомъ нашимъ не состоятъ ли въ совершенномъ признаніи Его величія и нашей нечистоты. Всѣ права и всѣ надежды наши не въ одномъ ли безприкладномъ милосердіи Его? Такимъ ли существамъ нехать здѣсь первыхъ мѣстъ, отличатся убранствомъ и нарядами, принимать на себя величавый и презорливый видъ! Здѣсь мѣсто свиданія съ Господомъ и Ангелами, а не съ земными друзьями и знакомыми; тутъ время бесѣдовать въ глубинѣ души съ евангелиемъ и съ совѣстію, а не съ тѣмъ, кто стоитъ возлѣ тебя“ 4). „Если необходимо сказать кому что либо, то сказать кратко и тихо. Должно воздерживать себя отъ самыхъ естественныхъ движеній, дабы не помѣшать тому, что читается, или поется,

1) Сл. и бес. на пр. Богор. Сл. на д. Введ. Т. II стр. 16—7.

2) Сл., бес. и р. на осв. хр. и пр. Сл. на осв. хр. во имя Мих. 1-го м. Кіев. Т. II стр. 256.

3) Ibid. Сл. на осв. ц. въ с. Небр. стр. 304.

4) Ibid. предыд. сл. стр. 256.

напр., не кашлять громко и тому подобное¹⁾). Особенно же потребно вниманіе и благоговѣніе, когда совершается таинство Тѣла и Крови Христовой. „И когда діаконъ скажетъ: *станемъ добръ, станемъ со страхомъ*, соберись со всѣми мыслями и чувствами, отложи всякое земное попеченіе, вообрази, что ты стоишь на Голгоетѣ и предъ тобою на крестѣ Сынъ Божій, Спаситель твой; или что ты въ горницѣ Сіонской, и предъ тобою нисходитъ Духъ Святой. Воздѣнь вмѣстѣ съ священникомъ руки къ Богу и молись; пади съ нимъ на помость храма, и благодари Бога за неизреченную Его милость. Ибо какъ не милость, когда на святомъ престолѣ приносится въ сію минуту за грѣхи наши жертва столь великая? Какъ не чудо, когда обыкновенный хлѣбъ и вино, дѣйствіемъ Святаго Духа, обращаются въ эту минуту въ Тѣло и Кровь Христову; дабы питать души наши въ жизнь вѣчную“²⁾?

Образъ предстоянія нашего въ храмѣ вполне можно взять изъ изображенія св. Іоанномъ въ своемъ Откровеніи тѣхъ, кои находятся въ Церкви небесной, предъ Престоломъ Божиимъ. „Поелику Церковь справедливо называется небомъ на землѣ: то и находящимся во храмѣ всего ближе и лучше подражать тѣмъ, иже суть въ Церкви небесной. Что же замѣтилъ тамъ Тайнозритель? Замѣтилъ, во первыхъ, чистоту и безпорочность: *не имать въ него внити ничто же скверно и творяй мерзость и лжу* (Апок. 21, 27); замѣтилъ, во вторыхъ, всеобщее благоговѣніе и смиреніе: *и падоша на лица свои предъ престоломъ и поклонишася* (Апок. 7, 11); замѣтилъ, въ третьихъ, скромность и благоприличіе въ самомъ внѣшнемъ ихъ положеніи: *облечены въ ризы бѣлы и финицы въ рукахъ ихъ* (Апок. 7, 9).

„Не можемъ мы, обложенные плотію и кровію, являться во храмъ подобно небожителямъ, вовсе безъ порока. По крайней мѣрѣ, должны являться въ храмъ за безпорочностью, съ желаніемъ и молитвою о томъ, чтобы Господь воссоздалъ въ насъ своею благодатію сердце чистое и обновилъ во утробѣ нашей духъ правый. Тѣмъ паче не позволительно уже ни въ какомъ

1) Ibid. Сл. въ с. Некр. стр. 304.

2) Ibid., стр. 305.

случаѣ являться во храмъ за порокомъ—для того, напр., чтобы соблазнять другихъ или самимъ быть соблазненными. Ибо, къ сожалѣнію, и это бываетъ, что храмъ—мѣсто молитвы обращается въ мѣсто соблазнительныхъ взглядовъ, бесѣдъ и свиданій. На кого въ такомъ случаѣ походятъ таковые люди? Явно не на небожителей, а развѣ на духовъ тьмы, кои, по допущенію свыше, являются иногда у самого престола Божія, какъ это видимъ на искушитель Іова. Что можетъ ожидать таковыхъ людей въ будущемъ, какъ не казнь самая ужасная? Ибо, если вообще *горе тому, имъ же соблазнъ приходитъ* (Мѡ. 18, 6), такое горе, что, по слову Спасителя, лучше было бы для таковыхъ, когда бы съ камнемъ на выи они были брошены въ пучину морскую; то судите, какое горе должно ожидать человѣка, который осмѣливается сѣять соблазнъ въ самомъ храмѣ Божіемъ, уловлять души предъ лицомъ Самаго Владыки неба и земли, у подножія Его престола“¹⁾? Но многіе, не позволяя себѣ никакого неприличія и нескромности, стоятъ при богослуженіи съ разсѣянною мыслию, съ думами о земномъ.

„Такого разсѣянія мыслей надобно всячески избѣгать... Но оно вообще сродно нашей падшей и нечистой природѣ: и доколѣ мы не освободимся отъ него духовнымъ бдѣніемъ и молитвою, доколѣ не побѣдимъ, благодатію Божіею, зла въ насъ живущаго, не подчинимъ воображенія уму, ума духу, духа не заключимъ въ волѣ Божіей; дотолѣ, гдѣ бы мы ни были, хотя бы на самомъ небѣ, будемъ разсѣяны, и преданы мыслямъ земнымъ“²⁾.

„Второе свойство пребывающихъ въ небесномъ храмѣ, по указанію Тайновидца, есть ихъ крайнее смиреніе и благоговѣніе: *и падоша на лица своя*. При великой непорочности и чистотѣ ихъ, можно бы, казалось, и не повергаясь долу, откровеннымъ, по выраженію апостола, лицомъ взирать на славу Сѣдѣщаго на престолѣ: но и очищенные, и убѣленные, и освященные, они помнятъ, чѣмъ были нѣкогда на землѣ, не забываютъ своего прежняго недостойнства, и въ смиреніи повергаются долу къ подножію Его престола. Послѣ такого примѣра, чего надлежало бы

1) Ibid. Сл. при осв. Харьк. кае. соб. стр., 287—8.

2) Сл. и р. при пос. наст. Сл. ск. въ Уст. ж.м. Т. III, стр. 41.

ожидать въ храмѣ отъ насъ—недостойныхъ и грѣшныхъ? Того, что большая часть все богослуженіе будутъ не стоять, а повергать себя долу во прахъ, не смѣя, подобно мытарю, возвести очей своихъ на небо. Подобно сему и поступаютъ нѣкоторые; и Св. Церковь съ радостію замѣчаетъ ихъ смиреніе. Но что сказать о другихъ, особенно о нѣкоторыхъ? Нѣтъ, кажется, мѣста, въ которое бы они приходили съ большимъ небреженіемъ, дерзостію и, такъ сказать, неистовствомъ, какъ во храмъ. Это для нихъ домъ безъ хозяина, гдѣ можно вести себя какъ угодно. Къ сожалѣнію, тѣ самые, отъ коихъ бы ожидалось противнаго, кои даже по самому званію своему должны бы служить примѣромъ для другихъ, тѣ самые предаются иногда въ храмахъ—то безвременнымъ бесѣдамъ, то неприличнымъ движеніямъ; и вмѣсто того, чтобы, по внушенію Царкви, оставивъ всякое земное попеченіе, предаться молитвѣ, стараются, и для себя и для другихъ, продолжать посредствомъ неблагоразумныхъ бесѣдъ, суету житейскую. Какъ не пожалѣть о такомъ забвеніи и святости храма и собственной чести? Ибо кто изъ присутствующихъ во храмѣ не готовъ осудить такого жалкаго самозабвенія? 1) Нѣкоторые даже въ самые важные таинственные моменты богослуженія „не только видимо продолжаютъ вращать мірскіе помыслы въ душѣ своей, но не стыдятся выставлять своего безчувствія и разсѣянія даже наружу—предъ вами, такъ что, когда другіе лежатъ въ смиреніи долу, они стоятъ безчинно, заводятъ разговоры, показываютъ на лицѣ смѣхъ, въ движеніяхъ неблагопристойность. Вотъ до чего можетъ простираться, не скажу, безвѣріе,—ибо его часто у такихъ людей нѣтъ,—а неразуміе, безразсудство и безстрашіе! Зачѣмъ въ такомъ разѣ уже и ходитъ въ церковь? Лучше сидѣть дома и заниматься какимъ либо дѣломъ; ибо такое поведеніе въ церкви сопряжено съ ужаснымъ грѣхомъ для души. Въ такихъ людяхъ—на этотъ, по крайней мѣрѣ, разъ—не только нѣтъ никакой любви къ своему Спасителю, а, напротивъ, какая то какъ бы ненависть и вражда. Ибо, какъ же не вражда, когда ты не только самъ не оказываешь уваженія

1) Сл., б. и р. при осв. хр. и пр. Сл. при осв. Харьк. вое. соб. Т. II стр. 288—9.

къ таинству Господню, а еще возмущаешь собою чувство тѣхъ кои стоятъ во храмѣ, и не даешь имъ помолиться съ благоговѣніемъ? Не такъ ли точно поступаютъ съ своими врагами, стараясь отнимать у нихъ уваженіе, имъ оказываемое? Вѣроятно, таковые люди не представляютъ себѣ этого; но поступокъ ихъ отъ того не лучше:—и если Церковь овѣрныхъ чадахъ своихъ говоритъ, что съ ними находятся въ храмѣ силы небесныя, то о сихъ несчастныхъ должно сказать противное, что съ ними и въ храмѣ—силы преисподнія, научая ихъ глумиться, когда должно плакать,—заводить разговоры, когда отъ благоговѣнія надлежало бы въ молчаніи пасть на землю. Не возмущайтесь, вѣрныя чада, таковымъ безчинствомъ: оно попускается Господомъ для нашего испытанія! Ибо Онъ могъ бы тотчасъ послать на таковыхъ громъ и молнію. Самыя силы небесныя, въ храмѣ находящіяся, не замедлили бы стать за честь своего Владыки, и обратили бы въ прахъ безумныхъ презрителей дома Божія: но милосердіе Божіе терпитъ ихъ, дая время на покаяніе, а съ другой стороны, испытывая спмъ нашу вѣру и терпѣніе въ молитвѣ. Посему, говорю, не смущайтесь много симъ несчастнымъ примѣромъ; но тѣмъ паче не уклекайтесь имъ къ подражанію. Ибо, чему тутъ подражать? Кто бы ни были такіе люди, чѣмъ бы ни отличались въ мірѣ, поступая такимъ образомъ, они глупѣе малолѣтнихъ дѣтей. Ибо дитя, когда видитъ, что предъ нимъ происходитъ что либо важное и священное, стоитъ внимательно, устремивъ взоры на происходящее. Посему тутъ мѣсто не подражанію, а сожалѣнію, ибо какъ не пожалѣть о такомъ безчувствіи и забвеніи не только святости мѣста, но и всякаго приличія? Чтобы, однако же, подобный примѣръ не оказалъ какого либо вреднаго дѣйствія на малолѣтнихъ, кои еще не могутъ судить о лицахъ и вещахъ правильно; то не оставляйте внушать дѣтямъ вашимъ, какъ худо поступаютъ тѣ, кои ведутъ себя въ церкви такимъ образомъ, какъ это глупо, безчестно и богопротивно, какъ всѣ этимъ недовольны, дабы заранѣе поселить такимъ образомъ въ нихъ уваженіе къ храму Божію. Ибо и сіи несчастные своевольцы поступаютъ безчестно во храмахъ, по всей вѣроятности, потому, что съ младыхъ

лѣтъ не было кому наставить ихъ и внушить, что значить храмъ, и что здѣсь, во время совершенія таинствъ, сами силы небесныя съ нами невидимо служатъ“ 1). Съ какимъ же совѣтомъ обратиться къ вамъ, кои ходите въ храмъ не для храма? Какой жертвы можно требовать отъ васъ для Господа?—„Долго всемошная рука Его не коснется сердца вашего и не сокрушитъ мѣди и желѣза, облегающихъ выю вашу, принесите въ жертву, по крайней мѣрѣ, одно то, что вы приносите не-престанно міру—благоприличіе и скромность. Не приемля здѣсь сами пользы душевной, не будьте, по крайней мѣрѣ, во вредъ другимъ. Зачѣмъ въ семь раю принимать на себя образъ змій искусителей? Если уже Ангелы-хранители ваши должны плакать, то пусть плачутъ о васъ однихъ“ 2).

„Третье качество небожителей, видѣнныхъ св. Іоанномъ на небѣ—у престола Божія, состояло въ приличіи и скромности ихъ внѣшняго положенія: *облечены въ ризы бѣлыя и финицы въ рукахъ ихъ.*

„Если самъ Тайновидецъ почелъ нужнымъ замѣтить сіе обстоятельство; тѣмъ паче мы не сдѣлаемъ излишняго, напомявъ о томъ же, дабы входящіе во храмъ знали, въ какомъ видѣ являться тамъ. Нужны ли для сего убранство и богатая одежда? Нѣтъ, Господь храма равно приемлетъ и виссонъ и рубища; ибо ищетъ не одеждъ нашихъ, а сердца. Впрочемъ, если мы, идя въ дома людей уважаемыхъ, стараемся не внести въ нихъ вмѣстѣ съ собою какой либо нечистоты: то кольми паче, идя во храмъ, попечемся о возможной чистотѣ и приличіи. Противное можетъ быть извинено развѣ токмо какою либо крайностію.

„Но заботясь о внѣшнемъ благоприличіи въ храмѣ, тѣмъ паче надобно умѣть не преступать мѣру этой заботы. Ибо у нѣкоторыхъ она простирается до того, что въ убираніи себя проводятъ значительную часть времени, назначеннаго для богослуженія; посему и поспѣваютъ къ половинѣ, а иногда къ концу онаго. Уже это весьма худо; а еще хуже то, для чего

1) Вел. Пост. Сл. въ сред. 3-й нед. Т. VI, стр. 107—8.

2) Сл., б. и р. при осв. хр. и пр. Сл. на осв. хр. во имя Млч. 1-го м. К. Т. II, стр. 256.

иѣкоторые стараются преукрашать себя такимъ образомъ, то есть, чтобы, вошедъ въ церковь, остановить на себѣ взоры всѣхъ, чтобы превзойти то или другое лицо своимъ убранствомъ. Объ этомъ ли думать, идя въ церковь? Тутъ ли мѣсто соперничеству и зависти? Нѣтъ, истинная христіанка, собираясь идти въ церковь и имѣя даже всю возможность удивить своими нарядами, почтетъ за долгъ отложить въ сторону все пышное и дорогое, и явиться безъ украшеній, въ простомъ видѣ, дабы иначе не сдѣлать изъ себя зрѣлица во храмѣ, и не отвлечь взоровъ и вниманія отъ святыхъ иконъ на себя. Если нуженъ примѣръ на сіе, то возьмемъ его у небожителей, видѣнныхъ Іоанномъ. Въ какомъ бы украшеніи не могли они являться предъ престоломъ Божиимъ? Но они являются токмо облеченными въ одежду бѣлую и съ финиками въ рукахъ, яко съ знаменіемъ побѣды надъ грѣхомъ и страстями. А намъ, яко еще непобѣдившимъ и находящимся на полѣ сраженія, намъ—часто падающимъ и уязвляемымъ, всего приличнѣе являться во храмахъ съ знаменіемъ печали и сокрушенія сердечнаго¹⁾.

Таковы качества требуются отъ тѣхъ, которые желаютъ, чтобы посѣщеніе ими храмовъ достигло своей цѣли, т. е. помогло имъ при устроеніи души своей въ живой храмъ Бога живаго²⁾; помогло, говоримъ, ибо для самаго созиданія этого таинственнаго внутренняго храма требуется еще вѣчто другое. Именно душу свою, уготовляемую для этого храма, „надобно очистить отъ сквернъ плотскихъ и омыть слезами покаянія; надобно пріять помазаніе отъ Святаго, то есть, благодать Духа, безъ коей мы всѣ и всегда ничто, сильны только на одно зло; надобно далѣе облечь ее благими нравами и добродѣтелями христіанскими; все же сіе и начинается, и продолжается, и оканчивается, когда дастъ Господь кончить,—молитвою. Дѣло великое! Храмъ вѣшній, какъ бы онъ ни былъ огроменъ, можно устроить въ иѣсколько лѣтъ. Надъ храмомъ внутреннимъ надобно трудиться и работать всю жизнь. За то сей храмъ вѣченъ, и въ немъ преестественно будетъ обитать вся Пресвятая Троица, исполняя того, въ немъ же обитаетъ. ра-

1) Ibid. Сл. при осн. Харьк. Каѳ. соб. стр. 289—90.

2) Ibid. Сл. по осн. хр. въ с. Арап. стр. 301.

достію неизглаголанною и прославленною... Когда онъ достигнетъ надлежащаго совершенства, то для освященія его явится самъ Архіерей *прошедый небеса* (Евр. 4, 14), Господь Іисусъ, и не явится токмо, но, освятивъ, вселится въ него и будетъ въ немъ *Самъ и еже хотѣти, и еже дѣяти о благоволеніи* (Филип. 2, 13)¹⁾. „*Къ Нему же (Христу Спасителю) приходяще каменіи живу отъ человекъ убо уничиженну, отъ Бога же избранну, честну, и сами, яко каменіе живо, зиждитесь въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови* (1 Пет. 11, 4—5). Вотъ, къ чему мы всѣ предназначены! не ходитъ только въ храмы, а и самимъ быть храмами; не приносить только въ жертву что либо малое или великое, а самимъ обратиться въ жертву Господеви. Будемъ ли уклоняться сей чести потому токмо, что она велика и безмѣрна? Но Господь знаетъ, къ чему вести насъ, и доведетъ, если токмо будемъ послушны гласу Его и вѣрны обѣтамъ своимъ“²⁾.

Но храмы внутренніе, подобно внѣшнимъ и даже болѣе ихъ, могутъ подвергаться разрушенію и обращаться въ жалкія развалины. Какимъ же образомъ? Представимъ себѣ, что храмъ Божій въ душѣ человѣческой и проченъ, и твердъ, блистаетъ благолѣпіемъ и святостію. Но вотъ „приходитъ въ душу грѣхъ съ полчищемъ страстей и все превращаетъ! Мирное служеніе Богу—мыслями, чувствами и дѣяніями,—вѣрою, любовію и упованіемъ, прекращается; вмѣсто его начинаютъ слышаться дикіе вопли страстей, буйные порывы гнѣва и сладострастія: то есть, начинается служеніе сатанѣ... Въ слѣдъ за симъ, по духу разрушенія, неразлучному отъ духа разврата, все во внутреннемъ храмѣ души слабѣетъ и клонится къ паденію. Умъ приходитъ въ развалины:—свѣтлыя и чистыя понятія о Богѣ и Его святомъ законѣ, о вѣчности и воздаяніи за добро и зло, о истинѣ, правдѣ и благолѣпіи—гускнутъ, покрываются пылью, выходятъ, такъ сказать, изъ своихъ мѣсть и теряютъ силу поддерживать человѣка. Сердце приходитъ въ развалины: нѣтъ болѣе стройности чувствъ, нѣтъ согласія во внутреннихъ дви-

1) Ibid. стр. 300—1.

2) Ibid. Сл. по случ. осв. хр. въ Куряж. мон. стр. 293

женіяхъ, нѣтъ воодушевленія па добро; нѣтъ любви чистой, *николи же отпадающей* (1 Кор. 13, 8). Самая совѣсть приходитъ въ развалины: отъ нея остаются токмо слабыя, не всегда слышимыя, внушенія добра и отвращенія отъ зла.

„Пришедъ въ развалины и храмъ душевный, подобно храмамъ чувственнымъ, становится виталищемъ разныхъ птицъ и гадовъ нечистыхъ—я разумѣю, мрачныхъ, плотскихъ помысловъ и душетлѣнныхъ пожеланій грѣховныхъ. Мало сего: какъ среди развалинъ, въ дремучемъ лѣсу, нерѣдко избираютъ себѣ пристанище люди отверженные обществомъ—тати и душегубцы; такъ между развалинами храма душевнаго всегдашнее, любимое жилище духовъ злобы поднебесной...

„Судя по сему, какъ бы грѣшнику не чувствовать своего ужаснаго положенія? Но онъ не чувствуетъ сего, не видитъ своихъ внутреннихъ развалинъ, почитаетъ себя цѣлымъ и безопаснымъ, радуется даже нерѣдко своему блаженному, какъ онъ думаетъ, состоянію. До того грѣхъ и страсти ослѣпляютъ грѣшника, портятъ его мысли и сужденія, извращаютъ его умъ и сердце! Эти духовныя развалины кажутся нерѣдко и для другихъ прелестными, подобно развалинамъ вещественнымъ; потому что онѣ также покрыты мохомъ, увиты павиликою, испещрены цвѣтами; то есть, въ развращенномъ человѣкѣ остаются слѣды моднаго образованія, проблески вкуса мірскаго, цвѣты воображенія, остроумія, бездушная увѣтливость и любезность плотская.

„Посему-то первое правило человѣка, не отрекшагося отъ своего спасенія, никогда не довѣрять своей наружной честности, своимъ, такъ называемымъ на языкѣ міра, прекраснымъ качествамъ. Пусть удивляется и любитъ ими міръ; а мы должны смотрѣть на нихъ испытующимъ окомъ совѣсти. Почему? Потому, что все это можетъ быть не что иное, какъ однѣ жалкія развалины внутренняго храма души, прибрѣтшія вѣкій видъ красоты и занимательности отъ самой давности своего разрушенія.

„Какъ же, спросить кто либо, узнать, что храмъ души нашей цѣлъ и благоустроенъ? Такъ же, какъ узнаютъ это въ отношеніи къ храмамъ наружнымъ—сравненіемъ состоянія и

вида ихъ съ чертежемъ, по коему они строены. Чертежь внутренняго храма—въ Евангеліи и совѣсти нашей: посему съ нами должно, какъ можно чаще, справляться о своемъ душевномъ состояніи тому, кто не хочетъ быть подобенъ развалинамъ. Вмѣстѣ съ симъ прилежно да помнимъ, что въ насъ, доколѣ остаемся на землѣ, все еще вѣтъ цѣлаго и полнаго храма души въ томъ совершенствѣ, которое онъ долженъ имѣть по намѣренію небснаго Архитектона. Во всю жизнь нашу долженъ онъ возсозидаться и благоустроиться, вершину же и крестъ на немъ ставить одинъ ангель смерти. Нашъ долгъ посему смотрѣть ежедневно, не прекращается ли духовная работа, не отступлено ли отъ плана, надлежаще ли употребляются матеріалы, съ усердіемъ ли и прочностію происходитъ дѣло: то есть, не оставляется ли нами когда либо попеченіе о душѣ нашей и усовершеніе себя въ дѣлахъ благихъ, на вѣрѣ ли въ Господа Іисуса и всеискупляющемъ Крестѣ Его зиждемъ мы свое спасеніе? Скрѣпляется ли зиждимое терпѣніемъ и самоотверженіемъ, украшается ли любовію и милосердіемъ, возвышается ли отъ всепревосходящаго смиренія? Вотъ о чемъ должны мы прилагать попеченіе, а не думать, что внутренній храмъ нашъ уже конченъ и намъ остается только праздновать его освященіе. Нѣтъ, это великое празднество совершится не здѣсь, а,—если дастъ Господь,—тамъ въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небснаго“¹⁾...

Важное значеніе внѣшнихъ храмовъ для христіанина побуждаетъ его оказывать возможную помощь при ихъ созиданіи. Само собою слѣдуетъ, что, посѣщая уже созданные храмы Божіи, христіане обязаны пещись о поддержаніи ихъ, доставленіи всего нужнаго для совершенія въ нихъ Богослуженія, наблюдая при этомъ возможное для своихъ средствъ благодѣпіе. Конечно, внѣшнее великолѣпіе и богатство украшеній въ храмахъ—дѣло второстепенное: храмы христіанскіе не нуждаются въ излишнихъ украшеніяхъ: имъ приличны простота и опрятность²⁾; (они великолѣпны не серебромъ, „а вѣрою и чистымъ усердіемъ“³⁾; они красуются не пурпуромъ и золотомъ, а

1) Сл. и р. при пос. паст. Сл. св. въ святог. с. ц. т. III стр. 65—6.

2) Лекц. л. 6-я Нр. Антр. т. X, стр. 240.

3) Сл., б. и р. при осв. хр. и пр. Сл. на д. осв. хр. св. Георг. т. II, стр. 262.

божественными таинствами и усердіемъ молящихся: но нельзя же сказать и того, чтобы домамъ нашимъ подобало удобство и благолѣпіе, а храмамъ Божиимъ—тѣснота, мрачность и безобразіе. Въ такомъ случаѣ обличилъ бы насъ не только св. Давидъ, стыдившійся обитать въ кедровыхъ чертогахъ, когда кивотъ завѣта находился подъ шатромъ, но и собственная наша совѣсть ¹⁾. „Самъ Спаситель... никогда не пренебрегалъ храмомъ Іерусалимскимъ и, во время пребыванія своего въ Іерусалимѣ, нигдѣ такъ часто не бывалъ, какъ въ семь храмѣ. Видѣлъ Онъ всѣ богатія украшенія сего храма и ни разу не произнесъ осужденія на украшавшихъ; напротивъ, похвалилъ усердіе вдовицы, принесшей въ даръ двѣ лепты. Послѣ сего можно ли себѣ позволить холодность къ состоянію храмовъ Божіихъ? Святыя таинства вѣры, очевидно, не могли избрать себѣ въ обителище нашихъ жилищъ; для нихъ необходимо святилище; но для святилища въ свою чреду необходимы чистота, удобность, благолѣпіе священное“ ²⁾. Спаситель нашъ хотя теперь на престолѣ славы одеснугъ Бога Отца, и посему не имѣетъ никакой нужды въ помощи отъ насъ, въ нашихъ дарахъ и приношеніяхъ ³⁾; „но вмѣстѣ съ симъ для нашего спасенія продолжаетъ доселѣ являться и во ясляхъ. Если сіи на жертвенникѣ церковномъ, гдѣ Онъ, можно сказать, при каждой литургіи какъ бы снова рождается, дабы снова же принести Себя за грѣхи наши въ жертву правды Божіей. И какъ часто Онъ терпитъ въ сихъ ясляхъ нужду! Тутъ потребны для Него и одѣяніе, и покровъ, и свѣтъ, и теплота“ ⁴⁾. Благоволивши паки обрѣтаться между нами чувственно, въ нашихъ храмахъ, въ таинствѣ Тѣла и Крови Своея, Спаситель нашъ, обрѣтаясь такимъ образомъ, благоволитъ подлежать паки лишениямъ и нуждамъ, подобно тому, какъ Онъ подлежалъ имъ нѣкогда въ вертепѣ ввелеемскомъ и вертоградѣ Іосифовомъ. Все нужное „могли бы устроить для Него въ нашихъ храмахъ Херувимы и Серафимы, выну присутствующіе при священнодѣйствіяхъ; но Онъ не благоволитъ принимать отъ нихъ сего

1) Ibid. Сл. по осв. Харьк. Каѳ. соб. стр. 286.

2) Сл. и б. на Воскр. дни. Сл. въ вед. Св. Жень Мур. т. I, стр. 409.

3) Ibid. стр. 497.

4) Сл. и бес. на Р. Хр. Бес. на д. Р. Хр. т. I, стр. 94—5

служенія, предоставляя честь сію намъ, коихъ Онъ искупилъ Своею Кровію, и во спасеніе коихъ снова приносится въ безкровную жертву“¹⁾). Между тѣмъ верѣдко бываетъ, что „храмъ Божій стоитъ дель и ночь предъ очами нашими въ развалинахъ и проситъ себѣ помощи; мы же скорѣе выстроимъ для себя великолѣпный пріютъ для нашихъ коней и колесницъ, нежели обратимъ на него вниманіе“²⁾).

Должно замѣтить при этомъ, что наша помощь при украшеніи, а особенно при созданіи храмовъ есть услуга не только Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ—услуга человѣчеству, особенно бѣдствующему. „Ибо, развѣ ближній нашъ состоитъ изъ одного тѣла, а не души вмѣстѣ? Развѣ онъ имѣетъ нужду въ одной одеждѣ, хлѣбѣ и кровѣ и не нуждается въ храмѣ, богослуженіи и таинствахъ? Какъ же, оказывая ему милость по плоти, не оказывать ему же тѣмъ паче милости по духу, доставивъ ему возможность быть, какъ можно чаще, въ храмѣ, поучаться тамъ словамъ Божиимъ, услаждаться зрѣніемъ священнодѣйствій? Здѣсь во храмахъ, воздвигнутыхъ или украшенныхъ нашимъ усердіемъ, бѣднякъ найдетъ то, чего мы не можемъ доставить ему со всѣми нашими пособіями, то есть, пищу своему сердцу, освященіе благодатію Св. Духа. Даже самая вещественная помощь на нужды тѣлесныя нигдѣ такъ удобно не пріобрѣтается бѣдностію, какъ при храмахъ: ибо нигдѣ такъ не разверзается ни сердце, ни рука на подаваніе милостыни бѣднымъ, какъ въ храмахъ—послѣ богослуженія“³⁾).

Итакъ, кто любитъ Спасителя своего и ближнихъ, тотъ никогда не откажется дѣлать возможное для себя приношеніе отъ честныхъ трудовъ своихъ для храмовъ Божіихъ. „Св. жены съ праведнымъ Іосифомъ свидѣтельствуютъ, что у Господа нашего не забытъ никакой даръ, ни самый высокій и великій, ни самый малый и простой, коль скоро принесенъ съ вѣрою и любовію“⁴⁾). „Кто можетъ сдѣлать многое, сдѣлай многое: тамъ воздастся за все сторицею! Кто не въ состояніи сдѣлать многое, сдѣлай малое: ибо Господь взираетъ не на количество и

1) Сл. и бес. на воскрес. дни. Сл. въ нед. св. женъ мвр. Т. I. стр. 497.

2) Сл. и бес. на Р. Хр. Б. на д. Р. Хр. Т. I. стр. 95.

3) Сл. и б. на воскресн. дн. Сл. въ нед. ж. мвр. Т. I. стр. 501.

4) Сл. и бес. на пр. Г. Сл. на д. Препоз. Т. I. стр. 341.

дѣву приносящаго, а на сердце приносящаго. Вдовица, упоминаемая въ Евангеліи, вложила въ церковную корвану не тысячи и сотни, а только двѣ лепты; и Господь возвеличилъ ея приношеніе предъ всѣми прочими, потому что она сдѣлала изъ любви къ Господу и храму Его все, возможное для нея" ¹⁾. И дѣйствительно, „нельзя не видѣть безъ особеннаго умиленія какъ многіе изъ людей самыхъ бѣдныхъ жертвуютъ, подобно евангельской вдовицѣ, едва не послѣднею лептою на потребу храмовъ Божіихъ. Миръ и благословеніе вамъ, души добрыя и простыя, отъ лица Господа! Вы — среди мрака почного освѣщаете ликъ вашего Спасителя и св. угодниковъ Его, на иконныхъ изображеніяхъ: Онъ, Преблагій, ознаменуетъ свѣтъ лица Своего на васъ, когда вы будете идти мракомъ сѣни смертной. Вы приносите благовонный еиміамъ для воскресенія предъ св. алтаремъ Его: Онъ удалитъ отъ васъ дѣйствіе тли смертной, скружающей насъ во гробъ. Вы прикрываете Его наготу въ храмахъ: Онъ покрываетъ васъ ризой заслугъ своихъ въ то время, когда вы будете стоять на судѣ всемірномъ. Только не останавливайтесь, добрыя души, на дарахъ, вами приносимыхъ, и не говорите вмѣстѣ съ фарисеемъ: *десятину даю всего, елико притяжу* (Лк. 18, 12), а старайтесь и сами себя, то есть, и сердца ваши уготовлять *въ жертву живу и благоудну Господеву*" ²⁾.—Но милости верховнаго Раздаятеля всѣхъ благъ не ограничиваются лично тѣми, которые свои блага земныя умѣютъ употреблять для Его видимыхъ жилищъ на землѣ. Съ благоволеніемъ взирая на любящихъ святыню дома Его и ревнующихъ о благолѣпії его, милость и благословеніе Свое Онъ общаетъ не только имъ самимъ, но даже и всему потомству ихъ ³⁾. „Свидѣтели тому Давидъ и Соломонъ: первый за одно намѣреніе создать храмъ и приготовленіе матеріаловъ къ тому, а второй за приведеніе сего намѣренія въ дѣйствіе, получили благословеніе Божіе не токмо себѣ, но и всему своему потомству" ⁴⁾. О св. Давидѣ, за его любовь къ дому Божію,

1) Сл. в б. на пр. Богор. Сл. на д. Благов. Пр. Богор. Т. II стр. 39—40.

2) Сл. в бес. на воскр. дн. Сл. въ нед. ж. мур. Т. I стр. 498.

3) Ibid. стр. 296.

4) Сл. при пос. паст. Сл. св. въ з. г. Слав. Т. III стр. 81.

даже сказано пророкомъ, „что сынове его сядуть до вѣка на престолѣ Его“ 1).

Нѣкоторые, подъ разными предлогами, небрегутъ о созиданіи, поддержкѣ и благолѣпін храмовъ Божіихъ. „Какіе это предлоги?—Самый главный изъ нихъ, сколько случалось слышать, тотъ, что Господь требуетъ нашего сердца, а не даровъ, что истинная жертва Богу духъ сокрушенъ и сердце смиренно и уничиженно. Такъ! Этого первѣе всего требуетъ отъ насъ Господь нашъ; ибо не за вещественными дарами, а за сердцемъ нашимъ сошелъ Онъ съ неба и возшелъ на крестъ; но развѣ внѣшнія дѣла любви и усердіе къ св. церкви препятствуютъ имѣть такой духъ и такое сердце? Отъ сего то духа и сердца и проистекають таковыя дѣла, такъ что недостатокъ ихъ рѣдко, очень рѣдко не свидѣтельствуесть о томъ, что сего благаго духа и сего драгоценнаго сердца нѣтъ у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же это за духъ сокрушенъ, который, воздвигая для жительства своего чертоги царскіе, спокойно допускаесть до паденія стоящій о страну ихъ храмъ Божій? Что это за сердце смиренное, которое при всей нечистотѣ своей, почитаетъ себя столь драгоценнымъ, что вмѣсто всѣхъ другихъ даровъ, дерзаетъ одного себя гордо класть на престолъ Божій?.. Нѣтъ, тѣ, кои дѣйствительно имѣли духъ сокрушенъ и сердце смиренно, тѣ поступали иначе: они, подобно Давиду, стыдились и вмѣняли себѣ въ грѣхъ, что имъ, по обстоятельствамъ, доводилось жить въ домахъ кедровыхъ, когда ковчегъ свѣта оставался подъ шатромъ, и брали всѣ возможныя мѣры прекратитъ сіе неприличіе... То ли истина, когда въ нашихъ домахъ все блистаетъ свѣтомъ искусственнымъ, и ночь претворяется въ день; а въ храмахъ Господнихъ не будетъ свѣта предъ иконою Спасителя и Матери Его? То ли истина, когда мы предстоимъ святилищу въ богатыхъ одеждахъ, для коихъ матеріалы собраны со всѣхъ краевъ свѣта; а Спаситель нашъ долженъ исходить предъ насъ въ пречистыхъ тайнахъ Своихъ едва-едва покровеннымъ одеждою, и притомъ ветхою и малоцѣвною? То ли истина, когда мы принимаемъ отъ Него въ

1) Сл. в р. при избр. на общ. д. в пр. Сл. по случ. прис. двор. Харьк. г. Т. IV стр. 127.

храмъ самое пречистое Тѣло и Кровь Его; а свое усердіе къ Нему ограиваемъ тѣми малыми лептами, кои подаемъ обыкновенно самому послѣднему изъ нищихъ!“ 1). Другіе же въ своей холодности и неусердіи къ храмамъ думаютъ укрыться подъ кровомъ человѣколюбія. „Чѣмъ жертвовать на мертвые храмы, лучше, говорятъ они, употребить избытокъ имуществъ своихъ на вспоможеніе живымъ храмамъ, то есть, меньшей братіи Христовой,—бѣднымъ. Далъ бы Господь, чтобы тѣ, кои говорятъ или думаютъ такимъ образомъ, и поступали точно такъ, какъ говорятъ!—Премилосердый Спаситель нашъ и нынѣ отказался бы отъ всего въ пользу тѣхъ, за коихъ Онъ пролилъ Кровь Свою, остался бы нагимъ и алчнымъ, только бы они всѣ были одѣты и насыщены. Но есть не мало причинъ думать, что подобное человѣколюбіе остается на однихъ устахъ и составляетъ только предлогъ. Впрочемъ, допустимъ его во всей силѣ и спросимъ сихъ благотворителей человѣчества, зачѣмъ они хотятъ быть благотворителями только однихъ членовъ тѣла, и оставляютъ безъ помощи—главу? Ибо Спаситель, какъ мы замѣтили уже, и теперь подлѣжитъ лишеніямъ и нуждамъ, находясь пречистыми тайнами Своими въ нашихъ храмахъ. Въ продолженіе земной жизни Своей Онъ былъ по плоти всегда въ одномъ только мѣстѣ, а нынѣ присутствуетъ въ каждомъ храмѣ: вездѣ посему нуженъ для Него кровь, вездѣ потребна одежда. Присутствуя на землѣ лично, Онъ окруженъ былъ чудесами, кои возвышали лице Его, и, несмотря на окружающую Его бѣдность, дѣлали Его предметомъ уваженія для всѣхъ. Теперь—во храмахъ, окрестъ Его нѣтъ видимыхъ чудесъ; посему необходимо и внѣшнее благолѣпіе для выраженія внутренняго величія таинствъ. И мы, послѣдователи и члены тѣла Его, откажемъ Ему въ сей необходимой услугѣ?—Откажемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что вся милость и усердіе наше къ Нему истощены на Его меньшую братію! Есть ли въ семъ случаѣ хотя капля искренности?“ 2). При томъ, мы видѣли, что заботы о храмахъ Божіихъ есть не только услуга Господу, но и человѣчеству 3).

1) Сл. и б. на воскр. д. Сл. въ н. ж. мур. Т I стр. 498—500.

2) Ibid. стр. 500—1.

3) Ibid. стр. 501.

Вмѣстѣ съ заботами о храмѣ должны быть предметомъ попеченія и его священнослужители, особенно сельскіе изъ нихъ. Они „великую жертву приносятъ своему званію, отркаясь отъ всѣхъ видовъ честолюбія мірскаго и заключааясь на всю жизнь въ тѣсномъ кругу обывателей своего селенія“ 1). Притомъ, слишкомъ хорошо извѣстно, „съ какими трудностями и усиліями сопряжено добросовѣстное исполненіе обязанностей духовнаго сана и вездѣ, тѣмъ паче по селеніямъ, и какъ мало за все сіе вознагражденія въ этомъ мірѣ для священнослужителя, какимъ стѣсненіямъ подлежитъ самый домашній бытъ его 2). Какую нужно имѣть силу духа и вѣры, чтобы торжествовать надъ чисто крайними нуждами и лишеніями, непрестанными соблазнами и искушеніями, и чтобы не пасть съ высоты долга и призванія! Кому же облегчить это столь же священное какъ и тяжелое иго обязанностей пастырскихъ, кому усладить эту горечь званія, какъ не тѣмъ, служенію которыхъ они посвящаютъ жизнь и труды свои, какъ не тѣмъ же, которые заботятся о самыхъ храмахъ, которыхъ пастыри суть необходимые служители? Усердіе священнослужителей къ исполненію дѣлъ своего званія, благочиніе служенія церковнаго и совершенія таинствъ христіанскихъ, благонравіе и степенность пасомыхъ, назидаемыхъ словомъ и примѣромъ своихъ пастырей,—все это будетъ плодомъ, между прочимъ, лишь полнаго обезпеченія съ внѣшней, матеріальной стороны священнослужителей 3).

Необходимый элементъ при богослуженіи въ храмахъ составляютъ различныя *священнодѣйствія, молитвы, чтеніе, пѣніе и словесныя наставленія.*

Служители алтаря и престола Господня при совершеніи ими всего этого должны вмѣстѣ съ тѣмъ возносить сердца свои на престолъ Господу. „Если находящіеся во храмѣ во время священнодѣйствія всѣ тайно образуютъ Херувимовъ; то вы, священнодѣйствующіе, образуете собою тѣхъ изъ Херувимовъ, на коихъ непосредственно почиваетъ и чрезъ коихъ движется сла-

1) Сл. и р. при избр. въ общ. д. Сл. по случ. прас. двор. Харьк. г. Т. IV, стр. 128.

2) Ibid.

3) Ibid.

ва Божія (Іез. 1. 19). Итакъ, помните великое назначеніе свое,—по примѣру великаго Ходатая, быть посредниками между небомъ и землею, возносить моленія о всѣхъ, низносить благословеніе всѣмъ. Пусть никто не исходитъ изъ храма не просвѣщенъ, не насыщенъ, не утѣшенъ вами!

„Поющіе и чтущіе! *Пойте и читайте разумно* (Пс. 46, 9)! *Да усладится Господу* не одинъ псаломъ (Пс. 103, 34), но и сердце ваше!—Помните, что читаемое и поемое здѣсь читается и поется не для услажденія бременаго слуха, а для питанія духа безсмертнаго, что вамъ внимаютъ не одни подобныя вамъ человѣки, а и Ангелы Божіи, выну пребывающіе въ храмахъ. Слова, исходящія изъ устъ вашихъ, должны быть подобны искрамъ огня серафимскаго для воспламененія душъ и сердець любовію къ Господу; и они будутъ таковыми, если сей огонь будетъ пламенѣть въ собственномъ вашемъ сердцѣ“¹⁾.

Епископъ Стефанъ.

¹⁾ Сл., б. и р. при осв. хр. и пр. Сл. на осв. хр. во имя Мвх. 1-го я. К. т. II, стр. 255

Взглядъ Огюста Конта и позитивистовъ на сущность религіи.

Въ краткихъ, но существенныхъ чертахъ взглядъ Огюста Конта на сущность религіи мы уже имѣли случай привести, когда излагали такъ называемую натуралистическую гипотезу о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. Взглядъ этотъ весьма незамысловатъ. Вотъ какъ излагаетъ его самъ Контъ въ своемъ „Курсѣ позитивной философіи“¹⁾: „Изучая развитіе разума человѣческаго, какъ онъ обнаруживался съ перваго, простѣйшаго начала до настоящаго времени въ разныхъ сферахъ своей дѣятельности, я открылъ, какъ мнѣ кажется, великій основной законъ, которому съ безусловною необходимостію онъ подчиняется и который, по моему мнѣнію, можетъ быть основательно доказанъ частію на раціональныхъ выводахъ, частію на историческихъ свидѣтельствахъ, заимствуемыхъ изъ серьезнаго изученія прошлаго времени. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что каждое изъ главныхъ нашихъ понятій, каждая отрасль нашихъ познаній послѣдовательно проходитъ чрезъ три различныхъ теоретическихъ состоянія: состояніе теологическое или фиктивное, состояніе метафизическое или отвлеченное и состояніе научное или позитивное (положительное). Иначе сказать: человѣческій духъ, согласно своей природѣ, въ каждомъ изъ своихъ изслѣдованій послѣдовательно употребляетъ три метода философствованія, характеръ которыхъ не только существенно различенъ, но даже противоположенъ: вначалѣ (духъ человѣческій употребляетъ)

¹⁾ Изд. 1830 г. т. I. стр. 3—4.

методъ теологическій, затѣмъ—методъ метафизическій и наконецъ методъ позитивный (т. е., эмпирической, научный или положительный). Отсюда происходитъ три вида философствованія или общихъ системъ понятій о совокупности явленій,—системъ, взаимно себя исключаютъ: первая (теологическая) есть необходимый исходный пунктъ разума; третья (позитивная есть твердое и определенное его состояніе; вторая (метафизическая) служитъ лишь переходнымъ пунктомъ (отъ первой къ третьей). Въ теологическомъ состояніи духъ человеческій, существенно направляя свои изслѣдованія къ собственной природѣ существъ, къ первымъ и конечнымъ причинамъ всѣхъ дѣйствій, которыя его поражаютъ, однимъ словомъ—къ познаніямъ абсолютнымъ, представляетъ себѣ явленія производимыми прямымъ и непрерывнымъ дѣйствіемъ сверхъестественныхъ агентовъ болѣе или менѣе многочисленныхъ, произвольное вмѣшательство которыхъ объясняетъ всѣ кажущіяся аномаліи вселенной. Въ метафизическомъ состояніи, которое по своей сущности есть лишь простое, общее видоизмѣненіе перваго (т. е. теологическаго) агента сверхъестественныя замѣняются отвлеченными силами, истинными сущностями, имманентными различнымъ существамъ этого міра, которымъ приписывается способность изъ себя самихъ производить наблюдаемыя явленія, объясненіе которыхъ въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что каждому предмету указывается соответствующая ему сущность. Наконецъ, въ позитивномъ состояніи умъ человѣка, признавая невозможнымъ достиженіе абсолютныхъ понятій, отказывается находить начала и цѣли универса и указывать внутреннія причины явленій, а обращается лишь къ открытію законовъ явленій, т. е., неизмѣнныхъ отношеній ихъ слѣдованія и сходства, руководствуясь хорошо установленнымъ умозаключеніемъ и наблюденіемъ“¹⁾).

1) Этотъ взглядъ О. Ковта изложенъ на русскомъ языкѣ: въ сочиненіи В. Д. Кудрявцева „Религія и позитивная философія“ (см. Прав. Обозр. 1875 г. т. I, № 3, стр. 398—431; сочиненія В. Д. Кудрявцева 1892 г. т. II, вып. 1, стр. 320—350, а еще раньше, въ 1874 г., оно было помещено въ сборникѣ подъ заглавіемъ: „Годичный актъ въ Московской духовной академіи 1-го октября 1874 г. и было издано отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ: „Кригическій разборъ ученія О. Ковта о трехъ методахъ философскаго познанія, М. 1874.“); въ изложеніи и въ

Изъ приведеннаго отрывка ясно видно, что взглядъ О. Конта на сущность религіи не отличается, собственно говоря, отъ такого же взгляда Гегеля и всѣхъ защитниковъ такъ называемой натуралистической гипотезы о религіи, ея сущности и происхожденіи въ родѣ человѣческомъ. Какъ мы видѣли, Гегель признавалъ религію только низшею ступенью человѣческаго знанія; по Конту, сущность религіи также состоитъ лишь въ томъ, что человѣкъ при ея помощи ищетъ *разъясненія міровыхъ явленій*, когда онъ еще не имѣетъ возможности понять ихъ чисто научно, какъ дѣйствія вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ природы. Въ *сверхъестественномъ* фазисѣ или—что то же—въ своемъ теологическомъ состояніи—умъ человѣка доискивается *причинъ*, какъ и въ фазисѣ *позитивномъ*, онъ хочетъ открыть и *познать* самую *сущность* явленій и объяснить, *какъ* и *почему* они происходятъ. Но не имѣя положительной научной подготовки, человѣкъ смотритъ на всѣ явленія окружающей его природы какъ на дѣйствія сверхъестественныхъ агентовъ: необъяснимыя явленія, происходящія во внѣшнемъ мірѣ и такъ или иначе поражающія человѣка, представляются ему символами расположенія или гнѣва какого либо бога. Послѣдователь О. Конта *Г. Льюисъ*

слѣдованіи Г. Г. Льюиса и Д. С. Милля „Огюсть Контъ и положительная философія“. Перев. Н. Неклюдова и Н. Тиблена. Спб. 1867; Вл. Соловьева „Кризисъ западной философіи, противъ позитивистовъ М. 1874“; И. Полетика, „Критика философской системы Конта в дополненіе этой системы мыслями Гегеля и нѣкоторыхъ новѣйшихъ философовъ Спб. 1873“; Д. И. Писаревъ, „Историческія идеи О. Конта“ (Соч. т. 10); Гексли, „Позитивизмъ и современная наука, научная сторона позитивизма“ (Космосъ, 1869 г. № 5, стр. 78—108); Э. К. Ватсонъ „О. Контъ и позитивная философія“ (Соврем. 1865, № 8, стр. 415—452; № 11—12, стр. 319—356); Конгрессъ, „Позитивизмъ и современная наука, О. Контъ и Гексли“ (Космосъ, 1869, № 4, стр. 69—95), Н. Павловскій, „Классификація наукъ“ (От. Зап. 1871 г., № 6, стр. 317—366); В. Лесевичъ, „Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи, Спб. 1877“; В. Д. Вольфсонъ, „Позитивизмъ и „Критика отвлеченныхъ началъ Вл. Соловьева, Спб. 1880“. Л. Оболенскій, „Основные ошибки позитивизма и матеріализма“ (Рус. Бог. 1890, 1—3); К. Е. Истомино, „Отношенія религіозно-философскихъ воззрѣній О. Конта къ католичествому“ (В. и Р. 1888, № 9 и 11). Иностранная литература по вопросу объ ученіи Конта весьма обширна. Объ немъ писали: Твестень, Лотре, Д. С. Милль, Целяренъ, Мартино, Барцеллотти, Пювье, Циммерманъ, Гуго Зоммеръ, Штерцель, Эукенъ, Робине, Каро, Кузевъ и др.

такъ истолковываетъ это положеніе своего учителя. „Философія, говоритъ онъ, прирождена человѣческой природѣ. Это—не прихоть, это—не забава,—это—необходимость; ибо жизнь наша есть тайна, окруженная тайнами: мы живемъ посреди чудесъ. Безчисленныя явленія *внѣшней* природы, странныя волненія *внутренняго* чувства,—все требуетъ нашего объясненія. Стоя здѣсь, на этомъ земномъ шарѣ, который такъ безконеченъ *для насъ*, такъ ничтоженъ въ безконечности вселенной, мы взираемъ на природу съ благодарнымъ благоговѣпіемъ, съ невольнымъ любопытствомъ. Мы не можемъ обойтись безъ объясненія. И дѣйствительно стоитъ лишь прослѣдить исторію народовъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ найти признаки ея (?) существованія:—она существовала и въ грубѣйшемъ фазисѣ полуразвитія, и въ высшемъ фазисѣ образованности: ее можно найти и среди вестъ-индскихъ плантаціи, и среди дѣвственныхъ лѣсовъ Америки. Возьмите человѣка при какой угодно обстановкѣ:—того ли, котораго дни протекаютъ въ охотѣ на буйвола, того ли, который стоитъ въ безмолвномъ размышленіи на знойныхъ берегахъ Ганга,—жреца или простолюдина, воина или учащагося, всѣ они, съ одинаковымъ любопытствомъ и тревогою, ищутъ объясненія окружающей ихъ тайны. Дикарь, уstraшенный раскатами отдаленнаго грома, спрашиваетъ: „что это?“ и неспокоенъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣта, или пока не вообразитъ, что получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Достаточно, если ему скажутъ, что это голосъ злобнаго демона: явленіе объяснено. Если ему скажутъ затѣмъ, что для укрощенія демона необходимо пожертвовать какимъ-нибудь человѣкомъ,—его рабъ, его врагъ, его другъ, иногда даже его ребенокъ дѣлаются жертвами суевѣрнаго *страха*. Младенчество народа можно сравнить съ дѣтствомъ человѣка. Всякій, живущій съ дѣтьми, бываетъ пораженъ ихъ постоянными допросами и неутолимымъ желаніемъ получить на всякую вещь объясненіе, такъ какъ и готовностью принимать каждый отвѣтъ взрослому за объясненіе. Исторія философіи есть изложеніе постоянныхъ попытокъ человѣка объяснить окружающія его и въ немъ самомъ происходящія явленія. Первоначально люди, естественно, основывали объясненія свои

на аналогіяхъ, почерпнутыхъ изъ сознанія. Они видѣли вокругъ себя дѣятельность, перемѣны, силы; въ самихъ себѣ они чувствовали присутствіе чего-то такого, что дѣлало ихъ дѣятельными, измѣнчивыми, способными: то, что *видѣли*, они объясняли тѣмъ, что *чувствовали*. Отсюда фетишизмъ варваровъ, міеологія болѣе цивилизованныхъ расъ. Верховными дѣятелями природы были орады и нимфы, демоны и добрыя существа. Человѣкъ знаетъ, что когда онъ разгнѣванъ, онъ свирѣпствуетъ, стрѣляетъ, разрушаетъ; что же такое послѣ этого громъ, какъ не гнѣвъ какого нибудь всесильнаго невидимаго существа? Кромѣ того, человѣкъ знаетъ, что если врагъ его приноситъ ему дары, то они укрощаютъ его гнѣвъ, и поэтому весьма естественно ему предположить, что тѣ или другія жертвы успокоятъ оскорбленнаго громовержца“.

Изъ сказаннаго ясно, что, по ученію Огюста Конта и его послѣдователей, религія не есть даже и низшая ступень человѣческаго знанія, ибо она предлагаетъ лишь фиктивное, не соответствующее дѣйствительности, слѣдовательно, неистинное, даже ложное объясненіе явленій природы, поражающихъ человѣка, она будто бы только вытекаетъ изъ присущаго человѣку стремленія къ знанію или философствованію и потому принимаетъ *форму* знанія. Но предлагая человѣку лишь ложное, выдуманное объясненіе различныхъ явленій природы, религія, по Конту, не имѣетъ никакого права на продолжительное существованіе: постепенно, но непрерывно она должна уступать свое мѣсто истинному знанію и научному объясненію явленій природы. „Лишь только измѣнилось воззрѣніе на громъ, вслѣдствіе наблюденія и изученія его явленій,—говорятъ позитивисты,—мнимое божество исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ порожденныя имъ ложныя воззрѣнія, пока, наконецъ, не овладѣла жезломъ наука и не свела съ небесъ ужасной молніи, сдѣлавъ ее совершенно безопасною. Но цѣлыя вѣка неусыпныхъ наблюденій и кропотливыхъ изслѣдованій подъ контролемъ логики (?) должны были протечь, прежде чѣмъ могъ совершиться такой переворотъ. Развитие философіи, подобно развитію органической жизни, шло медленно, шагъ за шагомъ, въ продолженіе ряда тысячелѣтій, ибо человѣчество, какъ и земной шаръ, подлежитъ росту, и открытіе законовъ его роста принадлежитъ еще будущему“.

Ложь и фиктивность объясненія различныхъ явленій природы, предлагаемаго религіею,—говорятъ позитивисты,—особенно обнаруживаются тогда, когда человѣкъ достигаетъ позитивнаго состоянія и усваиваетъ истины, сообщаемыя точными и эмпирическими науками. Такъ,—положительная наука открыла законы солнечнаго затменія и безошибочно предсказываетъ его; но въ теологическомъ періодѣ его объясняли тѣмъ, что будто бы какой-то драконъ проглатываетъ солнце. „Такъ какъ міросозерцаніе есть не что иное, какъ сумма объясненій, относящихся ко всѣмъ различнымъ явленіямъ природы,—говорятъ позитивисты ¹⁾,—и такъ какъ эти объясненія проходятъ чрезъ три фазы, то не трудно сообразить, что тѣ-же самыя три фазы могутъ быть отмѣчены и во всей исторической жизни человѣчества. Вся исторія распадается на три великіе періода: теологическій, метафизическій и положительный. Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется господствомъ соответствующаго міросозерцанія; при переходѣ изъ одного періода въ другой измѣняются понемногу, вмѣстѣ съ міросозерцаніемъ, всѣ идеи, учрежденія, обычаи, нравы и вкусы“. Свое время Контъ считаетъ концомъ метафизическаго и началомъ позитивнаго періода въ жизни европейскихъ народовъ. Но такъ какъ по тремъ указаннымъ періодамъ развивается не только все человѣчество, но и сознание каждаго отдѣльнаго лица, то естественно, что во многихъ вѣрованіяхъ еще и въ настоящее время, по мнѣнію позитивистовъ, люди слѣдуютъ теологическому міровоззрѣнію, т. е., явленія они признаютъ результатами не неизмѣнныхъ законовъ, а какой-то *измѣнчивой воли*. Когда люди вѣрятъ,—говоритъ Льюисъ,—что если вы „желаете чего-нибудь“ глядя на пѣгую лошадь, то желаніе сбудется; когда они вѣрятъ, что если тринадцать лицъ сядутъ за обѣдъ, то одно изъ нихъ умретъ до истеченія года; когда они вѣрятъ, что кого укуситъ собака,—тотъ будетъ страдать водобоязною, если впоследствии собака впадетъ въ эту болѣзнь; когда они вѣрятъ, что извѣстное созвѣздіе управляетъ ихъ судьбами: они—въ теологическомъ періодѣ,—они считаютъ природу без-

¹⁾ Срв. Писарева „Историческія идеи Огюста Конта“ въ сочин. т. V. Спб. 1894. Стр. 318.

конечно измѣнчивою. Много примѣровъ этого міровоззрѣнія Контъ и позитивисты приводятъ изъ исторіи. Такъ,—когда во время осады Трои въ лагерѣ Агамемнона началась моровая язва и люди стали умирать сотнями, то уstraшенные греки, не видя гибельныхъ стрѣлъ смерти, объясняли себѣ это явленіе тѣмъ, что богъ Аполлонъ прогнѣвался на нихъ за неуваженіе къ его жрецу Хризесу и началъ пускать въ нихъ смертоносныя стрѣлы изъ своего серебрянаго лука. „Это объясненіе, кажущееся намъ такимъ нелѣпымъ,—говоритъ Льюисъ, повторяя слова Конта,—было возможно при легковѣрїи древнихъ; и очистительныя жертвы приносились разгнѣванному божеству въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ современная наука своимъ здравымъ взглядомъ видѣла бы просто вліяніе сырости или плохой вентиляціи!“ Когда гремѣлъ громъ,—говоритъ Контъ,—тогда греки думали, что Зевесъ, великій отецъ боговъ и людей, бросаетъ съ неба особенныя громовыя снаряды, выкованныя для него богомъ огня Вулканомъ; когда на небѣ появлялась зари, тогда греки думали, что богиня Эосъ своими розовыми пальцами отворяетъ тѣ ворота, изъ которыхъ должна выѣхать колесница Солнца или Феба. Въ старину, когда злополучная мать рождала одно изъ тѣхъ „органическихъ неправильностей“, которыя мы называемъ уродами, напр., дитя о двухъ головахъ, или дитя безъ головы, то такого урода считали „исчадіемъ божьяго гнѣва“; иногда утверждали, что дьяволъ обольстилъ или изнасиловалъ мать и плодомъ такого поведенія его былъ этотъ уродъ и т. д. Доказательствомъ того, что древнія теологическія воззрѣнія еще не совершенно и не повсемѣстно исчезли,—говорятъ позитивисты,—служитъ, на примѣръ, то, что въ наше время *люди образованные*, учителя нашего народа, приписывали холеру Божьему гнѣву на англичанъ за то, что они основали католическія училища въ Ирландіи. Въ Сіенѣ одну церковь неоднократно опаляла молнія. „Въ поруганіе святыни“ былъ поставленъ громоотводъ или, какъ его называли, „еретическій шестъ“. Поднялась гроза, молнія ударила въ колокольню; народъ толпами сбѣжался смотреть, не загорѣлась ли церковь, и, къ изумленію своему, увидѣлъ, что она осталась совершенно цѣлою и невредимою.

Здѣсь мы видимъ, что наука исправляетъ ошибочные предразсудки теологіи (?). Для насъ—учать позитивисты ¹⁾),—ми-еологія—поэзія; для древнихъ она была религіей (?) и наукой (!). Всѣ древнія объясненія проистекали изъ основнаго міросозерцанія, по которому всѣ явленія были произведеніемъ сверхъестественныхъ дѣятелей. Наигрубѣйшій изъ теологическихъ періодовъ есть періодъ фетишизма; за нимъ слѣдуетъ политеизмъ; наивысшій есть монотеизмъ, гдѣ на мѣсто многихъ самостоятельныхъ божествъ является дѣятельность единаго существа, которое, сотворивши вселенную въ началѣ, непрерывнымъ дѣйствіемъ своимъ направляетъ и поддерживаетъ ея явленія или же только, какъ думаютъ другіе, видоизмѣняетъ ихъ спеціальными для каждаго случая актами вмѣшательства.

Какимъ образомъ человѣкъ въ своемъ религіозномъ сознаніи перешелъ отъ фетишизма къ монотеизму,—на этотъ вопросъ въ полномъ согласіи съ Контомъ отвѣчаетъ его выдающійся послѣдователь *Джонъ Стюартъ Милль* ²⁾). Такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ заключается и собственный взглядъ *Милля* на сущность и происхожденіе религіи, то мы приведемъ его здѣсь съ возможною полнотою и собственными словами этого англійскаго мыслителя. *Первоначальная склонность и инстинктивное побужденіе людей* состоитъ въ томъ, говоритъ *Милль*, чтобы уподоблять всѣхъ дѣятелей, замѣчаемыхъ въ природѣ, единственному дѣятелю, о которомъ они имѣютъ непосредственное сознаніе, т. е., своей собственной свободной волѣ. Всякій предметъ, производящій, повидимому, силу, т. е., дѣйствующій безъ явнаго сторонняго вліянія на него, всякій предметъ, сообщающій движеніе, не получивъ его извнѣ,—предполагался обладающимъ жизнію, сознаніемъ, волею. Впрочемъ, это первобытное грубое понятіе о природѣ едва ли могло когда-либо простираться на всѣ явленія. Самое простое наблюденіе, безъ котораго не возможно было бы сохраненіе жизни, должно было указать на множество сходствъ въ природѣ, на множество предметовъ, которые, при данныхъ обстоятельствахъ, дѣйствуютъ совершенно одинаково. Всякій разъ, какъ это было на-

¹⁾ Льюисъ, Огюсть Контъ и положительная философія. Спб. 1867. Стр. 32.

²⁾ О. Контъ и позитивизмъ. 1867. Стр. 19—30.

блюдаемо, природный, неразвитый еще умъ челоуѣка старался помѣстить всѣ сходные предметы въ одинъ классъ и дѣлалъ ихъ нераздѣльными въ своей мысли. Слѣдствіемъ этого было то, что одинаковыя дѣйствія нѣсколькихъ предметовъ приписывались какой-то одной волѣ, а ничуть не многимъ—вполнѣ совпадающимъ волямъ. Понятно, что эта единая воля не могла быть волею самихъ предметовъ, при ихъ множествѣ. Это должна быть воля невидимаго существа, отдѣльнаго отъ предметовъ и управляющаго ими на извѣстномъ разстояніи. Такъ, по мнѣнію Конта и Милля, произошелъ политеизмъ. Впрочемъ, Милль не допускаетъ, чтобы въ какомъ либо племени дикарей или негровъ фетишизмъ былъ совершенно свободенъ отъ примѣси политеизма. Ему кажется весьма вѣроятнымъ, что обѣ формы существовали другъ подлѣ друга съ самаго ранняго періода—съ того времени, какъ родъ челоуѣческій сталъ способенъ распредѣлять предметы по классамъ. При этомъ чистый фетишизмъ постепенно все болѣе и болѣе сводился на предметы, обладающіе выдающимися особенностями. Такъ,—еще долго спустя послѣ того, какъ уже образовалось представленіе о невидимыхъ богахъ, управляющихъ обширными классами явленій—даже интеллектуальныхъ и моральныхъ, какъ-то: войны, любви, мудрости, красоты и т. п.—еще долго спустя послѣ этого люди часто поклонялись какой либо замѣчательной горѣ или рѣкѣ, какъ божеству въ ней самой, а не просто какъ пребыванію божества.

Впрочемъ, какъ бы далеко ни заходилъ фетишизмъ въ своемъ развитіи, какъ бы ни было продолжительно его существованіе, говоритъ Милль,—въ немъ не было абстракціи, не было классификаціи предметовъ и, слѣдовательно, не оказывалось мѣста метафизическому виду мышленія. Но съ того времени, какъ свободный дѣятель, воля котораго управляла явленіемъ, пересталъ отождествляться съ самимъ физическимъ предметомъ, какъ скоро онъ былъ отодвинутъ въ невидимое пространство, съ котораго наблюдаетъ за цѣлымъ классомъ естественныхъ явленій,—съ того времени начинаетъ уже представляться невозможнымъ, чтобы это существо издали могло обнаруживать свое могущественное вліяніе на предметы иначе, какъ чрезъ

посредство чего либо находящагося въ предметѣ. Казалось необходимымъ принять, что на разстояніи отъ предмета богъ могъ дѣйствовать на него только чрезъ нѣчто, существующее въ самомъ предметѣ. Это „нѣчто“ является, такимъ образомъ, непосредственнымъ дѣятелемъ, такъ какъ богъ сообщаетъ ему силу, которою онъ вліяетъ на предметы и управляетъ ими. Когда же почувствовалась необходимость обозначить это нѣчто опредѣленнымъ словомъ, родъ человѣческой сталъ называть его *природою* предметовъ, ихъ *сущностью*, *способностями*, обитающими въ нихъ и многими другими именами. Эти метафизическія концепціи признавались за высоко-реальныя и въ первое время на нихъ смотрѣли какъ на простыя орудія въ рукахъ соотвѣтствующаго данному случаю божества. Однако вслѣдствіе *привычки* (?) приписывать абстрактнымъ сущностямъ не только субстанціальное существованіе, но и реальную активную дѣятельность,—сущности остались однѣ на своемъ мѣстѣ, когда вѣра въ божество начала падать и исчезать. Теперь эти сущности сами по себѣ, безъ всякихъ ссылокъ на какую либо волю, стали представлять объясненіе явленій совершенно равносильное тому какое было прежде. На этомъ пунктѣ, говоритъ Милль, метафизическій видъ мышленія окончательно замѣняетъ собою теологическій. Такимъ образомъ уже на ранней ступени умственнаго прогресса различныя послѣдовательныя положенія ума человѣческаго входятъ другъ въ друга: фетишизмъ, политеизмъ и метафизическій строй мысли уживались вмѣстѣ въ одномъ и томъ же умѣ. Между тѣмъ вѣрованіе въ неизмѣнныя законы, составляющіе основу положительнаго вида мышленія, медленно пробивало себѣ путь по мѣрѣ того, какъ наблюденіе и опытъ шагъ за шагомъ открывали въ классахъ явленій тѣ законы, которымъ они дѣйствительно подчинены. Это-то развитіе положительнаго знанія,—категорически утверждаетъ Милль,—и обусловливало главнымъ образомъ дальнѣйшій переходъ теологическаго пониманія вселенной отъ политеизма къ монотеизму.

Замѣчательно, что Милль усиливается даже исторически доказать свою мысль, будто бы переходъ отъ политеизма къ монотеизму былъ обусловленъ такъ называемымъ положитель-

нымъ знаніемъ. Само собою понятно, что въ этомъ случаѣ онъ является самымъ рѣшительнымъ противникомъ того предположенія, что монотеизмъ есть первоначальная и коренная форма религіознаго сознанія. Но выслушаемъ сначала, какъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ самъ *Милль*. Переходъ теологическаго пониманія вселенной отъ политеизма къ монотеизму, говоритъ онъ, совершался весьма медленно. Идея о единствѣ въ природѣ, необходимо предполагаемая признаніемъ для всей вселенной одной воли, далеко не естественна (?) въ человѣкѣ. Она пріобрѣтается только послѣ долгаго труда и подготовки, такъ какъ всѣ очевидности наводятъ гораздо скорѣе на ту мысль, что природа управляется многими противодѣйствующими началами. Поверхностнымъ наблюденіямъ, которыми христіанскіе путешественники хотятъ убѣдить самихъ себя въ томъ, что у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ они нашли свой собственный монотеизмъ, противорѣчатъ, говоритъ *Милль*, болѣе точныя (?) свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, мы не намѣревы вступать въ споръ съ людьми, которые считаютъ монотеизмъ первичною формою религіи, перешедшею къ нашей расѣ отъ прародителей, путемъ непрерывнаго преданія. Но, по ихъ же собственному признанію, это преданіе было утрачено всѣми людьми, кромѣ одного небольшого изолированнаго народа, среди котораго оно поддерживалось чудеснымъ образомъ. Однако и этотъ народъ безпрерывно уклонялся отъ преданія и въ ранніе періоды своей исторіи принималъ его далеко не въ полномъ значеніи. *Милль* того мнѣнія, что монотеизмъ евреевъ есть результатъ совершенно естественнаго развитія ихъ религіознаго сознанія. Впрочемъ, на этой мысли онъ не настаиваетъ съ рѣшительностію и потому говоритъ далѣе слѣдующее: Какъ бы мы ни объясняли себѣ возникновеніе монотеизма у евреевъ—естественнымъ ли путемъ или сверхъестественнымъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что принятіе его язычниками сдѣлалось возможнымъ единственно только въ силу той медленной подготовки, которую философы сообщили уму человѣческому. Въ вѣкъ Цезарей почти весь ученый и образованный классъ переросъ политеистическія вѣрованія, и, возвращаясь порой къ суевѣріямъ

дѣтства своего, люди эти были всетаки предрасположены къ призванію одного верховнаго Провидѣнія. Несправедливо было бы возражать, говоритъ Милль, что большинство первыхъ прозелитовъ христіанства принадлежало не къ образованному классу: вездѣ, исключая Палестины, его ученики и распространители вышли главнымъ образомъ изъ этого класса. Многие изъ нихъ, подобно апостолу Павлу, отличались высокимъ образованіемъ по тогдашнему времени; они, очевидно, не находили въ своемъ умственномъ складѣ препятствія къ принятію новаго ученія. Намъ въ этомъ случаѣ не должно обманывать раздраженіе, какое обнаружили въ послѣдствіи противъ христіанства метафизическое язычество Александріи и другія философскія школы: причина этого раздраженія—не привязанность къ политеизму, а досада на усиленіе политическаго и соціальнаго вліянія христіанскихъ проповѣдниковъ. На дѣлѣ же—монотеизмъ сдѣлался сроднымъ образованному уму. Вѣрованіе, расположившее въ свою пользу людей образованныхъ, если только не будетъ подавлено силой, рано или поздно непременно проникнетъ въ массу. Итакъ,—спрашиваетъ Милль,—какими средствами передовые умы Рима были подготовлены къ монотеизму? и отвѣчаетъ: развитіемъ практическаго чувства неизмѣнности законовъ природы. Къ этому вѣрованію какъ нельзя естественнѣе шелъ монотеизмъ, тогда какъ политеизмъ по необходимости стоялъ съ нимъ въ разладѣ. Когда мысль, что устройство каждой части въ природѣ было такъ или иначе опредѣлено еще въ началѣ и что все продолжаетъ совершаться, какъ было опредѣлено, сдѣлалась господствующею, возникла поразительная картина единства, разлитаго по всей природѣ и ведущаго къ заключенію, что все это—дѣло одной руки, а не многихъ. Гораздо вѣроятнѣе должно было казаться, что существуетъ одинъ безпредѣльно предвидящій Разумъ и одна непреложная Воля, а не сотни и тысячи ихъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Конта, Милля и позитивистовъ вообще, въ переходѣ отъ политеизма къ монотеизму метафизическій видъ мышленія также имѣлъ свою долю участія, оказавъ большую помощь въ трудной борьбѣ, которую положительное направленіе должно было вести противъ господствующей формы теоло-

гическаго возрѣнія. Всякое дальнѣйшее поступательное движеніе въ наблюденіи природы, постепенно обнаруживавшемся неизмѣнныя законы, опредѣляло дальнѣйшее развитіе метафизическаго направленія въ ущербъ теологическому: такъ какъ метафизическое возрѣніе было единственнымъ посредникомъ, временно примирявшимъ между собою заключенія положительнаго склада мышленія съ первыми послылками теологическаго. Въ позднѣйшій же періодъ, говоритъ Контъ и его послѣдователи, когда дѣйствительный характеръ положительныхъ законовъ природы сталъ въ извѣстной степени понятенъ и когда теологическій взглядъ въ наѣчныхъ умахъ достигъ апогея своего развитія, т. е., когда онъ призналъ единого Бога, управляющаго общими законами, положительное направленіе, не нуждаясь болѣе въ *фигтурномъ* средствѣ *вымышленныхъ* существей, взяло на себя легкую задачу—разрушить орудіе, помощію котораго само оно развилось ¹⁾.

Такъ какъ О. Контъ призналъ религію *фигтурнымъ*, т. е., вымышленнымъ, ложнымъ и не дѣйствительнымъ *объясненіемъ* явленій, и нравственною обязанностію каждаго научно образованнаго человѣка (мыслителя позитивнаго направленія) объявилъ веденіе борьбы съ теологическимъ міровозрѣніемъ, какъ ложнымъ объясненіемъ явленій внутренняго и внѣшняго міра, то многіе писатели, даже и сочувствующіе позитивной философіи, справедливо называли Огюста Конта *атеистомъ*. Но самъ Контъ энергично протестовалъ противъ такого обвиненія, какъ совершенно неосновательнаго. „Хотя я,—говоритъ онъ,—уже давно отвергъ всякую солидарность—какъ догматическую, такъ и историческую—между позитивизмомъ и такъ—называемымъ атеизмомъ, однако я выскажу здѣсь вкратцѣ о немъ свое мнѣніе. Разсматриваемый даже съ чисто интеллектуальной стороны, атеизмъ представляется весьма плохую эманципаціей, такъ какъ онъ имѣетъ стремленіе до безконечности продлить метафизическій періодъ своимъ постояннымъ изысканіемъ новыхъ рѣшеній теологическихъ проблеммъ, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ всѣхъ такихъ проблеммъ, какъ совершенно *недоступныхъ*. Позитивизмъ занимается изслѣдо-

¹⁾ Дж. Ст. Миль О. Контъ и Позитивизмъ, стр. 81.

ваніемъ *законовъ*, а не *причинъ*; онъ ставитъ вопросъ: *какъ*, а не *почему*. Слѣдовательно, онъ чуждъ произвольныхъ предположеній мистическаго атеизма относительно образованія вселенной, происхожденія животныхъ и проч. Позитивизмъ, при оцѣнкѣ различныхъ стадій нашего умозрѣнія, прямо объявляетъ, что эти докторальныя химеры—даже по рациональности—ниже *самопроизвольныхъ* вѣрованій человѣчества. Ибо, такъ какъ по принципу всякой теологіи явленія объясняются вмѣшательствомъ начала *воли*, то человѣкъ можетъ только тогда отступить отъ него, когда удостовѣрится, что *причинъ* познать не возможно, и когда станетъ изучать *законы*. Пока мы упорствуемъ въ разрѣшеніи проблемъ нашего дѣтства, глупо отвергать *наивный методъ*, который прилагало къ нимъ наше юное воображеніе и который одинъ только для нихъ приличенъ... *атеистовъ* можно, *слѣдовательно*, считать *самыми нелогическими теологами*, потому что они посягаютъ на теологическія проблемы и въ то же время отвергаютъ единственный приличный методъ“.

На основаніи этого отрывка извѣстный почитатель О. Конта Льюисъ старается доказать, что многіе писатели несправедливо обвиняютъ Конта въ атеизмъ. „Конечно, говоритъ онъ, нѣкоторыя мѣста сочиненій Конта даютъ непроницательному читателю поводъ предполагать, что Контъ атеистъ; но всѣ, читавшіе его сочиненія съ должнымъ серьезному труду вниманіемъ, приходили въ изумленіе отъ сильныхъ и безпощадныхъ нападокъ на атеизмъ, о которомъ такъ нерѣдко въ нихъ упоминается“. Не думаемъ, чтобы приведенный отрывокъ разубѣдилъ кого либо изъ обвинителей Конта, объявляющихъ его атеистомъ. Дѣло въ томъ, что не „нѣкоторыя мѣста сочиненій Конта“, а вся *система позитивизма* проникнута атеистическимъ направленіемъ. Разъ Контъ объявилъ, что религія есть только *фиктивное* объясненіе явленій и что Богъ есть только вымышленная сущность теологическаго міровозрѣнія, трудно доказывать, что онъ не былъ атеистомъ или—что то же—что онъ признавалъ бытіе Божіе. Правда, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ неоднократно осуждаетъ грубый атеизмъ и обличаетъ атеистовъ въ легкомысліи и наивности. Но

за что? не за то, что они—атеисты, т. е., люди, *не признающие* бытія Божія, а за то, что они напрасно усиливаются *научно доказать* небытіе Божіе! Контъ почитаетъ себя стоящимъ выше атеистовъ, потому что онъ будто бы ничего не хочетъ знать о Богѣ, не хочетъ говорить объ Немъ (хотя на самомъ дѣлѣ говоритъ объ Немъ почти на каждой страницѣ своихъ сочиненій подъ видомъ осужденія теологическаго міровоззрѣнія!). Осуждая на словахъ атеизмъ, будучи на самомъ дѣлѣ атеистомъ, Контъ положилъ начало тому направленію мысли, которое въ наше время господствуетъ среди дарвинистовъ и эволюціонистовъ и извѣстно подъ именемъ *агностицизма* и *нонтеизма*. Но здѣсь пошли уже въ ходъ, по выраженію Гамлета, „слова, слова и слова“...

Почитатели Конта идутъ однако-же далѣе. Они не только стараются оправдать своего учителя отъ обвиненія въ атеизмѣ, но и думаютъ доказать, что онъ былъ *человѣкомъ весьма религиознымъ*. Но прежде чѣмъ говорить о религиозности Конта, мы считаемъ необходимымъ остановить вниманіе читателя на двухъ выдающихся событіяхъ въ его жизни, имѣвшихъ, безъ сомнѣнія, весьма сильное вліяніе на характеръ его міровоззрѣнія, душевнаго настроенія и философствованія.

Въ 1826 году О. Контъ заболѣлъ разстройствомъ мозга, которое перешло, даже по свидѣтельству дружественныхъ ему біографовъ, въ полное сумасшествіе. Доктора объявили, что болѣзнь его неизлечима и перестали его пользоваться. Впрочемъ, послѣдователи его увѣряютъ, что его болѣзнь, не поддававшаяся леченію опытныхъ психіатровъ, прошла сама собою послѣ того, какъ „его стали пользоваться домашнимъ попеченіемъ и вѣжностью“, и даже не оставила никакихъ слѣдовъ на его умственной дѣятельности. „Нѣтъ надобности говорить читателямъ его сочиненій,—утверждаетъ Льюисъ,—что это умопомѣшательство было только временнымъ мозговымъ разстройствомъ, ибо какое бы противодѣйствіе ни вызывали его мнѣнія, какими бы ложными и нелѣпыми они ни казались, въ нихъ, конечно, нѣтъ ни малѣйшей доли той чудовищности и безсвязности, которыя бы давали право относить ихъ къ безумію“. Мы не будемъ здѣсь возражать противъ этого мнѣ-

нiя Льюиса; но просимъ читателей въ свое время вспомнить о приведенномъ выше прискорбномъ событiи въ жизни Конта и о заключенiи психiатровъ.

О другомъ событiи въ жизни Конта, послужившемъ даже поводомъ къ обнаруженiю его оригинальной религiозности, самъ Льюисъ рассказываетъ слѣдующее. „Сорока пяти лѣтъ Контъ влюбился въ несчастную и замѣчательную женщину, лишившуюся своего мужа. Одинъ годъ пѣжной и чистой привязанности произвелъ переворотъ въ его жизни. Онъ довершалъ свой великiй трактатъ о Положительной философiи. Его научная обработка была кончена. Ему надлежало перейти къ великимъ вопросамъ социальной жизни; и въ это-то самое время, по счастливому совпадению обстоятельствъ, онъ влюбился. Вотъ когда пришлось этому философу *прочувствовать* ту истину, которую прежде онъ прозрѣвалъ, именно: что въ массѣ, какъ и въ индивидуумѣ, преобладаютъ ощущенiя, потому что разумъ есть въ дѣйствительности не болѣе какъ рабъ аффектовъ. Новое влiянiе, провикаа подобно солнечному лучу въ самые сокровенные изгибы его существа, пробудило тамъ чувства, дремавшiя съ дѣтства и, при ихъ сiяньи, онъ увидѣлъ мiръ въ новыхъ краскахъ. *Онъ сталъ религiозенъ.* Онъ сталъ сознавать постоянное и универсальное влiянiе аффектовъ. Новымъ свѣтомъ озарилось въ его глазахъ назначенiе человѣка. *Онъ возмечталъ сдѣлаться основателемъ новой религiи человечества*“.

Что же это за „новая религiя человечества“, которую рѣшился основать на землѣ О. Контъ, влюбившись въ свою Клотильду? Въ чемъ состоитъ эта новая религiя и кто ея исповѣдники? На этотъ вопросъ О. Контъ отвѣчаетъ въ своемъ сочиненiи—„*Système de Politique Positive, Paris, 1851—1852* (въ четырехъ томахъ) ¹⁾. Въ этомъ сочиненiи Контъ приписываетъ религiи весьма важное значенiе и признаетъ ее учрежденiемъ безусловно необходимымъ для жизни—частной, се-

¹⁾ Сюда же относятся и другое сочиненiе Конта: „*Catéchisme Positiviste, ou Sommaire Exposition de la Religion Universelle, en onze Entretiens Systematiques entre une Femme et un Prêtre de l'Humanité*“, Paris, 1852. На русскомъ языкѣ о новой религiи Конта можно читать въ переводномъ сочиненiи Д. С. Милля: „*О. Контъ и Позитивизмъ.* 1867“.

мейной и общественной. Но это религія не христіанская, не богооткровенная, не еврейская, не магометанская, не иная какая либо изъ историческихъ религій; это даже, собственно говоря, и не религія въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; ибо въ религій, устанавливаемой О. Контомъ, нѣтъ Бога. „Не имѣть религій, какъ бы то ни казалось позорнымъ, говоритъ даже почитатель Конта—Джонъ Стюартъ Милль, всетаки составляетъ мысль, съ которою мы свыклись; но не имѣть Бога и толковать о религій—это представляется въ одно и то-же время и нелѣпостью, и нечестіемъ“. Религія Конта раздѣляется на два вида: религію общественную и религію частную. Въ общественной религій на мѣсто Бога предметомъ почитанія и преданности Контъ поставляетъ человѣческой родъ, понимаемый какъ непрерывное цѣлое, включающее въ себя прошедшее, настоящее и будущее,—это идеально-реальное, коллективное существо или „Grand Etre“, какъ называетъ его Огюсть Контъ. Впрочемъ, впоследствии Контъ значительно расширилъ свое понятіе объ объектѣ общественнаго религіознаго почитанія, включивъ въ него не только всѣхъ людей, которыхъ мы уважаемъ,—какъ живыхъ, такъ и умершихъ, но и всякое вообще чувствующее существо, которому мы обязаны услугами и которое имѣетъ право на нашу привязанность; такимъ образомъ въ понятіе Конта объ идеальномъ объектѣ богопочитанія вошли всѣ тѣ породы животныхъ, которыя являются въ настоящемъ обществѣ рядомъ съ человѣкомъ, привязываются къ нему и охотно раздѣляютъ его труды, какъ, напр., благородная собака, отдающая жизнь свою за ея друга и благодѣтеля—человѣка. Почитать своего бога Контъ научаетъ служеніемъ благу человечества, его *единству* не только въ смыслѣ единодушія, но и въ гораздо болѣе обширномъ значеніи этого слова—объединенія и систематизированія всѣхъ живыхъ существъ. Жить для другихъ—*„vivre pour autrui“*—это, по словамъ позитивистовъ, золотое нравственное правило въ Контовой религій; это—сущность его нравственнаго ученія, которое онъ назвалъ *альтруизмомъ*,—слово, въ первый разъ изобрѣтенное Контомъ (отъ латинскаго слова—*alter*, другой). По Конту, религія должна представлять собою нѣчто такое, посредствомъ чего

можно было бы „систематизировать“ жизнь человѣческую; вслѣдствіе этого онъ опредѣляетъ свою религію такимъ образомъ: „религія есть состояніе полнаго единства, которое замѣчается въ нашемъ существованіи, личномъ и соціальномъ, когда всѣ его стороны, какъ нравственныя, такъ и физическія, сходятся въ общемъ назначеніи... При невозможности полнаго осуществленія подобной гармоніи, индивидуальной и коллективной, въ существованіи столь сложномъ, какъ наше, говоритъ Контъ, это опредѣленіе религіи характеризуетъ только тотъ неизмѣнный и подвижный типъ, къ которому все больше и больше стремится совокупность человѣческихъ усилій. Наше благоденствіе и наши заслуги должны состоять въ возможно большемъ приближеніи къ этому единству, постепенное усиленіе котораго представляетъ самое лучшее мѣрило дѣйствительнаго совершенствованія—личнаго или соціальнаго“. Въ другомъ мѣстѣ Контъ опредѣляетъ религію такимъ образомъ: Религія есть consensus, т. е., связь, свойственная человѣческому бытію, личному и коллективному, и столь же *нормальная*, какъ здоровье для тѣла. Она сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ стремленія нашей природы: дѣятельность, любовь и мысль. Она руководитъ политикой, искусствомъ и философіей. Отсюда понятно, что отъ каждаго исповѣдника этой новой религіи человѣчества безусловно требуется подчиненіе всѣхъ личныхъ склонностей соціальнымъ чувствамъ. И дѣйствительно, Контъ прямо является проповѣдникомъ абсолютнаго деспотизма, оставляя только за собою право издавать законы и повелѣнія. Такъ какъ, по ученію Конта, никакая религія немислима безъ культа, то онъ устанавливаетъ особый культъ и для своей религіи человѣчества, при чемъ онъ старается организовать даже всѣ внѣшнія формы своего богопочитанія до мельчайшихъ подробностей. Общественный культъ Контовой религіи состоитъ изъ различныхъ общественныхъ церемоній, торжествъ и праздниковъ. Всѣхъ такихъ праздниковъ въ теченіе года должно быть *восемьдесятъ четыре*—ни больше, ни меньше; при этомъ они должны быть распредѣлены равномерно по мѣсяцамъ и недѣлямъ, съ тѣмъ однако, чтобы на каждую недѣлю непременно приходился хотя одинъ праздникъ. Праздники эти дол-

жны быть посвящены прославленію человѣчества въ немъ самомъ, прославленію, напр., различныхъ политическихъ союзовъ, воспоминанію о славныхъ событіяхъ въ исторіи жизни человѣчества. Установивъ для своей новой религіи опредѣленный культъ, О. Контъ призналъ необходимымъ и существованіе особаго класса его служителей, т. е., духовенства или клира. Самого себя онъ объявилъ папою или первосвященникомъ новой религіи—Grand—prêtre de l'humanité! Обязанности духовенства не должны были ограничиваться только исполненіемъ торжественныхъ обрядовъ и совершеніемъ богослуженій религіи человѣчества. Духовенство Контъ признаетъ самую могущественною силою въ своемъ будущемъ государствѣ, которое должно замѣнить собою всѣ европейскія государства именно чрезъ тридцать три года (т. е. въ 1884 году!) не раньше, не позже! Духовенство новой религіи не должно пользоваться политической властію; но въ его рукахъ должна быть безграничная власть моральная: оно не должно повелѣвать, но обязано совѣтывать и увѣщевать. Прежде всего на него возлагается обязанность уравновѣшивать неограниченное господство гражданскихъ правителей; ему поручается воспитаніе и образованіе юношества, медицина (обыкновенныхъ врачей Контъ называетъ только коновалами) и посредничество во всѣхъ социальныхъ раздорахъ, напр., между правительствомъ и подданными, хозяевами и рабочими, богатыми и немущими, патриціями и плебеями. Если частное увѣщаніе окажется недостаточнымъ, духовенство можетъ дѣлать виновнымъ даже публичный выговоръ, а въ крайнемъ случаѣ можетъ и отлучать ихъ. Духовенству поручается надзоръ за народною нравственностію и направленіемъ литературы; всѣ книги, враждебныя позитивизму, духовенство должно уничтожать посредствомъ сожженія. По требованію Конта, духовенство новой религіи человѣчества должно пользоваться такимъ же авторитетомъ въ глазахъ народа, какимъ пользовались ветхозавѣтные пророки. Оно должно состоять изъ теоретиковъ или философовъ. Правительство обязано положить ему содержаніе, но не въ большомъ размѣрѣ, чтобы оно жило въ такой же бѣдности, въ какой живетъ и простой народъ. Быть богатыми жрецы

религіи позитивизма не имѣютъ права; они не могутъ ни наслѣдовать, ни получать доходовъ отъ какой либо изъ своихъ должностей, даже отъ продажи своихъ сочиненій и отъ уроковъ. Вообще бѣдность и необеспеченность своего духовенства Контъ считаетъ необходимымъ условіемъ полной безкорыстности его служенія.

Предметомъ частной религіи или частнаго поклоненія у Конта служить уже не человѣчество, какъ коллективное существо, не „Grand Etre“, а его конкретныя и достойныя индивидуальныя представительницы—женщины: мать, жена и дочь, какъ прошедшее, настоящее и будущее, которымъ соотвѣтствуютъ и три социальныя чувства—почтеніе, привязанность и доброта. Живы ли или уже умерли,—эти женщины и въ томъ, и въ другомъ случаѣ могутъ быть предметомъ религіознаго почитанія; у холостяка—жену и дочь могутъ замѣнять другія женщины—родственницы или знакомыя или даже историческія лица. Культъ частной религіи Конта составляютъ молитвы въ смыслѣ, впрочемъ, простаго изліянія чувствъ, а не въ видѣ просьбы. Контъ составилъ свои собственные образцы молитвъ въ родѣ католическихъ „Pater noster“ и „Ave, Maria“; но каждому предоставляется право сочинять свои особыя молитвы съ примѣсю даже отрывковъ изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній лирическаго характера. На молитву каждый ежедневно долженъ посвятить *два* часа, раздѣливъ ихъ на три части. Утромъ нужно непременно молиться на колѣняхъ съ наибольшою продолжительностію; среди рабочихъ часовъ молитва должна быть краткою, а вечеромъ слѣдуетъ молиться до тѣхъ поръ, пока стануть отъ желанія заснуть смыкаться глаза, чтобы эта молитва отразилась и на сновидѣніи. Въ своей религіи Контъ устанавливаетъ *девять* таинствъ, которыми должны быть освящены выдающіяся событія въ жизни человѣка: рожденіе, воспитаніе, женитьба, поступленіе на службу и т. д. Последнее таинство совершается уже семь лѣтъ спустя послѣ смерти человѣка, когда жрецы произносятъ свой судъ о памяти умершаго и торжественно причисляютъ его къ „Grand Etre“, а его останки съ гражданскаго мѣста погребенія перенос-

сятся на религиозное. Контъ установилъ для своей религіи даже нѣчто соотвѣтствующее крестному знаменію, употребляемому христіанами. Загробнаго существованія и личнаго безсмертія души человѣческой, въ смыслѣ христіанскаго богооткровеннаго ученія объ этомъ предметѣ, О. Контъ не признаетъ, но онъ охотно поддерживаетъ мысль о *субъективномъ* безсмертіи человѣка, т. е., о существованіи человѣка послѣ смерти въ воспоминаніи и почитаніи со стороны человѣчества вообще или, какъ онъ самъ выражается, въ коллективномъ почитаніи, которое живые воздаютъ человѣчеству въ его совокупности, какъ единому „Grand Etre“.

Сказаннаго почитаемъ достаточнымъ для того, чтобы по нему можно было составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о томъ, какъ основатель позитивизма смотрѣлъ на религію и въ чемъ онъ полагалъ ея сущность. Теперь остается поставить вопросъ: насколько удовлетворителенъ его взглядъ?

Мы не будемъ останавливать вниманія читателя на разсужденіяхъ О. Конта о его собственной религіи человѣчества. Это—бредъ больного человѣка, доказывающій только, что психіатры, пользовавшіе первосвященника этой религіи, не ошиблись, предполагая неизлечимою его болѣзнь. Даже послѣдователь Конта въ основныхъ его философскихъ положеніяхъ Дж. Ст. Милль называетъ разсужденіе своего учителя о будущей религіи „смѣшнымъ“, а „нѣкоторыя вещи даже крайне смѣшными“, „бросающими тѣнь на все его міровоззрѣніе“; другой ученикъ его—*Люисъ* предпочелъ за лучшее совершенно умолчать объ этихъ „бредняхъ“ „великаго мыслителя нашего времени“, а есть позитивисты, которые рѣшительно осуждаютъ поведеніе Конта. Такъ изъ русскихъ писателей, увлекшихся ученіемъ позитивной философіи, извѣстный критикъ *Писаревъ* пишетъ о Контѣ: „Онъ вообразилъ себѣ, что можетъ самъ предусмотрѣть, опредѣлить и начертить ту политическую и соціальную программу, до которой додумается коллективный умъ, просвѣщенный и укрѣпленный положительнымъ образованіемъ. Получилось, конечно, полное и печальное фiasco. Контъ вдался въ произвольныя умствованія, измѣнилъ

своей собственной строго научной методѣ, написалъ *Положительную Политику*, въ которой нѣтъ ничего положительнаго, создалъ новую религію, которая однимъ ни на что не нужна, а другихъ не можетъ удовлетворить, провозгласилъ себя *первосвященникомъ человечества* (Grand—prêtre de l'humanité) и, наконецъ, умеръ, оставивъ послѣ себя горсть вѣрующихъ адептовъ, которые своими наивными поступками и плоскими догматическими трактатами продолжаютъ до сихъ поръ, по мѣрѣ силъ, доставлять *обильную пищу* насмѣшкамъ всѣхъ реакціонеровъ и метафизиковъ, чувствующихъ глубокую и сознательную ненависть къ основнымъ великимъ и плодотворнымъ идеямъ *Положительной Философiи*. Наивные обожатели Конта, какъ основателя религіи и какъ первосвященника человечества, должны, конечно, скоро затеряться въ несмѣтной толпѣ различныхъ, болѣе или менѣе эксцентрическихъ сектъ“. Къ такому рѣшительному сужденію, высказанному Писаревымъ, объ измышленной Контомъ религіи человечества мы ничего не имѣемъ прибавить. Произведенія необузданной фантазіи, нежелающей подчиняться никакимъ требованіямъ здоровой человѣческой логики, критическому разбору подлежать не могутъ. Для всякаго очевидно, что новая религія человечества, предначертанная Контомъ и имѣвшая распространиться еще въ 1884 году по всему міру, религія безъ Бога, не есть религія, содержаніе которой во всякомъ случаѣ должно составлять извѣстное отношеніе человѣка къ Богу. О. Контъ говоритъ о чемъ-то другомъ, но только не о религіи. Исторія французской революціи также, повидимому, не убѣдила Конта въ томъ, что женщина не можетъ оставаться продолжительное время предметомъ религіознаго почитанія.

Не будемъ мы останавливать вниманія своихъ чатателей и на томъ общемъ взглядѣ, который высказываетъ Огюсть Контъ относительно *сущности* религіи. Какъ мы видѣли, по ученію Конта, сущность религіи состоитъ въ *объясненіи* явленій окружающаго насъ міра; а происхожденіе ея обуславливалось будто-бы тѣмъ, что, желая объяснить себѣ тѣ или другія явленія вѣшняго міра, но не умѣя найти естественныхъ и

дѣйствительныхъ причинъ, человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своего умственнаго развитія *измышляетъ* причины сверхъестественныя и фиктивные—Бога или боговъ. Взглядъ этотъ у Конта не оригиналенъ; его высказывали мыслители, жившіе на два съ половиною тысячелѣтія раньше Конта; его придерживались и придерживаются всѣ защитники такъ называемой *натуралистической* гипотезы о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ. Но натуралистическая гипотеза, какъ мы видѣли, имѣетъ дѣло, собственно говоря, лишь съ вопросомъ о сущности и происхожденіи язычества въ различныхъ формахъ его обнаруженія, а не съ вопросомъ о сущности и происхожденіи религіи вообще. Мало того: повторяя чужое ученіе, Контъ даже ничего не сдѣлалъ въ его пользу и не подвинулъ его впередъ ни на одинъ шагъ. Религія по ученію Конта, есть дѣло „суевѣрнаго страха“; „дикарь, уstraшенный раскатами отдаленнаго грома, говоритъ Контъ, спрашиваетъ: „что это?“ и не спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣта или пока не вообразитъ, что получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Достаточно, если ему скажутъ, что это голосъ злобнаго демона: явленіе объяснено“. Въ этомъ разсужденіи совершенно вѣрно указано на свойственную человѣку любознательность; человѣкъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ поражающимъ его явленіямъ, а въ томъ числѣ и къ „раскатамъ отдаленнаго грома“; онъ, дѣйствительно, спроситъ: „что это?“ Но дѣло вѣдь не въ этомъ,—не въ вопросѣ, а въ отвѣтѣ. И еслибы Контъ серьезно имѣлъ въ виду разрѣшеніе трудной задачи о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ, то онъ прежде всего объяснилъ бы намъ: кто же это именно сказалъ дикарю, что раскаты отдаленнаго грома суть голосъ злобнаго демона? Но Контъ упорно молчитъ; вопросъ—и вопросъ самый существенный—у него остается безъ отвѣта. Тайнственный *никто*, въ первый разъ влагающій въ душу человѣка идею о Божествѣ,—и для Конта, и для его читателей—есть неразрѣшенный и не отысканный X. Случайно, впрочемъ, и несомѣнно противъ собственнаго желанія, Контъ въ другомъ мѣстѣ проговаривается въ пользу истины, когда утверждаетъ, что боготворить природу или—

что то же—искать Бога въ природѣ есть „первоначальная склонность и инстинктивное побужденіе людей“ (см. выше). Но что это за „первоначальная (вѣрнѣе: изначальная) склонность и инстинктивное побужденіе людей“ искать Бога и стремиться къ нему? Не то же ли это, что христіанскіе богословы и многіе выдающіеся философскіе мыслители называютъ прирожденною человѣку идеею о Богѣ? Изъ серьезныхъ мыслителей *Даль* не одинъ называетъ религіозную способность человѣка прямо *инстинктивною*, невольною, необходимою, имманентною самой духовной природѣ человѣка.

Согласны мы съ Контюмъ и въ томъ, что по неразвитости своего ума и недостаточности положительныхъ научныхъ знаній, дикарь удовлетворится, когда ему скажутъ, что раскаты отдаленнаго грома суть голосъ злобнаго демона. Но почему это объясненіе удовлетворитъ умственно неразвитого дикаря? На этотъ, очевидно, самый важный и существенный вопросъ у Конта мы опять не найдемъ никакого отвѣта. Если приведенное объясненіе удовлетворило дикаря, то, очевидно, онъ его понялъ; а если онъ его понялъ, то несомнѣнно, слово *демонъ* въ данномъ объясненіи не было для него пустымъ звукомъ; какое то понятіе о демонѣ онъ имѣлъ уже раньше, чѣмъ ссылкой на это существо ему кто-то объяснялъ раскаты отдаленнаго грома. И вотъ опять роковой вопросъ: откуда у него это понятіе о бытіи какого бы то ни было сверхъестественнаго существа? Кто вложилъ въ его душу эту идею? Контъ думаетъ, что первобытный человѣкъ самъ *выдумалъ* ее. Не умѣя найти дѣйствительныхъ и естественныхъ причинъ для объясненія явленія природы, говоритъ онъ, дикарь *измыслилъ* сверхъестественныя и фиктивные. Конечно, такое предположеніе высказать легко, но доказать его достоверность невозможно, не противорѣча основнымъ положеніямъ опытной или экспериментальной психологій. Мы уже имѣли случай отмѣтить ту важную заслугу Декарта, которую онъ оказалъ серьезной философіи, представивъ неопровержимые доводы, что самъ человѣкъ не въ состояніи путемъ обычнаго познанія и мышленія создать идею Божества. Для этого онъ не располагаетъ

надлежащимъ матеріаломъ; а создать что либо изъ ничего онъ такъ же безсиленъ, какъ безсиленъ онъ создать единицу изъ безчисленнаго количества нулей. Самъ Контъ отвергъ попытки объяснить происхожденіе религіи въ человѣческомъ родѣ вымысломъ жрецовъ и законодателей, какъ неудовлетворительныя и неправдоподобныя; но чего нельзя выдумать по корыстолюбію и властолюбію, того нельзя выдумать и по такому благородному побужденію, какъ свойственная духу человѣческому любознательность и стремленіе къ истинѣ.

Профессоръ Харьковскаго Университета Прот. Г. Буткевичъ.

(Окончаніе будетъ).

Русскій Оригенъ XIX вѣка Вл. С. Соловьевъ.

(Его философія, богословскія и общественно-историческія произведенія, ихъ критика и опытъ выясненія общаго характера и значенія его философіи).

(Продолженіе *).

VIII.

Критическая литература о Соловьевѣ за послѣдній періодъ его дѣятельности. Критическіе этюды: Б. Н. Чичерина и профессоровъ: Шершеневича, Алексѣя И. Введенскаго и Лопатина.

Изъ всѣхъ философскихъ произведеній Соловьева послѣдняго десятилѣтія наиболѣе сильную критику вызвало его „Оправданіе Добра“. И это вполне естественно: тогда какъ другія философскія произведенія Соловьева, за послѣдній періодъ его дѣятельности, представляли собою лишь отдѣльныя, часто отрывочныя статьи по различнымъ философскимъ дисциплинамъ, „Оправданіе Добра“ являлось полной и законченной системой нравственной философіи. И потому-то удары критики и направлялись, прежде всего и болѣе всего, на это произведеніе. И какъ въ первый періодъ дѣятельности Соловьева самымъ сильнымъ критикомъ явился Б. Н. Чичеринъ, такъ и въ послѣдній періодъ наиболѣе строгимъ и сильнымъ критикомъ явился онъ же Чичеринъ. Въ 1897 г. вышло первое изданіе „Оправданія Добра“ и въ этомъ же 1897 г. въ 4-ой книжкѣ (за Сентябрь и Октябрь) „Вопросы Фил. и Псих.“ появилась

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 22.

большая статья Чичерина (въ 117 стр.) „О началахъ этики“, представляющая собою подробный разборъ „Оправданія Добра“. Критикъ очень детально разбираетъ главныя положенія автора и въ общемъ даетъ очень суровый отзывъ объ „Оправданіи Добра“.

Главный недостатокъ сочиненія Соловьева Чичеринъ усматриваетъ въ томъ, что авторъ „Оправданія Добра“ хочетъ построить нравственную философію не только независимо отъ всякой положительной религіи, но и не прибѣгая къ теоретической философіи. Критикъ соглашается съ тѣмъ, что система нравственной философіи можетъ быть построена независимо отъ всякой положительной религіи, но онъ рѣшительно отвергаетъ возможность ея построенія независимо отъ метафизики. Онъ находитъ, что безъ теоретическихъ основаній можно, взывая къ человѣческимъ чувствамъ, держать нравственную проповѣдь, но нельзя построить философскаго ученія, ибо невозможно философствовать безъ философіи. Критикъ и доказываетъ это, разбирая главныя положенія автора „Оправд. Добра“. Такъ, Соловьевъ говоритъ, что нравственность познается тѣмъ же самымъ разумомъ, который ее создаетъ. Но, возражаетъ на это Чичеринъ, если нравственность создается разумомъ, то надобно знать, что такое этотъ разумъ, каковы его свойства и законы, способенъ ли онъ раскрывать намъ какія либо абсолютныя начала и предъявлять волѣ абсолютныя требованія, какъ руководство къ дѣятельности. Всѣ эти вопросы относятся къ области теоретической философіи, и безъ рѣшенія ихъ невозможна и нравственная философія. Точно также, по мнѣнію критика, невозможна нравственная философія и безъ рѣшенія вопроса о свободѣ воли. Безъ свободной воли, по убѣжденію критика, не можетъ быть ни понятія о законѣ, какъ обязательномъ предписаніи, ни понятія о должномъ. И то и другое имѣетъ смыслъ единственно въ отношеніи къ существамъ, одареннымъ свободною волею, а не къ тѣмъ, которыя повинуются закону, какъ естественному влеченію или физической необходимости. Поэтому-то критикъ находитъ, что Кантъ справедливо считалъ свободу воли необходимымъ постулатомъ нравственной философіи. Нравственно только то, что человѣкъ

дѣлаетъ не по необходимости, а по свободному внутреннему изволенію. Подтвержденіе вѣрности этого положенія критикъ видитъ въ томъ, что Соловьевъ самъ не могъ обойтись безъ признанія свободы воли въ своей философіи: отвергнувъ свободу воли въ нравственныхъ дѣйствіяхъ и изгнавъ это начало изъ своей этики, онъ, по словамъ критика, на каждомъ шагѣ къ нему прибѣгаетъ и его признаетъ. Критикъ, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ такія выраженія Соловьева: „полное, сознательное и свободное соединеніе съ Божествомъ есть именно то, чего хочетъ Богъ окончательно, т. е., безусловное Добро. *Внутренняя свобода*—существенное условіе этого совершенства, или полного добра“ (210—212 стр.). Аналогичныя же выраженія о свободѣ воли критикъ находитъ у Соловьева и на страницахъ 205, 249, 257 и др. Сдѣлавши эту ссылку, критикъ считаетъ себя въ правѣ сказать, что Соловьевъ вводитъ заднею дверью то, что было вытолкнуто въ переднюю,—онъ орудуетъ понятіями, принятыми на вѣру, понятіями,—происхожденіе которыхъ неизвѣстно и значеніе произвольно, и также произвольно прилагаетъ ихъ къ явленіямъ жизни человѣческой.

Разбирая дальше выставленныя Соловьевымъ первичныя начала нравственности: чувства стыда, жалости и благоговѣнія, критикъ и здѣсь находитъ у Соловьева много невѣрности и односторонности. Такъ, по критику, нельзя признать правильнымъ положеніе, что половой стыдъ выражаетъ собою нѣчто недолжное. Критикъ находитъ, что опытъ всѣхъ временъ и народовъ удостовѣряетъ насъ въ томъ, что въ бракѣ половыя отношенія суть должное: отъ нихъ зависитъ самое существованіе человѣческаго рода. Бракъ освящается и закономъ и религіей. Апостоль объявляетъ отъ имени Христа и Церкви, что это великая тайна. Критикъ находитъ, что Соловьевъ, считающій плотъ кореннымъ зломъ, возмущеніемъ матеріи противъ духа, идетъ противъ фактовъ природы и свидѣтельствъ религіи. Далѣе противъ положенія Соловьева критикъ выставляетъ и то, что мужчины, почти всѣ безъ исключенія, кромѣ лишь нѣкоторыхъ изуверовъ, стыдятся не избытка матеріальныхъ силъ, а ихъ недостатка, не побѣдъ въ любви, а неудачъ

въ ней. Лишеніе способности считается для мужчины позоромъ. „Хорошо ли, дурно ли такое воззрѣніе, говоритъ критикъ, это другой вопросъ; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фактами, а факты показываютъ, что человѣкъ вовсе не стыдится быть животнымъ, а напротивъ, этимъ гордится. Аскеты, съ точки зрѣнія отвлеченныхъ нравственныхъ началъ, могутъ говорить, что имъ угодно, психологическій фактъ остается непоколебимъ“¹⁾. И потому, по критику, изъ факта стыда никакъ нельзя выводить безусловнаго осужденія половыхъ отношеній: въ законѣ плотскаго размноженія мы имѣемъ настоящій законъ природы, простирающійся на весь органической міръ и обеспечивающій смѣну поколѣній; отсюда законъ физическаго размноженія земныхъ существъ есть выраженіе воли Божіей. А если такъ, заключаетъ критикъ, то выходитъ, что Соловьевъ, считая этотъ законъ зломъ, впадаетъ въ кощунство. И логику Соловьева, приведшую къ такимъ кощунственнымъ заключеніямъ, критикъ находитъ тѣмъ болѣе смѣлою, что изъ тѣхъ отношеній, которыя Соловьевъ осуждаетъ, какъ нравственное зло, вытекаетъ самое высокое и святое, что есть на землѣ: семейныя радости, материнскія чувства, наконецъ самое благоговѣніе къ Богу, которое начинается съ почитанія родителей. Главную ошибку, приведшую Соловьева къ такимъ ложнымъ воззрѣніямъ, критикъ видитъ въ томъ, что Соловьевъ въ свою нравственную филозофію врозвольно ввелъ метафизическія понятія и затѣмъ произвольно приложилъ ихъ къ фактамъ. Признавши совершенно произвольно стыдъ выраженіемъ недолжнаго, Соловьевъ, не разобравъ и не выяснивъ, что такое должное и недолжное, прямо приложилъ къ этому факту заимствованный у Канта категорическій императивъ и объявилъ подлежащими безусловному осужденію всякія половыя отношенія. Не установивши понятія „должнаго“ и „недолжнаго“, Соловьевъ, далѣе, по критику, не установилъ такія понятія, какъ „общій законъ“, и такія положенія, какъ то, что животная или матеріальная жизнь должна подчиняться духовной. Необходимо было опредѣлить, что такое матерія и духъ; надобно было изслѣдовать, и ихъ фактическія отношенія.

¹⁾ Чичеринъ „О началахъ этики“ (Вопр. Фил. и Псих. 39 кн., 596 стр.).

и потомъ, на основаніи этихъ изслѣдованій, можно было съ большею или меньшею достовѣрностью вывести, какимъ это отношеніе должно быть. Соловьевъ же, желая обойтись безъ метафизики, считаетъ все это совершенно излишнимъ. Онъ считаетъ для себя достаточнымъ указать на то, что духовное самообладаніе лучше, чѣмъ самозабвеніе въ физическомъ процессѣ, и разумный принципъ достойнѣе слѣпого инстинкта. Но критикъ находитъ, что такое голословное рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ можетъ быть уместно въ журнальной статьѣ, но въ философскомъ изслѣдованіи его мало: здѣсь требуется выяснить, что такое высшее и низшее, въ чемъ заключается критерій нравственнаго достоинства, что такое должное и каково отношеніе этого начала къ фактическому отношенію элементовъ. Дѣло въ томъ, говоритъ критикъ ¹⁾, что если въ большинствѣ человѣческаго рода чувственныя влеченія преобладаютъ надъ духовными, то съ точки зрѣнія Соловьева является совершенно непонятнымъ и невьясненнымъ, въ силу чего мы можемъ требовать обратнаго отношенія. Указанія на фактъ совѣсти въ этомъ случаѣ Соловьевъ не можетъ дѣлать, такъ какъ у него совѣсть является только развитіемъ стыда. Но, замѣчаетъ критикъ ²⁾, видѣть въ совѣсти развитіе полового стыда, все равно, что признавать солнечный свѣтъ развитіемъ слабыхъ его отраженій въ темныхъ пещерахъ. Въ совѣсти мы имѣемъ свѣтъ, исходящій изъ высшей сверхчувственной области, а не усовершенствованный инстинктъ, относящійся къ физической природѣ: только въ совѣсти понятія о должномъ и не должномъ имѣютъ настоящій свой корень, и потому-то философу моралисту надлежитъ, прежде всего, изслѣдовать этотъ фактъ, показать его свойства, требованія и отношенія къ дѣйствіямъ человѣка. Только на этомъ краеугольномъ камнѣ, а не на половомъ стыдѣ можно, по критику, воздвигнуть нравственное зданіе. Но изслѣдовать совѣсть нельзя, не касаясь вопроса о свободѣ воли. Совѣсть есть по преимуществу выраженіе внутренней свободы человѣка, отвергающей всякій внѣшній авторитетъ и рѣшающей единственно на основаніи собствен-

¹⁾ Ibid. 603 стр.

²⁾ Ibid. 608 стр.

наго сознанія добра и зла. Въ совѣсти человѣкъ является самоопредѣляющимся, а потому и нравственнымъ существомъ. Въ совѣсти неразрывная связь между нравственностью и внутренней свободою проявляется вполне. Соловьевъ же, не признавая этой связи, совѣсть обходитъ ее молчаніемъ, и совѣсти посвящаетъ всего небольшую страничку, смѣшивая совѣсть съ половымъ стыдомъ (*ibid.*, 609 стр.).

Разбирая далѣе другую, выдвигаемую Соловьевымъ основу нравственности—состраданіе, критикъ находитъ, что состраданіе, какъ инстинктъ, не можетъ служить основаніемъ нравственности; это не болѣе какъ ничтожный фактъ среди множества другихъ фактовъ совершенно противоположнаго свойства. Нравственное значеніе состраданіе получаетъ, по критику, только въ силу высшихъ метафизическихъ началъ. Такимъ началомъ Соловьевъ считаетъ справедливость. Но критикъ находитъ, что и здѣсь у Соловьева, за недостаткомъ предварительнаго разъясненія метафизическихъ понятій, построеніе нравственныхъ основначалъ выходитъ произвольное и невѣрное. Справедливость и жалость (состраданіе) суть два разные начала, и стараніе Соловьева свести одно къ другому критикъ находитъ неудачнымъ.

Несостоятельнымъ и необоснованнымъ критикъ находитъ и третье основное начало Соловьева—чувство благоговѣнія. Критикъ соглашается съ тѣмъ, что изъ отношенія дѣтей къ родителямъ рождается благоговѣйное уваженіе и обязанность послушанія; соглашается критикъ и съ тѣмъ, что понятіе объ этихъ отношеніяхъ переносится и на Божество, которое, какъ создатель и покровитель, уподобляется отцу. Но съ тѣмъ, что религиозное чувство развилось изъ отношенія дѣтей къ родителямъ,—съ этимъ критикъ не соглашается, и находитъ, что Соловьевъ и здѣсь не свободенъ отъ того упрека, который онъ сдѣлалъ ему еще прежде: отъ уклоненія отъ анализа метафизическихъ понятій. Надобно знать, говоритъ критикъ, что такое Абсолютное Существо и до какой степени познаніе его доступно человѣку; надобно опредѣлить отношеніе философской мысли къ положительнымъ религіямъ, а въ нравственномъ отношеніи показать связь между идеею Божества и нравствен-

нымъ міромъ человѣка. Все это требуетъ глубочайшихъ и разностороннихъ философскихъ изслѣдованій, Соловьевъ же пытается рѣшить всѣ эти вопросы безъ всякаго философскаго изслѣдованія, въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя, по критику, могутъ служить развѣ только назидательнымъ поученіемъ для дѣтей въ народныхъ школахъ, по никакъ не способны удовлетворить человѣка, требующаго научныхъ доказательствъ. Изъ всѣхъ объясненій Соловьева не видно, во имя чего то, что онъ называетъ естественною религіею, можетъ быть для кого либо обязательнымъ. Притомъ, Соловьевъ здѣсь, по критику, впадаетъ въ логическій кругъ: стараясь доказать необходимость естественной религіи тѣмъ, что безъ нея нравственность не могла бы существовать, онъ, вслѣдъ за тѣмъ, говоритъ, что отъ естественной религіи всѣ нравственныя требованія получаютъ свою разумную санкцію; иначе, естественная религія основывается на требованіяхъ нравственности, а требованія нравственности получаютъ свою силу отъ религіи, т. е., Соловьевъ здѣсь, очевидно, впадаетъ въ логическій кругъ.—Далѣе Соловьевъ, по критику, не правъ и въ томъ, что онъ всю религіозную нравственность выводитъ изъ одного начала—изъ ощущенія Божества. „Мы находимся тутъ, говоритъ критикъ¹⁾, въ полной мистикѣ. Соловьевъ ощущаетъ въ себѣ Божество и считаетъ слѣдующими всѣхъ, кто не ощущаетъ его такъ же, какъ онъ“. Но, спрашиваетъ критикъ, почему личное ощущеніе Соловьева можетъ быть обязательно для кого бы то ни было? Между тѣмъ Соловьевъ, безъ всякихъ основаній, возводитъ личное доказательство на степень безусловнаго нравственнаго требованія и при томъ въ такихъ размѣрахъ, которые дѣлаютъ его совершенно недоступнымъ для кого бы то ни было, такъ какъ требованіе: „будь совершенъ“ Соловьевъ понимаетъ такъ: не только имѣй добрую волю, будь честенъ и добродѣтеленъ, а еще—будь безболѣзненнымъ, бессмертнымъ, нетлѣннымъ, и—сдѣлай такъ, что бы всѣ твои ближніе были безболѣзненны, бессмертны и нетлѣнны въ тѣлахъ своихъ.—Критикъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы нашелся, хотя одинъ человѣкъ, кромѣ Соловьева, который могъ бы поставить себѣ та-

¹⁾ Ibid. 627.

кую задачу—сдѣлать людей бессмертными даже тѣлесно. Въ общемъ критикъ находитъ, что Соловьевъ, прибѣгнувши вмѣсто философіи къ мистикѣ, далъ преобладаніе субъективной фантазіи надъ трезвою мыслью.

Разбирая далѣе воззрѣнія Соловьева на историческій процессъ совершенствованія человѣка, какъ нравственнаго существа, критикъ находитъ, что историческая теорія Соловьева не имѣетъ ничего общаго съ фактами; построенная на мистическомъ началѣ, она представляетъ только обширное поле для всякихъ фантазій. Такою фантазіей критикъ считаетъ взглядъ Соловьева на значеніе христіанства въ историческомъ процессѣ человѣчества. Соловьевъ придаетъ христіанству универсальное значеніе, въ появленіи его видитъ начало новаго царства и самую исторію человѣчества явленіемъ христіанства разсѣкаетъ на двѣ половины, между которыми лежитъ непроходимая бездна. Высшее выраженіе языческаго міра Соловьевъ видитъ въ римскомъ Кесарѣ, представляющемъ человѣка—бога и состоящемъ въ такомъ же отношеніи къ богочловѣку, въ какомъ состоитъ обезьяна къ человѣку. Критикъ находитъ, что Соловьевъ преувеличиваетъ историческую роль христіанства. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда христіанство сдѣлалось господствующимъ, учителя западной Церкви дѣйствительно выработали теорію Царства Божьяго, противоположнаго языческому міру, а римскіе папы пытались эту теорію осуществить на практикѣ, но попытка вышла неудачною. Послѣ тысячелѣтней борьбы съ и анархіи обновленное человѣчество возвратилось къ началамъ, выработаннымъ языческимъ міромъ: оно, въ эпоху возрожденія, пошло учиться у давно отжившихъ свой вѣкъ обезьянъ—древнихъ язычниковъ. Христіанское начало, хотя и не исчезло совсѣмъ, но утратило, по критику, свое пераздѣльное владычество надъ умами. Идея Царства Божія, которую преслѣдовали средневѣковые святители, потеряла всякое значеніе, и свѣтскіе интересы опять выступили на первый планъ. Если бы христіанство, заключаетъ критикъ, было дѣйствительно новымъ твореніемъ, то оно должно было бы пересоздать все человѣчество, вмѣсто же того, прошло почти 2 тысячелѣтія, а народы все движутся по

прежней колеѣ, не говоря уже о томъ, что они въ теченіе этого долгаго періода, ни на одинъ шагъ не приблизились къ указанной Соловьевымъ цѣли—сдѣлать всѣхъ людей безболѣзненными и бессмертными. Отсюда критику кажется яснымъ, что историческая теорія Соловьева совершенно произвольна и фантастична.

Анализируя далѣе воззрѣнія Соловьева на отношенія общества къ личности, критикъ находитъ, что и здѣсь Соловьевъ неправъ тѣмъ, что уклонился отъ разрѣшенія такихъ вопросовъ, какъ, что такое общественная власть, откуда она возникаетъ, каковы ея права, задачи и отношенія къ членамъ общества. Критикъ находитъ, что безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ, всѣ разсужденія объ отношеніяхъ личности къ обществу будутъ только общими фразами, лишенными всякаго существеннаго содержанія, и изъ которыхъ можно вывести самыя противоположныя заключенія. Критикъ находитъ, что положенія Соловьева и отзываются такими общими фразами: онъ не потрудился выяснить основныя общественныя понятія, какъ требовалось бы научнымъ изслѣдованіемъ, а ограничивается начертаніемъ общей схемы и указаніемъ исторической послѣдовательности трехъ соотвѣтствующихъ этой схемѣ ступеней общественнаго содержанія (буддизма, платонизма и христіанства). Но и эту схему критикъ находитъ не соотвѣтствующей дѣйствительности и истинному значенію указываемыхъ Соловьевымъ ступеней общественнаго развитія; особенно существенную ошибку Соловьевъ допускаетъ по отношенію къ послѣдней ступени общественнаго развитія—къ христіанству. Ошибка Соловьева, по критику, здѣсь въ томъ, что онъ христіанскій идеаль будущей жизни, съ воскресеніемъ мертвыхъ, хочетъ сдѣлать результатомъ настоящаго развитія человѣчества. И этотъ идеаль, это Царство Божіе Соловьевъ вводитъ, по критику, принудительными мѣрами,—дѣйствіемъ государственной власти, а такой способъ достиженія Царства Божія ведетъ къ полному отрицанію свободы человѣка. Критикъ находитъ, что это отрицаніе свободы воли и личнаго начала въ человѣкѣ особенно ясно выразилось въ главѣ „о нравственномъ субъективизмѣ“. Соловьевъ рѣшительно утверждаетъ, что нравственное совер-

шенство достигается отдѣльнымъ лицомъ лишь съ помощью извѣстнаго общественнаго процесса, дѣйствующаго не только лично, но и собирательно. Критикъ находитъ, что доказательство этого важнѣйшаго положенія нужно было обставить серьезнѣйшими доказательствами, а Соловьевъ ограничивается лишь ссылкой на два факта: на жестокость мягкосердечнаго Одиссея и на свирѣпость тамбовскаго помѣщика 40-ыхъ годовъ XIX столѣтія. Изъ того положенія, что общественные нравы, за громадный промежутокъ въ 3000 лѣтъ (отъ Одиссея до половины XIX в.) почти не измѣнились, и что въ послѣдній краткій періодъ времени, послѣ уничтоженія крѣпостного права, рѣзко измѣнились, такъ что герои, подобные тамбовскому помѣщику, стали невозможны, — Соловьевъ дѣлаетъ выводъ о всемогущемъ значеніи для нравственности общественныхъ учрежденій. Критикъ находитъ, что Соловьевъ, допуская такія воззрѣнія, становится въ противорѣчіе съ данными исторіи и своими собственными положеніями. Соловьевъ самъ признаетъ великое значеніе христіанства, а между тѣмъ, если смотрѣть его глазами на универсальное значеніе общественныхъ формъ, то выходитъ, что христіанство не имѣло никакого значенія, и Христосъ, обратившись съ проповѣдью Евангелія къ рыбакамъ и нищимъ, сдѣлалъ ошибку: онъ долженъ былъ обратиться къ земнымъ владыкамъ. съ увѣщаніемъ насильственно водворить возвѣщенное имъ Царство Божіе. Критикъ находитъ ¹⁾, что изъ теоріи Соловьева слѣдуетъ тотъ выводъ, что христіанство завоевало міръ не нравственною проповѣдью, а властными мѣропріятіями, разрушеніемъ языческихъ храмовъ, истребленіемъ еретиковъ, кострами инквизиціи. Критикъ полагаетъ, что Соловьевъ, допуская такія воззрѣнія, признаетъ насиліе въ дѣлахъ вѣры и желаетъ насадить на землѣ Царство Христово принудительными мѣрами. Но, разбирая слѣдующую главу („нравственная норма общественности“), критикъ находитъ, что Соловьевъ проводитъ мысли, совершенно противоположныя только что высказаннымъ имъ воззрѣніямъ. „Если, говоритъ критикъ ²⁾, вперёдъ Соловьевъ представлялся

¹⁾ Ibid. 643 стр.

²⁾ Ibid. 646 стр.

послѣдователемъ Торквемады, то теперь онъ является чистымъ анархистомъ“, такъ какъ право лица, какъ нравственнаго существа, считаетъ безусловнымъ, а право общества на лицо считаетъ условнымъ и допускаетъ его постольку, поскольку это право признается самимъ же лицомъ, Соловьевъ находитъ что общее благо, если оно хочетъ имѣть значеніе нравственнаго принципа,—должно быть въ полномъ смыслѣ общимъ, т. е., относиться не ко многимъ только или большинству, а ко всѣмъ безъ исключенія. Критикъ находитъ, что система Соловьева есть польское „не позволямъ“ (veto), возведенная въ безусловное правило. Требовать единогласія для всемірной организаціи безусловнаго Добра, это—нѣчто такое, что превосходитъ всякое воображеніе. Въ дѣйствительности этого никакъ нельзя допустить, и у самого Соловьева въ главѣ: „О конечной организаціи человѣчества“, о свободѣ лица и желательности его согласія на постановленіе объ общемъ благѣ, нѣтъ болѣе рѣчи и все окончательно представляется правительственному полномочию; слѣдовательно, и здѣсь опять у Соловьева критикъ видитъ противорѣчіе. Задавался вопросомъ, какъ согласовать очевидное противорѣчіе въ воззрѣніяхъ Соловьева, критикъ находитъ, что въ его книгѣ мы имѣемъ предъ собою два противоположныя теченія мысли, не находящіяся ни въ какомъ отношеніи другъ къ другу. Не утвердивъ предварительно философскихъ основаній своего ученія, Соловьевъ попеременно склоняется то на ту, то на другую сторону, смотря по тому, куда несетъ его минутная волна.

Разбирая воззрѣнія Соловьева на національный, уголовный, экономическій и юридическій вопросъ, критикъ находитъ правильнымъ лишь рѣшеніе Соловьевымъ и національнаго вопроса, рѣшеніе, же прочихъ вопросовъ критикъ считаетъ совершенно ложнымъ. Но и въ рѣшеніи національнаго вопроса критикъ подмѣчаетъ нѣкоторыя, довольно существенныя, односторонности. Такъ, противъ принципа Соловьева, что мы должны любить всѣ народности, какъ свою собственную, критикъ замѣчаетъ, что любить чужое отечество такъ же какъ свое собственное, столь же мало возможно, какъ любить чужихъ родителей наравнѣ съ своими. Отечество потому и есть оте-

чество, что оно намъ ближе и дороже всего. Вѣрнымъ изъ воззрѣній Соловьева критикъ признаетъ лишь то, что любовь къ своему не требуетъ вражды къ чужому: любовь, какъ нравственное, а не фізіологическое начало, должна прости- раться на всѣхъ; и напоминаніе объ этомъ со стороны автора „Оправданія Добра“ критикъ считаетъ полезнымъ.—Отъ указа- нія характера воззрѣній Соловьева на національный вопросъ критикъ переходитъ къ разбору экономическихъ воззрѣній Со- ловьева. Коренная ошибка Соловьева здѣсь та, что онъ отри- цаетъ значеніе и самое существованіе, экономическихъ вопро- совъ въ отдѣльности ихъ отъ нравственныхъ. Критикъ нахо- дитъ, что если признать вѣрными воззрѣнія Соловьева, то придется признать и то, что всякое практическое дѣйствіе, хотя бы напимѣръ: наемъ работника, заказъ плана архи- тектору и т. под., будетъ безнравственно, если человѣкъ, пред- принимая это дѣйствіе, не имѣетъ въ виду его связи со все- ленной. Но это, по критику, чистый абсурдъ, и потому воз- зрѣніе Соловьева, какъ приводящее къ абсурду, не можетъ быть не признано за крайне одностороннее. Далѣе, по крити- ку, большую ошибку допускаетъ Соловьевъ и въ томъ, что отрицаетъ существованіе самостоятельныхъ экономическихъ законовъ. Соловьевъ, какъ извѣстно, самостоятельнымъ и без- условнымъ закономъ для человѣка признаетъ лишь одинъ— нравственный, а экономическіе законы считаетъ зависимыми отъ нравственныхъ принциповъ. Критикъ рѣшительно не со- глашается съ этимъ, онъ находитъ, что экономическіе законы суть нѣчто столь же независимое отъ нравственности и са- мостоятельное, какъ законы фізическаго міра. Таковы, напр., законы спроса и предложенія, раздѣленія труда, отношенія денежныхъ знаковъ къ реальному богатству народовъ и т. д. Никто не можетъ оспаривать ту экономическую истину, что напр. трудъ раздѣленный несомнѣнно производителнѣе труда смѣшаннаго. Но также никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что это положеніе не имѣетъ никакого отношенія къ нрав- ственному закону: стыдъ, жалость, благоговѣніе тутъ не играютъ никакой роли. А если такъ, заключаетъ критикъ, то эконо- мическіе законы должны быть признаны совершенно самосто-

ятельными и независимыми отъ нравственныхъ. Невѣрнымъ также находятъ критикъ и воззрѣніе Соловьева на экономическую свободу. Соловьевъ экономическую свободу представляетъ въ видѣ какой-то анархіи. Критикъ же находитъ, что экономическая свобода состоитъ въ безпрепятственномъ развитіи и употребленіи человѣческихъ силъ, а это возможно только при существованіи правительства, которое не позволяетъ однимъ посягать на свободу другихъ, и которое не допускаетъ никакой анархіи. Признавая одни экономическія воззрѣнія Соловьева невѣрными, критикъ другія его воззрѣнія въ этой области находитъ фантастичными,—таково, напримѣръ, утвержденіе Соловьева, что правительство должно не только обезпечить каждому члену общества достойное существованіе, но оно должно одухотворить и самую матеріальную природу. Критикъ находитъ, что Соловьевъ, обѣщавшій написать нравственную философію безъ метафизики, здѣсь впалъ въ такую странную метафизику, въ которой трудно даже дать себѣ отчетъ.

Переходя далѣе къ критикѣ воззрѣній Соловьева на уголовное право, Чичеринъ находитъ здѣсь еще большую легкость въ рѣшеніи вопросовъ, еще болѣе замѣтныя противорѣчія въ частныхъ взглядахъ. Характернымъ методомъ критики Соловьева является здѣсь одинъ способъ: уродовать противное мнѣніе и затѣмъ опровергать каррикатуру. Такъ, по критику, Соловьевъ совершенно окаррикатуриваетъ уголовно-правовую теорію безусловной вины, когда говоритъ, что эта теорія выросла на почвѣ самыхъ ребяческихъ представленій и есть только трансформация первобытнаго дикаго взгляда, когда не только животнымъ, но даже и неодушевленнымъ предметамъ приписывали свободную злую волю и на этомъ основаніи карали. Но, говоритъ критикъ ¹⁾, сказать, что относительно совершаемыхъ поступковъ нѣтъ никакой разницы между человѣкомъ и какимъ нибудь неодушевленнымъ предметомъ, напр., деревянной скамейкой, сказать такъ есть нѣчто совершенно непозволительное съ какой бы то ни было точки зрѣнія. Причинность разумно-свободнаго существа совсѣмъ не то, что

¹⁾ Ibid. 670 стр.

причинность деревянной скамейки и это различіе составляетъ единственное основаніе, почему мы человѣка признаемъ лицомъ отвѣтственнымъ за свои дѣйствія и почему мы приписываемъ ему права и считаемъ его субъектомъ нравственнаго закона. Безъ этого вся нравственность не что иное, какъ пустословіе. Соловьевъ, не признавая этого различія, считаетъ себя въ правѣ отвергать и всю уголовно-правовую теорію вины, а также и теорію воздаянія. На эту теорію воздаянія Соловьевъ обрушивается въ самыхъ преувеличенныхъ выраженіяхъ. Онъ называетъ ее бессмысленною, варварскою, говоритъ, что она будетъ предметомъ изумленія и глумленія для потомства. Вопреки презрительнымъ отзывамъ Соловьева, критикъ думаетъ, что теорія воздаянія въ уголовномъ правѣ есть единственная, представляющая въ себѣ полную истину, такъ какъ она опирается на глубочайшія основы человѣческаго разума и человѣческой совѣсти. Критикъ говоритъ, что, утверждая это, онъ имѣетъ за собой не только общее сознаніе всѣхъ временъ и народовъ, которое награжденіе добрыхъ и наказаніе злыхъ считало непремѣннымъ требованіемъ, но и авторитетъ высочайшей христіанской религіи. И Христосъ въ своемъ будущемъ Царствѣ возвѣстилъ воздаяніе праведнымъ и грѣшнымъ. Критикъ далѣе находитъ, что Соловьевъ въ своемъ отрицаніи смысла и справедливости теоріи наказанія, не усмотрѣлъ той самой простой элементарной истины, которая ясна даже младенцу, ибо и младенецъ, согрѣшивши, знаетъ, что онъ заслуживаетъ наказанія. И всякій судебный приговоръ произносится во имя того, что человѣкъ этого заслужилъ; къ нему прилагается та мѣра, которою онъ мѣрилъ другихъ, и въ этомъ весь глубокій смыслъ отвергаемой Соловьевымъ теоріи воздаянія.

Переходя затѣмъ къ взглядамъ Соловьева на отношеніе права къ нравственности, критикъ находитъ, что сведеніе Соловьевымъ права къ минимуму нравственности не можетъ быть допущено, такъ какъ право черпаетъ свое содержаніе изъ совершенно другихъ источниковъ, нежели нравственное требованіе. Если бы допустить выведенное Соловьевымъ опредѣленіе права, то пришлось бы въ нравственную сферу ввести насиліе, такъ какъ и минимумъ права недостижимъ безъ при-

нудительнаго насилія. А принудительная нравственность есть уже безнравственность; въ какой бы маленькой дозѣ не прилагалось насиліе, оно всетаки будетъ насиліемъ. Итакъ, изъ подчиненія права нравственности вытекаетъ самое нежелательное въ нравственной сферѣ явленіе—насиліе. Коренная ошибка Соловьева, по критику, состоитъ въ томъ, что онъ вовсе не выяснилъ себѣ отношенія нравственности къ общежитію. Критикъ находитъ, что нравственность можетъ существовать и безъ общества: и аскетизмъ, и благочестіе не имѣютъ никакого отношенія къ общественной жизни: и если человѣкъ соединяется въ общежитіа, то вовсе не для исполненія нравственныхъ предписаній закона, а для удовлетворенія своихъ потребностей. Если человѣкъ будетъ дѣйствовать въ одиночку, онъ не будетъ имѣть достаточно данныхъ для достаточнаго удовлетворенія даже своихъ физическихъ нуждъ, не говоря уже о другихъ, высшихъ потребностяхъ, для удовлетворенія которыхъ человѣкъ долженъ соединиться съ другими. Сама природа указала человѣку для этого путь, установивъ половыя отношенія, изъ которыхъ возникаютъ кровныя связи, составляющія первое основаніе человѣческаго общежитія. Дальнѣйшее развитіе потребностей укрѣпляетъ и расширяетъ эту организацію, формирующуюся въ правовое государство. Когда въ человѣкѣ развивается сознаніе абсолютнаго нравственнаго закона, заложенное въ него изначала, но появляющееся относительно поздно, оно находитъ эту организацію уже сложившеюся; итакъ, среда, по критику, гдѣ дѣйствуетъ нравственное сознаніе, не имъ создается, имѣетъ свои независимые отъ него требованія и законы. Критикъ признаетъ вмѣстѣ съ Соловьевымъ, что право и нравственность вытекаютъ изъ одного источника, изъ природы человѣка, какъ разумно-свободнаго существа, но въ противоположность ему настаиваетъ на томъ, что оба эти начала управляютъ двумя разными сферами: нравственность управляетъ внутренними побужденіями человѣка, опредѣляемыми совѣстью, а право внѣшними отношеніями одбого лица къ другимъ. Эти двѣ сферы имѣютъ каждая свои требованія и свои законы. Нравственный законъ обращается не къ общественной власти, а

къ личной совѣсти, которая въ нравственныхъ вопросахъ имѣетъ рѣшающій голосъ. Только черезъ совѣсть онъ можетъ осуществлять своя требованія. Право же исходить изъ другихъ началъ и пользуется другими средствами. Заключая свою критику воззрѣній Соловьева на отношеніе права къ нравственности, Чичеринъ высказываетъ убѣжденіе, что нравственные идеалы Соловьева должны остаться въ области мечтаній. Въ послѣдней главѣ своего сочиненія Соловьевъ, какъ мы видѣли, рисуеъ идеальную картину нравственной организаціи будущаго человечества. Критикъ находитъ здѣсь ту главную ошибку Соловьева, что онъ не указалъ того, какъ должна быть устроена эта организація; такъ, Соловьевъ совсѣмъ не говоритъ о томъ, какъ должно быть устроено земство, каковы должны быть его отношенія къ государству; не указанъ имъ также и характеръ самой организаціи государства и совсѣмъ не затронуто отношеніе всемірной организаціи къ народной. Соловьевъ говоритъ лишь, кто долженъ организоваться и что должно организоваться, но какова должна быть организація этой „организаціи“, остается неизвѣстнымъ. Несостоятельнымъ также признаетъ критикъ и указаніе Соловьева на тѣхъ лицъ, которыя должны стоять во главѣ будущей всемірной организаціи: царя, первосвященника и пророка. Критикъ говоритъ, что Соловьеву совсѣмъ не приходитъ въ голову то, что пока пророкъ будетъ громить подданныхъ, земныя власти будутъ очень довольны имъ, но если онъ вздумаетъ обличать ихъ самихъ, то по свойствамъ человѣческой природы можно ожидать, что враждующіе между собою первосвященникъ и царь скоро помирятся и заключатъ союзъ, чтобы упразднить этого безпокойнаго критика-пророка. Чичеринъ находитъ, что исторія Израиля представляетъ тому не мало примѣровъ. И тогда, спрашиваетъ критикъ, что же станетъ съ человѣческою свободой. Несчастливымъ людямъ, отданнымъ въ жертву двумъ всемірнымъ полномостіямъ, осуществляющимъ безусловный нравственный законъ принудительными мѣропріятіями, останется только ожидать свободы въ будущей жизни. Та будущая нравственная организація человечества, которую пророчитъ Соловьевъ, представляется критику дѣтскими фантазіями, странными отголосками средне-

вѣковыхъ папскихъ притязаній, выдаваемыми за высшій нравственный идеаль, за цѣль, къ которой идетъ все человѣческое развитіе. Критикъ находитъ, что предъ такими фантазіями должна умолкнуть всякая критика: тутъ, по его словамъ, руки опускаются. Подводя заключеніе всему своему критическому этюду, Чичеринъ говоритъ, что книга Соловьева оставляетъ послѣ себя невыразимо грустное впечатлѣніе, и критикъ высказываетъ опасеніе, не окончательна ли погибъ для русской науки возвышенный умъ и прекрасный талантъ Соловьева, не сдѣлался ли авторъ „Оправданія Добра“ совершенно неспособнымъ къ основательной научной работѣ ¹⁾. Критикъ не желаетъ этому вѣрить, такъ какъ считаетъ это для себя, какъ человѣка долго работавшаго на пустынномъ полѣ русской философіи, слишкомъ безотраднымъ явленіемъ. При скудости умственныхъ силъ, которыми располагаетъ русская наука, потеря для нея такого крупнаго таланта, какъ авторъ „Оправд. Добра“, была бы, по критику, незамѣнима. Указаніемъ своихъ личныхъ опасеній и надеждъ и кончаетъ свою критику Чичеринъ.

Мы привели въ подробномъ изложеніи эту критику въ виду того, что она представляетъ собою наиболѣе серьезный разборъ „Оправданія Добра“. Правда, самъ авторъ „Оправданія Добра“ съ этою критикою не согласился и въ той же книгѣ „Вопр. Фил. и Псих.“, гдѣ появился критическій этюдъ Чичерина, помѣстилъ свой рѣзкій отвѣтъ, въ которомъ называетъ критику Чичерина мнимою, такъ какъ, по словамъ Соловьева, Чичеринъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ дѣйствительную точку зрѣнія разбираемаго имъ сочиненія, и дѣйствительно слѣдующие выводы изъ нея. Но—долгъ человѣка, пишущаго изслѣдованіе о Соловьевѣ, сказать, что Соловьевъ былъ не совсѣмъ правъ: большинство изъ критическихъ замѣчаній Чичерина имѣли свой смыслъ, и антикритика Соловьева не могла уничтожить значенія этихъ замѣчаній; и Чичеринъ, продолжая полемику ²⁾ въ слѣдующей книгѣ „Вопр. Фил. и Псих.“,

¹⁾ 700 стр.

²⁾ См. въ слѣдующей 40-й книгѣ Вопр. Фил. и Псих.: „Нѣсколько словъ по поводу отвѣта г. С-а“ (стр. 772—9); въ этой книгѣ помѣщенъ и отвѣтъ С-а: „Необходимыя замѣчанія на нѣсколько словъ В. Н. Чичерина“ (779—783).

имѣлъ основаніе сказать по адресу Соловьева, что: „подставляя одно понятіе вмѣсто другого, можно доказывать и опровергать все, что угодно. Но это не болѣе, какъ фокусъ“ („Вопр. Филос. и Псих.“ 1897. V. 776).

Изъ другихъ критическихъ этюдовъ, касающихся „Оправд. Добра“, мы еще можемъ указать на критическую замѣтку проф. Шершеневича: по поводу книги Вл. С. Соловьева: „Оправд. Добра“ (38 кн. Вопр. Фил. и Псих.) и статью профессора Ал. И. Введенскаго: „Двусмысленное Оправданіе“ (см. Сборн. этого автора: „На современныя темы“). Мы приведемъ наиболѣе характерныя мысли изъ указанныхъ двухъ критическихъ этюдовъ.

Проф. Шершеневичъ въ своемъ этюдѣ не входитъ въ разборъ всего труда Соловьева,—онъ касается лишь нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ воззрѣній Соловьева. Такъ Шершеневичъ находитъ, что Соловьевъ слишкомъ легко обошелъ трудности, выдвигаемыя пессимизмомъ. Вопреки Соловьеву, критикъ ¹⁾ находитъ, что кромѣ лицъ, оканчивающихъ свою жизнь самоубійствомъ подъ вліяніемъ страсти и житейскаго унынія, есть еще категорія нессимистовъ, прекращающихъ свою жизнь вслѣдствіе глубокаго убѣжденія въ бессмысленности существованія. Это, по критику, самая опасная группа пессимистовъ, опроверженіе которыхъ представляетъ наибольшія трудности, а между тѣмъ о нихъ совсѣмъ умалчиваетъ Соловьевъ.—Не соглашается критикъ и съ отрицаніемъ Соловьевымъ соціальнаго характера происхожденія нравственныхъ чувствъ. Соловьевъ приводитъ чувство стыда, какъ лучшее доказательство несоціальнаго происхожденія этическихъ нормъ. Но критикъ находитъ этотъ примѣръ совершенно неудачнымъ, такъ какъ человѣкъ стыдится не полового акта, а нескромности посторонняго глаза: половой стыдъ есть опасеніе общественнаго мнѣнія. Далѣе критикъ находитъ невѣрнымъ формулировку Соловьевымъ теорій эвдемонизма и утилитаризма, а также неточнымъ опредѣленіе права, какъ минимума нравственности. Соловьевъ, по критику, дѣлаетъ тотъ промахъ, что не указываетъ, по отношенію къ какой нравственности право является

¹⁾ „Вопросы Филос. и Психол.“ 38-я кн. (1897, III).

минимумомъ, той ли, которая коренится въ понятіяхъ даннаго народа, въ данное время, или же той, которая носится въ субъективномъ представленіи извѣстнаго лица. Если Соловьевъ понимаетъ нравственность въ первомъ смыслѣ, то его опредѣленіе, по критику, потому будетъ неправильно, что право иногда можетъ опережать нравственность,—когда напр. законодатель вступаетъ на путь рѣшительныхъ реформъ, или когда право нѣкоторыми своими частями противорѣчитъ нравственности. Но, продолжаетъ критикъ, если Соловьевъ говорить о нравственности во второмъ смыслѣ, т. е., какъ нравственности извѣстнаго субъекта, то должно признать то, что въ такомъ случаѣ границы права, какъ минимума нравственности, будутъ очень подвижны, а у нѣкоторыхъ субъектовъ могутъ дойти до нуля. Неосповательнымъ находить критикъ и отрицаніе Соловьевымъ экономическихъ законовъ. Соловьевъ отрицаетъ эти законы на томъ основаніи, что они допускаютъ исключеніе, а „истинные“ законы (напр. физическіе) не допускаютъ никакихъ исключеній. Критикъ находитъ, что это основаніе Соловьева является плодомъ недоразумѣнія: такъ называемыя исключенія, или точнѣе ограниченія закона, еще ничего не говорятъ противъ самого закона. Напримѣръ, законъ воспламеняемости фосфора отъ тренія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, а между тѣмъ этотъ законъ не имѣетъ примѣненія, когда спичка подмокнетъ; но изъ того факта, что подмокшая спичка не загорается, еще нельзя отрицать дѣйствія закона воспламеняемости. Точно также и въ отношеніи экономическихъ законовъ, кажущіяся исключенія въ нихъ еще ничего не говорятъ противъ самаго существованія законовъ. Невѣрнымъ признаетъ критикъ и взглядъ Соловьева на социализмъ. Соловьевъ упрекаетъ социализмъ въ томъ, что онъ стоитъ на почвѣ господства матеріальныхъ интересовъ, никакихъ иныхъ интересовъ не признаетъ и нравственное усовершенствованіе общества обусловливаетъ измѣненіемъ строя; критикъ говоритъ, что социалисты по многимъ вопросамъ, напр. по ограниченію рабочаго дня, дѣйствуютъ именно во имя нравственныхъ принциповъ. Последнимъ вопросомъ, противъ котораго возражаетъ критикъ, является вопросъ объ аскетическомъ началѣ

въ нравственности. Критикъ находитъ, что проповѣдь Соловьева о полномъ воздержаніи отъ полового влеченія не можетъ считаться серьезной, такъ какъ и самъ Соловьевъ предлагаетъ ее лишь въ надеждѣ, что не всѣ послѣдуютъ ей. Но, говоритъ критикъ ¹⁾, моралистъ долженъ дать такія правила, соблюденіе которыхъ могло бы быть абсолютнымъ. Если же онъ выдвигаетъ извѣстную норму, и самъ же опасается безусловнаго ея соблюденія со стороны всѣхъ, то такую норму нужно признать лишь относительной, а самого такого проповѣдника, который указываетъ, какъ надо жить, а втихомолку замѣчаетъ: слава Богу, что не всѣ такъ живутъ,—такого проповѣдника нужно, по критику, признать не искреннимъ. Указаніемъ на то, что Соловьевъ не далъ никакого отвѣта на вѣчный вопросъ о смыслѣ жизни, Шершеневичъ и кончаетъ свой критическій этюдъ.

Переходимъ къ критической статьѣ проф. А. И. Введенскаго: „Двусмысленное Оправданіе“. Главная мысль критической статьи Введенскаго высказана въ самомъ ея заглавіи: Соловьевымъ дано не дѣйствительное оправданіе Добра, а двусмысленное. Двусмысленность сочиненія Соловьева состоитъ въ томъ, что онъ, оправдывая нравственное добро путемъ выясненія его религіозныхъ основаній, какъ верховнаго „безусловнаго“ начала, въ то же время признаетъ необходимымъ самую религію, со стороны ея истинности, оправдывать ссылкой на требованія нравственнаго сознанія. Въ связи съ этою первою и коренною двусмысленностью у Соловьева стоитъ другая. Отрѣшивъ нравственность отъ ея безусловнаго начала, Соловьевъ естественно долженъ былъ искать ея оправданія въ ея концѣ, въ ея результатахъ и слѣдствіяхъ, въ „организациіи человѣчества“. Такимъ образомъ, на мѣсто отдѣльной, единично-отвѣтственной личности, Соловьевъ ставитъ въ качествѣ подлиннаго субъекта нравственной жизни—собрательнаго человѣка. И вотъ, именно вслѣдствіе этой замѣны, или, по критику (см. 86 стр. цитированнаго сборника), подмѣны нравственнаго субъекта въ нравственной философіи у Соловьева возникаетъ новая двусмысленность: то къ отдѣльному человѣку имъ предъявляются

¹⁾ Ibid. 474.

требованія, примѣнимыя лишь къ человѣку собирательному, то наоборотъ, къ этому послѣднему требованію, имѣющія смыслъ лишь въ примѣненіи къ жизни единичной. „Но, замѣчаетъ критикъ ¹⁾, субъекты морали личной и морали общественной совершенно различны: субъектъ первой морали есть реальное единичное существо, а субъектъ второй морали—фикція, отвлеченное понятіе о совокупности такихъ единичныхъ существъ. Вслѣдствіе этого, не только обязательное въ сферѣ общественной морали не можетъ быть переносимо на мораль личную, но и наоборотъ, требованія морали личной не всегда можно возводить въ норму жизни собирательной. Далѣе критикъ принципиальнымъ недостаткомъ всего сочиненія Соловьева считаетъ смѣшеніе имъ Божьяго и кесарева, и, какъ результатъ этого смѣшенія, неосновательныя хилиастическія мечтанія о земномъ „небесномъ царствіи“. Критикъ справедливо указываетъ на то, что православное христіанство строго различаетъ Божіе и кесарево; оно указываетъ человѣку, какъ его вѣчный идеаль, жизнь по Богу и духу—достиженіе Царствія Божія; христіанство знаетъ, что доколѣ продолжатся условія нашего земного существованія, до тѣхъ поръ, пока люди будутъ продолжать служить грѣху, себялюбію и страстямъ, имъ всегда будутъ необходимы внѣшнія ограниченія (суды, войны, наказанія и т. д.), и потому оно предоставляетъ человѣку въ этой, его собственной, сферѣ ходить и устроиться путями своими. Соловьевъ считаетъ такой взглядъ православнаго христіанства въ одномъ случаѣ правильнымъ, въ другомъ его отвергаетъ; именно, въ вопросѣ о войнѣ Соловьевъ, по критику, вполне стоитъ на точкѣ зрѣнія христіанства: онъ считаетъ, при данныхъ условіяхъ существованія, войну и войско необходимыми, какъ средства защиты. Но въ другомъ вопросѣ, тождественномъ по существу съ вопросомъ о войнѣ, именно, въ вопросѣ о наказуемости преступниковъ, Соловьевъ считаетъ христіанскую точку зрѣнія совершенно непримѣнимою и изрекаетъ суровый приговоръ надъ государствами, допускающими уголовныя наказанія преступниковъ, считаетъ уголовныя наказанія не только возмущающими нравственное

¹⁾ Сборникъ проф. Алексѣя Введенскаго. „На современныя темы“, 88 стр.

чувство, но даже незаконными съ юридической точки зрѣнія. Критикъ совершенно справедливо указываетъ, что Соловьевъ въ вопросѣ объ уголовномъ наказаніи становится въ противорѣчіе съ своими же взглядами, высказанными по вопросу о войнѣ. Подводя общій итогъ своимъ взглядамъ на „Оправд. Добра“, критикъ говоритъ ¹⁾, что Соловьевъ въ своемъ сочиненіи некритически смѣшиваетъ идеаль и дѣйствительность, нравственную обязанность и юридическое право. Для оправданія добра, т. е., для утвержденія въ сознаніи человечества мысли о внутренней высотѣ и обязательности нравственнаго идеала, Соловьевъ требуетъ идеальной дѣйствительности, но это требованіе, очевидно, невыполнимое, потому что оно самопротиворѣчивое; и если бы это былъ единственный путь оправданія добра, то пришлось бы придти къ печальному выводу, что добро оправдано быть не можетъ. Ошибка Соловьева, по критику ²⁾, въ томъ, что онъ, проповѣдая нравственный идеаль, стремясь къ возвышенію и просвѣтлѣнію нравственнаго сознанія человечества, въ то же время посягаетъ на тѣ устои, которыми нормируется внѣшняя организація человечества.

Указывая въ концѣ своего критическаго этюда на ожидаемое Соловьевымъ возстановленіе пророческаго служенія и на то великое значеніе, которое Соловьевъ придавалъ пророческому институту въ будущей всемірной организаціи человечества, проф. Введенскій, въ противовѣсъ данной Соловьевымъ характеристикѣ будущихъ пророковъ, приводитъ характеристику нѣкоторыхъ пророковъ изъ книги пророка Іереміи ³⁾: „и сказалъ мнѣ Господь: пророки пророчествуютъ ложное именемъ Моимъ, Я не посылалъ ихъ и не давалъ имъ повелѣнія, и не говорилъ имъ, они возвѣщаютъ вамъ видѣнія ложныя, и гаданія, и пустое, и мечты сердца своего. Посему такъ говоритъ Господь о пророкахъ: они пророчествуютъ именемъ Моимъ, а Я не посылалъ ихъ... Я не посылалъ пророковъ, а они сами побѣжали, Я не говорилъ имъ, а они пророчествовали“.—Этою ссылкою на пророка Іеремію критикъ и кончаетъ свой этюдъ.

¹⁾ Ibid. 96 стр.

²⁾ Ibid. 97 стр.

³⁾ 98 стр.

Намъ нѣтъ нужды указывать, кого критикъ разумѣетъ подъ именемъ ложныхъ пророковъ.

До сихъ поръ мы приводили лишь критическіе разборы моральныхъ воззрѣній Соловьева, выразившихся въ его „Оправданіи Добра“. Теперь переходимъ къ разбору критикой его гносеологическихъ воззрѣній. Свои гносеологическія воззрѣнія, какъ мы видѣли, Соловьевъ не успѣлъ привести въ систему. Но и тѣ отдѣльныя статьи по гносеологіи, которыя онъ выпустилъ въ послѣдніе годы своей жизни, вызвали противъ себя критическія замѣтки. Наиболѣе характерною и важною изъ такихъ замѣтокъ мы считаемъ статью проф. Лопатина: „Вопросъ о реальномъ единствѣ сознанія“ (49—50 кн. „Вопр. Фил. и Псих.“). Проф. Лопатинъ—старый другъ Соловьева и къ тому же великій почитатель его; однако и онъ счелъ нужнымъ рѣшительно высказаться противъ гносеологическихъ взглядовъ Соловьева, проводимыхъ имъ въ послѣднихъ 3-хъ статьяхъ по гносеологіи. Лопатинъ находитъ, что въ этихъ статьяхъ Соловьевъ сталъ на путь феноменизма, и, такимъ образомъ, очутился въ противорѣчій съ своими прежними воззрѣніями, совершенно противоположными феноменизму. Соловьевъ въ своихъ послѣднихъ гносеологическихъ статьяхъ рѣшительно отрицаетъ, чтобъ существованіе нашего субстанціональнаго „Я“ сознавалось непосредственно. На этомъ основаніи Соловьевъ порицаетъ Декарта и признаетъ поспѣшнымъ его выводъ о существованіи субстанціи на основаніи простого акта нашего самосознанія. Самосознаніе нашего „Я“ Соловьевъ считаетъ истинною не превичною, а производною; коренною же истинною, ни отъ чего независящею, Соловьевъ считаетъ лишь наличность фактовъ сознанія“. Но, возражаетъ критикъ, безспорность фактовъ наличнаго сознанія никакъ нельзя признать критеріемъ познанія: въ психологической области болѣе, чѣмъ въ какихъ либо другихъ областяхъ знанія,—оказывается спорныхъ наличныхъ фактовъ. Такъ, напр., философы досихъ поръ спорятъ относительно общихъ понятій и абстрактныхъ идей: реально ли ихъ содержаніе, или же это только абстракціи, а

между тѣмъ, присутствіе въ нашемъ умѣ общихъ понятій и абстрактныхъ идей есть наличный фактъ нашего внутренняго опыта; слѣдовательно, наличность фактовъ сознанія не можетъ считаться безспорною истиною. Итакъ, критерій Соловьева оказывается, по критику, явно непригоднымъ даже при простомъ установленіи наличности тѣхъ или иныхъ фактовъ въ нашемъ сознаніи. Тѣмъ болѣе, по критику, нужно признавать его неумѣстнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ уже не о присутствіи фактовъ въ нашемъ субъективномъ сознаніи и самочувствіи, а объ ихъ объективномъ и метафизическомъ значеніи. Если свидѣтельства нашего внутренняго опыта отвлеченно допускаютъ разныя толкованія и точки зрѣнія, то ихъ, очевидно, нельзя сразу и безъ дальнѣйшихъ разсужденій возводить въ достоинство общеобязательныхъ истинъ теоретической философіи, какъ науки, а нужно сначала подвергнуть ихъ всестороннему критическому анализу. И критикъ находитъ эту ошибку Соловьева (что онъ принимаетъ за безспорное то, что спорно) тѣмъ болѣе характерною, что Соловьевъ самъ за эту ошибку упрекаетъ Декарта. Но критикъ основательно защищаетъ Декарта отъ упрековъ Соловьева. У Декарта, какъ и другихъ спиритуалистовъ, субстанціональность и нематеріальность сознающаго духа есть истина выводная, а не аксіоматическая. Декартъ не считаетъ ее сразу очевидною и не нуждающеюся въ обоснованіи, и только послѣ долгаго процесса логическихъ умозаключеній онъ выводитъ эту истину, доказываетъ ее. Между тѣмъ Соловьевъ, голословно упрекая Декарта, самъ, по критику, въ дѣйствительности совершаетъ такую же ошибку: принимаетъ спорное за безспорное.

Указывая далѣе на то, что проводимыя Соловьевымъ въ его послѣднихъ статьяхъ гносеологическія воззрѣнія сводятся къ чистому феноменизму, и остроумно защищая противъ феноменизма спиритуалистическій взглядъ на душевную жизнь, критикъ задается вопросомъ: чѣмъ же объяснить такія колебанія и такую шаткость въ заключеніяхъ у мыслителя, столь извѣстнаго опредѣленностью и твердостью своихъ убѣжденій? Критикъ находитъ ¹⁾ источникъ этихъ колебаній въ томъ.

¹⁾ См. „Вопр. Фил. и Психол., 50-я кн. (1899, V), 877 стр.

предвзятомъ взглядѣ, который въ послѣдній періодъ своей дѣятельности усвоилъ себѣ Соловьевъ на субстанціальное бытіе. Соловьевъ, въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ, выступаетъ самымъ рѣшительнымъ сторонникомъ чисто трансцендентнаго пониманія субстанціальной дѣйствительности. Соловьевъ категорически настаиваетъ на томъ, что нашъ сознаваемый субъектъ есть только феноменъ; реальное же и субстанціальное бытіе имѣетъ только то, что обладаетъ силою абсолютнаго творчества. Критикъ соглашается съ тѣмъ, что при окончательномъ объясненіи вещей, мы съ неизбежностью останавливаемся на мысли о первоначальной творческой мощи, отъ которой зависятъ и законы, и свойства, и состоянія всякой данной дѣйствительности. Но, добавляетъ критикъ, весьма позволительно сомнѣваться, чтобы эта сила абсолютнаго творчества принадлежала внутреннему „Я“ каждаго изъ насъ въ отдѣльности, чтобы весь міръ представлялъ изъ себя безконечную сумму маленькихъ боговъ. Гораздо естественнѣе предположить, что эта первоначальная творческая сила—одна. А въ такомъ случаѣ, дѣлаетъ выводъ критикъ, если мы всетаки приписываемъ себѣ, какъ данной индивидуальности, бытіе субстанціальное (что и дѣлаетъ Соловьевъ), то мы должны будемъ видѣть субстанціального носителя нашей внутренней жизни не гдѣ-то внѣ ея, а въ ея собственномъ, сознаваемомъ реальномъ субъектѣ, т. е. въ нашей душѣ. Критикъ находитъ, что только при такомъ взглядѣ мы можемъ составить себѣ содержательную идею о нашемъ индивидуальномъ „Я“, какъ существѣ конечномъ. Напротивъ, взглядъ, проводимый Соловьевымъ, какъ устанавливающій непроходимую пропасть между субстанціями и ея проявленіями и какъ допускающій то положеніе, что въ наше непосредственное сознаніе попадаетъ дѣйствительность только феноменальная,—такой взглядъ не даетъ надежды уму отыскать вѣрные и твердые пути къ истинѣ о существующемъ въ немъ самомъ. Теорія трансцендентныхъ сущностей, говоритъ критикъ ¹⁾, во всѣ времена доставляла превосходный матеріалъ для скептическаго отрицанія во всѣхъ его видахъ, во ни одному еще философу не удавалось, исходя

¹⁾ Ibid. 880 стр.

изъ нея, логически построить міросозерцаніе законченное, цѣльное и положительное. Принимая во вниманіе эту историческую справку, критикъ находитъ, что Соловьевъ слишкомъ много уступилъ принципіальнымъ противникамъ своихъ задушевныхъ убѣжденій. При такихъ уступкахъ, по критику, чрезвычайно трудно дать послѣдовательное и свободное отъ противорѣчій оправданіе для того глубокаго и оригинальнаго міровоззрѣнія, которое Соловьевъ проповѣдывалъ всю свою жизнь. Этимъ замѣчаніемъ проф. Лопатинъ и кончаетъ свою критическую статью.

IX.

Посмертная критическая литература о Соловьевѣ. Критическіе этюды: князя С. Трубецкого, проф. Лопатина, проф. Алексѣя Введенскаго, И. Сперанскаго, Э. Радлова, Спасовича, проф. Александра Введенскаго и В. Величко.

Мы обозрѣли наиболѣе характерныя произведенія изъ критической литературы о Соловьевѣ, появившіяся еще при жизни его. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть наиболѣе важное и характерное изъ посмертной литературы о немъ. Мы уже говорили, во введеніи къ нашему труду, что безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что ни объ одномъ изъ русскихъ мыслителей послѣдняго времени не писали такъ много, какъ о Соловьевѣ, никого не разбирали съ такихъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, какъ его. Всего прошло два года со смерти Соловьева, а уже критическая литература о немъ достигла внушительныхъ размѣровъ. Мы приведемъ лишь наиболѣе характерныя изъ посмертныхъ отзывовъ о Соловьевѣ.

Наиболѣе характерными и важными для выясненія философской фізіономіи Соловьева мы считаемъ, прежде всего, тѣ отзывы, которые были даны членами Московскаго Психолог. Общества. Извѣстно, что Соловьевъ въ послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни вращался болѣе всего среди членовъ этого общества; онъ былъ сперва дѣйствительнымъ, а потомъ и почетнымъ членомъ его, въ органахъ этого Общества онъ помещалъ свои философскія статьи и среди членовъ его онъ имѣлъ ближайшихъ друзей. И потому-то оцѣнка философской дѣятельности Соловьева—членами Психолог. Общества

лично знавшими его, имѣвшими возможность судить о немъ не только по его произведеніямъ, но и по личнымъ впечатлѣніямъ отъ его богато-одаренной натуры, имѣетъ, повторяемъ, особенное значеніе для выясненія философскаго міровоззрѣнія Соловьева. Мы остановимся, прежде всего, на отзывѣ приватъ-доцента Моск. Ун—а кн. С. Трубецкаго, именно на его некрологѣ Соловьева. Некрологъ этотъ ¹⁾ писанъ въ августѣ 1900 года, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Соловьева, писанъ Трубецкимъ, какъ очевидцемъ самой смерти покойнаго мыслителя, такъ какъ Соловьевъ и умеръ въ имѣніи брата кн. Трубецкаго. По своему отношенію къ личности Соловьева, некрологъ Трубецкаго представляетъ собою панегирикъ почившему мыслителю. „Это былъ, пишетъ Трубецкой, истинно великій русскій человѣкъ, гениальная личность и гениальный мыслитель, непризнанный и не понятый въ свое время, не смотря на всеобщую извѣстность и на относительный, иногда блестящій успѣхъ, которымъ онъ пользовался. Горько подумать, говоритъ Трубецкой, сколько непониманія встрѣчалъ Соловьевъ при жизни, не смотря на всю ослѣпительную ясность, на художественное мастерство своего слова. Всѣхъ привлекали лишь отдѣльныя стороны его таланта, его дѣятельности, его ученія. Одни цѣнили въ немъ публициста, другіе критика, третьи философа. Но всѣмъ, или почти всѣмъ, было чуждо его ученіе въ томъ, что для него было всего дороже, т. е., въ своей полнотѣ и цѣльности, въ своемъ основаніи. Оцѣнивая общее значеніе Соловьева, какъ философа, Трубецкой говоритъ, что въ новѣйшей исторіи философской мысли нельзя найти другого синтеза, болѣе широкаго, чѣмъ тотъ, который былъ задуманъ Соловьевымъ съ такою глубиной, такъ ясно, стройно и смѣло; трудно найти и другое философское ученіе, которое, признавая въ полной мѣрѣ результаты современнаго знанія и его строгіе методы, сочетало бы съ нимъ умозрѣніе, столь возвышенное, широкое и смѣлое, столь враждебное всякому догматизму, и вмѣстѣ, столь непосредственно пропитанное положительными религіозными началами. Ученіе Соловьева, ученіе положительнаго Всеединства, по убѣжденію Трубецкаго, не было эклекти-

¹⁾ Помѣщенъ въ Вѣстникѣ Европы (1900 г., сентябрь).

ческой системой, собранной и составленной искусственно изъ разнородныхъ частей. То былъ, говоритъ Трубецкой, живой органической синтезъ, изумительный по своей творческой оригинальности и стройности, парадоксальный по самой широтѣ замысла, и проникнутый глубокой, истинной поэзіей. Вся философская дѣятельность Соловьева состояла въ добросовѣстномъ усилии „прийти въ разумъ истины“ и показать положительное конкретное всеединство этой истины, которая не исключаетъ изъ себя ничего, кромѣ отвлеченнаго утвержденія отдѣльныхъ частныхъ началъ и эгоистическаго самоутвержденія единичной воли. Общественный идеалъ Соловьева былъ, по Трубецкому, религіознымъ идеаломъ Царства Божія, реально осуществляющагося въ государственно-организованномъ человѣческомъ обществѣ; этому идеалу Соловьевъ и служилъ съ безавѣтной вѣрностью, отдавая ему все свои силы, посвящая всю свою дѣятельность.

Переходя далѣе къ характеристикѣ личной религіозности Соловьева, Трубецкой говоритъ, что религіозность Соловьева была такъ же широка, какъ его міросозерцаніе, и въ ней лежали самые глубокіе корни этого міросозерцанія. То была религіозность простая и цѣльная, проникавшая все его существо, непосредственная и живая, привлекавшая къ нему сердца простыхъ людей, и вмѣстѣ отчуждавшая отъ него многихъ своей глубиной, своей напряженной силой и своею широтой. Большинство общества не могло понять, какъ могъ мириться его мистицизмъ съ такимъ широкимъ, свѣтлымъ умомъ, съ такою могучею діалектической силою, съ такимъ универсальнымъ образованіемъ; этотъ ученый мыслитель, знакомый со всеми выводами новѣйшаго естествознанія, убѣжденный эволюціонистъ, наконецъ философъ, владѣющій всеми приѣмами филологической критики, вѣрилъ въ реальный міръ духовъ, въ который вѣритъ первобытный дикарь. И эта глубокая вѣра, чуждая всякаго суевѣрнаго страха, не была въ Соловьевѣ простою причудою, а входила въ плоть и кровь его міросозерцанія, составляла его личную особенность, и онъ высказывалъ ее при всякомъ случаѣ. Но вѣра Соловьева была не только разумна, не только составляла органическую часть его лич-

ности, но и отличалась замѣчательною широтою, универсальностью; онъ былъ, по словамъ Трубецкого, истинный универсальный христіанинъ; и то соединеніе Церквей, которое онъ проповѣдывалъ въ прежніе годы, было въ душѣ его не только идеею, а живымъ, совершившимся фактомъ; онъ раздѣлялъ съ протестанствомъ любовь къ свободному изслѣдованію истины, глубокую, личную религіозность, враждебную всякой мертвенной обрядности и догматизму, личное отношеніе ко Христу, духовное служеніе въ свѣтскомъ званіи. Съ католичествомъ же Соловьевъ раздѣлялъ убѣжденіе въ необходимости строгой организаціи Церкви, ея единства и внутренней независимости. Но, наконецъ, Соловьевъ, жизненно усвоившій религіозные идеалы западныхъ исповѣданій, жилъ и умеръ искреннимъ и убѣжденнымъ сыномъ Православной Церкви, въ которой онъ видѣлъ „Богомъ положенное основаніе“. Онъ питалъ благоговѣйную любовь къ святынямъ Церкви, къ ея таинствамъ, иконамъ, молитвамъ, богослуженію (по личному выраженію Соловьева, „ангелами преподавшему“). И вѣра его была сознательна и философски продумана, органически связана со всѣмъ его міросозерцаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ она была живою и непосредственною. Онъ ее свидѣтельствовалъ и своими богословскими трудами и своимъ пламеннымъ словомъ противъ пороковъ нашего церковнаго строя, и всею своею жизнью, и самой смертью, истинно христіанскою. Дѣлая общее заключеніе о личности Соловьева, Трубецкой говоритъ: то была цѣльная и свѣтлая жизнь, не смотря на всѣ пережитыя бури, жизнь подвижника, побѣдившаго темныя, жизненныя силы, бывшія въ его груди. Не легко далась она ему: „трудна работа Господня“, говорилъ онъ на смертномъ одрѣ. Но въ этой трудной работѣ онъ не изнемогъ духомъ, сохранилъ чистое сердце и душевную бодрость, тотъ высшій, чуждый унынія источникъ веселія и радости, въ которомъ онъ самъ видѣлъ подлинный признакъ и преимущество истиннаго христіанства.

Кромѣ некролога, Трубецкой далъ оцѣнку философской дѣятельности Соловьева еще въ рѣчи, произнесенной въ Москов. Психол. Обществѣ 2 февраля 1901 года, на засѣданіи, посвященномъ памяти Соловьева. Главная мысль этой

рѣчи, помѣщенной потомъ въ Вопр. Фил. и Псих. подъ заглавіемъ „Основное начало ученія Соловьева“, та, что вся философія Соловьева проникнута религіознымъ началомъ. Грубецкой находитъ, что основная идея Соловьева, проникающая его метафизику, этику, эстетику и даже публицистику, есть религіозная христіанская идея. То, чѣмъ была для Спинозы его абсолютная субстанція, для Фихте—его абсолютное „Я“, для Шопенгауэра—міровая воля, тѣмъ было для Соловьева жизненное начало христіанства. Философская дѣятельность представлялась Соловьеву религіознымъ служеніемъ и его личное призваніе—религіозной миссіей, дѣломъ Господнимъ. Но здѣсь, говоритъ ¹⁾ критикъ, естественно является вопросъ: оригинальна ли такая философія? Не есть ли простая попытка воскресить средневѣковую схоластику, или эклектической платонизмъ раннихъ христіанскихъ писателей? Не обращается ли здѣсь философія въ служанку богословія? Нѣтъ, отвѣчаетъ критикъ, и въ этомъ-то все дѣло, что нѣтъ. У Соловьева философія не подчиняется религіи внѣшнимъ образомъ: она сама собою интимно совпадаетъ съ нею, поскольку цѣль ея—познаніе сущей всеединой истины—достигается лишь въ соединеніи человѣческаго духа съ этой истиной. Философія въ самомъ стремленіи своемъ предлагаетъ возможность такого соединенія. А безусловная дѣйствительность такого соединенія человѣческаго съ сверхчеловѣческимъ или абсолютнымъ составляетъ сущность христіанства. По Соловьеву, смыслъ міра, живой разумъ его, заключается въ Богѣ, его источникъ и виновникъ, а цѣль міра въ томъ, чтобы изъ „другого“ стать черезъ человѣка другомъ Божиимъ, соединиться съ Нимъ въ любви, воплотить Его въ себѣ, стать Его царствомъ. Міровой процессъ не кончается созданіемъ человѣка, но въ самомъ человѣкѣ открывается возможность безконечнаго совершенствованія или прогресса: человѣкъ долженъ стать сверхчеловѣкомъ или богочеловѣкомъ и окончательно соединиться съ Богомъ. Въ соединеніи съ Богомъ человѣкъ долженъ осуществить въ мірѣ полноту истины, добра и красоты. И въ этомъ, по Соловьеву, спасеніе и жизнь человѣчества, исцѣленіе и спасеніе

¹⁾ Вопросы филос. и Псих. 56 кв. (1901, I), стр. 99 и слѣд.

міра. Соединеніе же съ Богомъ человѣкъ достигаетъ въ христіанствѣ; къ христіанству же приходитъ и разумъ человѣческій въ своемъ исканіи истины. Но если, по Соловьеву, разумъ и приходитъ къ христіанству, такъ это не потому, чтобы онъ руководился отдѣльными его догматами, а потому, что жизненный смыслъ философіи состоитъ во внутреннемъ соединеніи человѣческаго разума съ сверхчеловѣческою всеединою истиною, или съ Абсолютнымъ Сущимъ, точно такъ же, какъ жизненный смыслъ христіанства состоитъ въ соединеніи человѣка съ Богомъ. Итакъ, по критику, Соловьевъ признаетъ самостоятельность разума въ изслѣдованіи истины, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣлъ убѣжденіе, что всякій честный и праведный разумъ, и самостоятельно идущій, никуда не придетъ, какъ только къ христіанству. И критикъ находитъ, что Соловьевъ это убѣжденіе оправдалъ на дѣлѣ, требуя для начала теоретической философіи самаго полного отреченія отъ догматическихъ предположеній богословія и метафизики, полнѣйшаго философскаго скепсиса, для котораго достовѣрны только наличность сознанія, общая логическая форма мышленія и философскій замыселъ познать истину.

Анализируя далѣе религіозныя начала философіи Соловьева и рассматривая пріемъ философскихъ изслѣдованій его, критикъ находитъ, что мысль Соловьева не подгоняется внѣшнимъ образомъ подъ богословскія нормы ¹⁾ и признается отъ начала независимою отъ этихъ послѣднихъ; и тѣмъ не менѣе, религіозная идея связывается у Соловьева самымъ интимнымъ, тѣснымъ образомъ съ идеею Добра всесильнаго и безусловнаго. Добро оправдывается изъ себя самого, не теряя своей чистоты, полноты и силы. Оно изображается въ своей универсальности и безусловности, и въ то же время въ своемъ воплощеніи въ человѣкѣ. Переходя далѣе къ выясненію эстетическихъ воззрѣній Соловьева, критикъ находитъ, что идея богочеловѣчества, боговоплощенія, составляющая движущую силу теоретической нравственной философіи Соловьева, проникаетъ съ непосредственностью и полнотою и этику его. Что же касается публицистики Соловьева, то критикъ находитъ,

¹⁾ См. Вопр. Фил. и Псих. 1901 г. 1-ая кн. 105. стр. и сл.

что она у Соловьева тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ нравственной философіи—является прикладною этикою. Высшимъ и единственнымъ принципомъ публицистики Соловьева является христіанская политика, высшею цѣлью которой является царство Божіе на землѣ. Отсюда, по критику, Соловьевъ видѣлъ задачу христіанства—въ оправданіи своей вѣры посредствомъ реального осуществленія—воплощенія правды и добра. Все то, что служитъ такому воплощенію, все это по Соловьеву служитъ дѣлу Божью; все, что противится воплощенію добра и правды, то противится христіанству, хотя бы прикрывалось его знаменемъ. Оправдать христіанство въ его универсальности въ исторіи человѣчества, въ консервативныхъ устояхъ его государственной жизни и права, въ свободномъ прогрессѣ его общественныхъ силъ,—оправдать его въ добрѣ и правдѣ, какъ онъ оправдывалъ его въ истинѣ и красотѣ, вотъ задача, которую, по критику ¹⁾, ставилъ себѣ Соловьевъ въ своемъ нравственно-общественномъ ученіи. Служить обществу посредствомъ обличенія его грѣховъ и болѣзней, обличенія его самомнѣнія, заблужденія и неправды, и посредствомъ раскрытія его положительныхъ христіанскихъ задачъ—вотъ цѣль, которую, по критику, ставилъ себѣ Соловьевъ, какъ публицистъ и общественный дѣятель,—цѣль, въ которой совпадаютъ его просвѣщенная глубокая вѣра и его пламенный патриотизмъ.—Кончая свой разборъ философіи Соловьева, и давая заключительную характеристику его личности, Трубецкой говоритъ ²⁾, что служеніе Соловьева болѣе всего подходитъ къ пророческому служенію, а самъ онъ болѣе всего подходитъ къ идеалу пророка, въ томъ смыслѣ, какъ онъ самъ понималъ этотъ идеалъ,—т. е., какъ общественнаго дѣятеля, безстрашнаго, внутренне несвязаннаго никакою внѣшностью, свободнаго въ полнотѣ своей вѣры, и въ послѣднемъ основаніи не знавшаго другого мѣрила сужденій и дѣйствій, кромѣ доброй воли и чистой совѣсти“.

Переходимъ теперь къ оцѣнкѣ философскихъ произведеній Соловьева другимъ близкимъ къ почившему мыслителю, человекомъ,—проф. Лопатинымъ. Лопатинъ по нѣкоторымъ пунктамъ

¹⁾ Ibid. 107.

²⁾ Ibid. 111 стр.

своего философскаго міросозерцанія можетъ считаться прямымъ послѣдователемъ Соловьева, и потому оцѣнка имъ философскихъ воззрѣній Соловьева представляетъ особый интересъ и значеніе. Лопатинъ самаго высокаго мнѣнія о Соловьевѣ; онъ находитъ ¹⁾, что за послѣдніе 25 лѣтъ Соловьевъ былъ самымъ оригинальнымъ философомъ во всей Европѣ. Великое его значеніе для русской мысли въ томъ, что онъ создалъ свою собственную независимую систему философіи. Это случилось въ Россіи въ первый разъ, и въ томъ-то его особенная заслуга. Русская философская мысль, съ тѣхъ поръ какъ возникли ея первые проблески въ XVIII вѣкѣ, въ продолженіе всего долгаго періода, до самаго послѣдняго времени, влачила жалкое существованіе; ея главнымъ недостаткомъ было отсутствіе оригинальности,—русскіе философы были только послѣдователями Западно-европейской философіи, простыми докладчиками ея результатовъ. Соловьевъ первый началъ писать не о чужихъ мнѣніяхъ по вопросамъ философіи, а о самихъ этихъ вопросахъ и сталъ ихъ рѣшать по существу, независимо отъ всякихъ чужихъ мнѣній и воззрѣній; чрезъ это онъ сдѣлался первымъ представителемъ уже не отраженной, иностранной, а настоящей русской философской мысли. Соловьевъ и былъ первымъ русскимъ дѣйствительно—самобытнымъ философомъ, подобно тому, какъ Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ. И философская система Соловьева была, по критику, не хуже и не ниже самыхъ глубокомысленныхъ нѣмецкихъ системъ, какія создавались въ лучшее время нѣмецкаго умозрительнаго творчества. Критикъ находитъ, что, благодаря своему, болѣе позднему, появленію, философская система Соловьева была зрѣлѣе и шире по замыслу, чѣмъ построенія его предшественниковъ. Соловьевъ уже считался совсѣмъ промежуточнымъ процессомъ въ философской научной мысли, отдѣлявшимъ его отъ нихъ; онъ разочаровался во многихъ иллюзіяхъ и несбыточныхъ надеждахъ, которыя обманывали его нѣмецкихъ предшественниковъ; наконецъ, въ своей системѣ онъ съ готовностью далъ мѣсто вновь установлен-

¹⁾ См. Вопросы Философіи и Психологіи, 56 вв. (1901, I) ст. Лопатина: „Философское Міросозерцаніе Соловьева“ 45—91 стр.

нымъ истинамъ науки и вновь выросшимъ запросамъ общественнаго самосознанія, которые для нихъ еще не существовали

Но что же это за система, развитая Соловьевымъ? Критикъ находитъ ¹⁾, что „философское міровоззрѣніе Соловьева трудно подвести подъ какую нибудь общепринятую рубрику и обозначить какимъ либо ходячимъ ярлыкомъ. Соловьевъ несомнѣнный теистъ въ своемъ воззрѣніи на первое начало вещей, и онъ въ то же время пантеистъ въ своихъ идеяхъ о міровомъ процессѣ, какъ становящемся абсолютномъ. Онъ рѣшительный монистъ въ принципиальномъ пониманіи внутренней сути вещей, и онъ столь же явный дуалистъ въ своемъ представленіи о коренныхъ силахъ, движущихъ міровою и человѣческою жизнью. Онъ убѣжденный оптимистъ въ оцѣнкѣ общаго смысла природнаго и человѣческаго существованія, и онъ безспорный пессимистъ въ оцѣнкѣ реальныхъ условій развитія вселенной и человѣчества. Онъ представитель философіи чистой свободы, поскольку всякое бытіе онъ объясняетъ изъ абсолютнаго свободнаго самоопредѣленія Божества, и онъ сторонникъ строгаго детерминизма, поскольку для него весь космическій и историческій процессъ оказывается предопредѣленнымъ въ неизбѣжныхъ отношеніяхъ между собою основныхъ факторовъ дѣйствительности, его вызвавшихъ, и направляющихъ. Соловьевъ мистикъ въ своемъ ученіи объ интуитивномъ характерѣ нашего непосредственнаго познанія Божественной сущности, и онъ рационалистъ въ своемъ пониманіи умозрительныхъ задачъ философскаго построенія; и, наконецъ, онъ эмпирикъ, поскольку для него всякое познаніе предполагаетъ фактическое отношеніе познающаго субъекта къ независимому отъ него познаваемому содержанію, т. е., опытъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Соловьевъ идеалистъ и спиритуалистъ въ своемъ воззрѣніи на внутреннее существо вещей, и въ то же время онъ можетъ быть названъ реалистомъ, потому что для него пространство, время, природная причинность не суть только обманчивые призраки нашего сознанія, а имѣютъ независимую отъ насъ, хотя и относительную дѣйствительность. И критикъ находитъ, что всѣ эти, повидимому, непримиримо про-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих. 1901 г., 1-я вл. 86—87 стр.

тивоположныя точки зрѣнія въ его системѣ не совмѣщаются только внѣшнимъ образомъ, онѣ ясно подразумѣваютъ другъ друга и составляютъ одно нерасторжимое и органическое цѣлое. Онъ не искалъ заранее ихъ объединенія,—оно возникло само собою, какъ естественное слѣдствіе коренныхъ посылокъ его міросозерцанія“.

Указывая далѣе на то, что многіе могутъ сказать, что точка зрѣнія Соловьева совсѣмъ отсталая, и что основы того міровоззрѣнія, которое онъ защищалъ, безповоротно осуждено исторіей, Лопатинъ спрашиваетъ: ¹⁾ но вѣрно ли это, что духовное пониманіе міра, проповѣдуемое и защищаемое Соловьевымъ, уже навсегда осуждено исторіей? Критикъ находитъ, что такое утвержденіе было бы очень поспѣшнымъ и далеко неисторическимъ: дѣло въ томъ, что міросозерцаніе, которое защищалъ Соловьевъ, пережило многія тысячелѣтія, а разорвавшая съ нимъ система новыхъ понятій едва насчитываетъ 100 лѣтъ; слѣдовательно, исторія стоитъ не за новое, а за прежнее міровоззрѣніе. Резюмируя свои взгляды на философскія воззрѣнія Соловьева, Лопатинъ такъ опредѣляетъ значеніе его: „въ эпоху утомленія философской мысли, ея печальнаго невѣрія въ себя, Соловьевъ высоко поднялъ знамя независимой философіи и безтрепетною рукою держалъ его до послѣднихъ дней своей жизни. Въ эпоху, когда сознаніе огромнаго большинства образованныхъ людей, измученное жизненными и теоретическими противорѣчіями, беспомощно рвалось за разными блуждающими огнями, мѣняя одинъ за другимъ неудовлетворявшіе его идеалы, онъ одинъ съ неукротимою энергіею своего бодрого ума звалъ къ настоящему свѣту, но,—заключаетъ критикъ,—немногіе пошли за нимъ“ ²⁾.

Александръ Никольскій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Ib. 89—90 стр.

²⁾ Вопр. Фил. и Псих. 56 кв. 91 стр.

КРИТИКА АЛЬФРЕДА ФУЛЬЕ ПРАВСТВЕННОГО УЧЕНИЯ НИЦШЕ.

(Продолженіе *).

III.

Есть очень старая языческая теорія сверхчеловѣка, который, презирая гражданскіе и моральныя законы, возвращается къ первобытному состоянію для того, чтобы дать возможность проявиться всей энергіи и показать человѣчеству образчикъ высшаго типа людей. Не узнаете ли вы самого Ницше въ словахъ, вложенныхъ Платономъ въ уста Каликлеса: „мы обращаемъ свое вниманіе на самыхъ сильныхъ, самыхъ лучшихъ изъ насъ; мы ихъ укрощаемъ и формируемъ по своему, внушая имъ, что нужно соблюдать право равенства и что въ этомъ состоитъ благо и справедливость. Но по моему, пусть бы явился среди насъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, пусть бы стяхнулъ онъ съ себя всѣ оковы, разорвалъ бы всѣ наши рукописанія, разсѣялъ бы наши предрасудки и иллюзіи, попралъ бы ногами всѣ наши законы, противныя природѣ; пусть поднялся бы онъ выше всѣхъ насъ и изъ нашего раба сдѣлался бы нашимъ владыкой; тогда увидѣли бы, какъ можетъ сіять естественная справедливость. Геркулъ увелъ съ собою быковъ Геріона, „ни у кого не купивши ихъ и не получивши никакого разрѣшенія увести ихъ“. Единственное основаніе его правъ на собственность состояло въ томъ, что онъ былъ Геркулъ. Что, въ сущности, дѣлаетъ законъ, царящій надъ смертными и бессмертными? „Онъ приноситъ съ собой насиліе могущественныхъ и узаконяетъ его“. Слушая Каликлеса, Сократъ радовался тому, что нашемъ противника.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1902 г. № 22.

съ такой чистосердечной прямою. „Если бы моя душа, говоритъ Сократъ, была изъ золота, то не сталъ ли бы я сильно радоваться, нашедши хорошій камень, которымъ можно было бы вырѣзать инициалы“? Такимъ камнемъ для современной души (про которую, впрочемъ, далеко нельзя сказать, чтобы она была въ золотѣ), и служить Ницше съ подобными ему.

Основаніе понятію о сверхчеловѣкѣ положили Шлегель и Тьекъ (Tiesk), проповѣдники верховенства лучшаго индивидуума—подобія абсолютнаго. Абсолютное—само для себя законъ. Оно—самодовольно, самодостаточно, ему неизвѣстны трудъ и усилія. „Не потому ли боги и называются богами, говоритъ авторъ Луцинды, что они живутъ въ истинномъ бездѣйствіи? Посмотрите, какъ святые и поэты стараются подражать имъ въ этомъ, какъ они стремятся къ одиночеству, бездѣйствію, беззаботности; и они правы; все, что можно назвать добрымъ и благимъ, не существуетъ ли помимо насъ и не поддерживается ли своими собственными силами? Для чего эти непрерывныя усилія, эти порывы впередъ безъ отдыха и цѣли. Безпокойная дѣятельность, дѣятельность безъ конца можетъ ли хотя самымъ малымъ образомъ содѣйствовать развитію безконечнаго дерева (plante) человѣчества, которое растетъ и образуется само изъ себя. Трудъ, исканіе полезнаго—все это ангелы смерти съ пламенными мечами, заграждающіе человѣку входъ въ рай. Дерево есть самая красивая и самая моральная изъ всѣхъ формъ природы, поэтому и истинной божественной жизнью можно назвать только „чистое прозябаніе“. Для меня было бы совершенно достаточно радости отъ сознанія собственнаго существованія и я охотно поднялся бы выше всякихъ цѣлей жизни, потому что всѣ онѣ ограниченны и, слѣдовательно, презрѣнны. Это ограниченное и презрѣнное есть нравственность, понимаемая въ обычномъ смыслѣ. „Нравы, приличія, законы, уставовленный культъ,—словомъ—всѣ предметы почитанія суть только формы безъ содержанія, переходныя ступени безконечнаго „я“, недостойныя вниманія образованнаго человѣка“. Если мудрецъ и слѣдуетъ имъ, то онъ внутренно смѣется надъ ними; онъ не настолько глупъ, чтобы признавать абсолютное значеніе законовъ, созданныхъ его же умомъ, который можетъ ошибаться. Сказанное о философѣ Шлегель

относить и къ художнику, артисту. Геніальность освобождаетъ человѣка отъ всякаго подчиненія и всѣхъ предрасудковъ; истинная добродѣтель есть форма генія; только генія можно назвать по истинѣ свободнымъ, „потому что онъ устанавливаетъ все самъ“, и не признаетъ никакого закона кромѣ своего собственнаго. „Стоя выше моральной грамматики, онъ можетъ позволить себѣ всѣ виды нарушеній правилъ этой грамматики; для обыкновеннаго человѣка нѣтъ ничего выше труда, для генія—ничего выше наслажденія (jouissance). Фантазія, творческое воображеніе, юморъ—все это одно и то же и въ этомъ—все (et cette chose est tout)“. Ницше добавилъ еще „смѣхъ“, „добрый смѣхъ“ и не только позволилъ всѣ нарушенія моральной грамматики, но уничтожилъ и самую грамматику. „Геній“ романтиковъ переходитъ въ „сверхчеловѣка“ Гете и Ницше. „Какой жалкій ужасъ“—говоритъ Мефистофель Фаусту —„исходитъ отъ сверхчеловѣка, какимъ ты являешься“. Ницше не хочетъ знать этого ужаса. Онъ только заимствуетъ у Гете имя и предметъ.

Точно также сверхчеловѣка мы находимъ у Шопенгауера. Счастливая жизнь невозможна; „все то хорошее, чего можетъ достигнуть въ жизни человѣкъ, заключается въ „героическомъ существованіи“. Это такое существованіе, въ которомъ, отдавши себя охотно такому дѣлу, отъ котораго можетъ исходить нѣчто доброе для общества, и преодоливши многочисленныя трудности, человѣкъ остается побѣдителемъ, но наградой ему служить или малость или ничто. Тогда въ концѣ концовъ человѣкъ остается окаменѣлымъ, какъ принцъ изъ „Re cogno“ Gozzi, но въ благородной позѣ и съ жестомъ полнымъ величія. О немъ долго сохраняется воспоминаніе, его прославляютъ какъ героя; его униженная воля, его суровая жизнь съ испытаніями, трудомъ, неудачами и людскою неблагодарностью находятъ свое успокоеніе въ Нирванѣ (Brandes, Menschen und Werke, 1895, стр. 139). Герой Шопенгауера, сильно напоминающій героя Гегеля, еще не имѣетъ абсолютнаго индивидуализма, какъ сверхчеловѣкъ у Ницше, но у него есть уже надменное честолюбіе и трагическій жестъ этого послѣдняго. Наконецъ Заратустра возвѣщаетъ всѣмъ о пришествіи истиннаго сына человѣческаго. „Я возвѣщаю вамъ о сверхчеловѣкѣ. Человѣкъ

есть существо, которое вы должны превзойти; что же вы сдѣлали для возвышенія надъ человѣкомъ? Всѣ существа до сихъ поръ создали нѣчто высшее, нежели они сами, а вы хотѣли бы быть отливомъ въ этомъ огромномъ приливѣ и возвратиться къ животному состоянію, вмѣсто того, чтобы превзойти человека. Что такое обезьяна для человѣка? Предметъ насмѣшки, стыда и страданія. То же самое человекъ для Сверхчеловѣка: предметъ насмѣшки, стыда и страданія. Вы прошли путь отъ червя къ человеку, но въ васъ еще много того, что есть въ земномъ червякѣ. Вы когда-то были обезьянами и теперь человекъ похожъ на обезьяну болѣе любой изъ обезьянъ. Сверхчеловекъ есть смыслъ земли! Ваша воля должна сказать: да будетъ Сверхчеловекъ смысломъ земли“.

„Нѣкогда при взглядѣ на безконечное море произносили имя Бога; теперь я научилъ васъ произносить: Сверхчеловекъ...“

„Какъ вы будете выносить жизнь безъ этой надежды, вы, которые ищете знанія?“

„Вы не должны закоснѣть ни въ томъ, что непостижимо, ни въ томъ, что есть неразумно.“

„Но я вамъ открою мое сердце, братья мои! Если бы существовали боги, то какъ бы я вынесъ то сознаніе, что я не богъ? Итакъ боги не существуютъ. Я самъ извлекъ это заключеніе и оно истинно, но теперь оно уже само влечетъ меня...“

„Я называю злымъ и безчеловѣчнымъ всю эту проповѣдь единичнаго, исправленнаго, неподвижнаго, пресыщеннаго, непреложнаго“.

Въ концѣ II-й части Фауста Гете говоритъ:

„Все преходящее есть только символъ“.

Ницше ему отвѣчаетъ: „Все непреложное есть только символъ. Поэты очень часто лгутъ. Самые лучшіе символы должны говорить о времени и о томъ, что будетъ; они должны быть похвалою и оправданіемъ всего преходящаго.“

„Красоту сверхчеловѣческаго я видѣлъ только, какъ тѣнь. Увы, братья мои, и для меня еще боги имѣютъ значеніе!“

Этотъ лиризмъ, при всей своей поэтичности, не можетъ скрыть непослѣдовательности мыслей. „Если бы были боги, то какъ я бы вытерпѣлъ, чтобы самому не быть богомъ!“ Хри-

стіане,—которыхъ Ницше считаетъ своими заклятыми врагами,—отвѣчаютъ антихристу: „первая изъ заповѣдей:—будьте совершенни, якоже и Отець вашъ небесный совершенъ есть“. Итакъ, Ницше вполне правъ въ своемъ стремленіи уподобиться Богу. Философы тоже могутъ возразить Ницше: „если все неизмѣнное есть только символъ, то почему же вы хотите на мѣсто Бога поставить законъ—„неподвижнаго“ и „единственнаго“, законъ вѣчнаго вращенія; не будетъ ли это вашей математической формулой, которая есть также символъ?“

Теорія сверхчеловѣка у Ницше стоитъ въ противорѣчьи съ его системой, которая отрицаетъ всякое объективное основаніе истины и цѣнности. Какъ доказать, что „смыслъ земли заключается въ сверхчеловѣческомъ“, когда земля имѣетъ смысла не больше, чѣмъ небо и даже вся вселенная, находящаяся въ безпрестанномъ головокружительномъ движеніи безъ конца и цѣли?—Моральнаго идеала, отвѣчаетъ Ницше, приписывающаго жизни смыслъ и цѣль,—нельзя ни доказывать, ни отвергать; но нѣкогда будетъ зависѣть отъ сверхчеловѣка да и теперь зависить отъ философа—установить цѣнности и создать ихъ при установленіи. Итакъ Ницше вооружается противъ простаго ученаго, человѣка—„объективнаго“, человѣка-зеркала, „привыкшаго подчиняться всему, что должно быть известно, не имѣющаго иного желанія, кромѣ того, которое дается чувствомъ, рефлексіей. Ученому Ницше противопоставляетъ философа, человѣка сильнаго, царственнаго создателя культуры, человѣка—завершителя, въ которомъ все остальное существующее находитъ свое оправданіе,—человѣка, являющагося началомъ, твореніемъ и первою причиною.

Одинъ мудрецъ есть творецъ. „Никто, кромѣ творца, не знаетъ того, что—добро и что—зло. Одинъ творецъ поставилъ цѣли для людей и онъ одинъ даетъ землѣ ея смыслъ и значеніе; онъ одинъ *создалъ* добро и зло во всѣхъ вещахъ.

„Какъ поэтъ, какъ разгадыватель загадокъ, какъ случайный спаситель—я научалъ людей быть творцами будущаго и спасти, созидая, все, что уже было“.

„Спаси прошлое человѣка и преобразовать все то, что было, такъ чтобы человѣкъ могъ сказать: „это было такъ, потому что я хотѣлъ этого, это происходитъ потому, что я такъ

хочу“—вотъ что я называю спасеніемъ для нихъ, вотъ что я училъ ихъ называть спасеніемъ“.

Но что это: поэзія или философія? Если первое,—то мы умолкаемъ и удивляемся, но если второе,—мы готовы оспаривать. Если нѣтъ ничего добраго и злого въ самомъ себѣ, то никакая творческая сила не въ состояніи произвести доброе изъ ничего. Какъ бы ни стремился „творецъ“ Заратустра придать солнцу, лунѣ, звѣздамъ смыслъ и человѣческую цѣль,—изъ этого ничего никогда не выйдетъ и такое желаніе ни на іоту не измѣнитъ теченія планетъ и хода всѣхъ вещей. Самъ Ницше въ концѣ концовъ сводитъ все это измышленное „твореніе“ къ простому признанію судьбы. Когда приходятъ страданія и смерть,—Ницше говоритъ: „я хотѣлъ, чтобы такъ было“,—и этой фразой онъ думаетъ дѣло судьбы превратить въ актъ свободной воли. Но такой пріемъ ужъ слишкомъ простъ. Ницше образовалъ для себя слишкомъ произвольную идею міра, достойную развѣ только длинноволосаго поэта 1830, „творца“ Эриани и Манфреда; Ницше упускаетъ изъ виду, что общественная равно какъ и индивидуальная жизнь имѣетъ свои научно опредѣленные законы и свое нормальное *направленіе*, которое философъ долженъ не „выдумывать“, а раскрывать. Философъ, если хотите, устанавливаетъ законы, но опъ устанавливаетъ ихъ въ силу и послѣ долгихъ изысканій, направленныхъ въ самую глубину сознанія. Всякая моральная „цѣнность“ имѣетъ свою психологическую и соціологическую сторону, по которымъ она и узнается тѣми, кто умѣетъ различать вещи даже во тьмѣ. Только тѣ индивидуальности могутъ быть названы великими, которыя могутъ самымъ лучшимъ образомъ понять и осуществить будущее; но такіе люди ничего не устанавливаютъ произвольно и имъ лучше другихъ чувствительны и понятны самыя коренныя нужды человѣческаго сознанія.

Самъ Ницше, когда онъ не говоритъ своими пророческими изреченіями,—опредѣляетъ мораль, какъ „выраженіе условій жизни и развитія народа, какъ его самый простой жизненный инстинктъ“ (Антихристъ, стр. 275). Итакъ, Ницше допускаетъ условія жизни и развитія, которыя стоятъ выше нашихъ желаній. Это—менѣе поэтично, но болѣе научно; только зачѣмъ.

это слово: „народъ“—какъ будто каждый народъ живетъ изолированной жизнью;—это уже преувеличеніе германскаго націонализма. Въ настоящее время условія жизни одного народа тѣсно связаны съ условіями жизни всѣхъ другихъ, поэтому нужно было сказать: мораль есть выраженіе условій жизни и развитія человѣческихъ обществъ; это ихъ жизненный инстинктъ не только „самый простой“, но и самый возвышенный, это даже болѣе, чѣмъ инстинктъ, это—жизненное знаніе, науки.

Самый моральный идеалъ Ницше, т. е.,—самъ его сверхчеловѣкъ оправдывается критикой, основанной на научныхъ законахъ и философскомъ построеніи человѣческаго сознанія. Если этотъ идеалъ въ концѣ концовъ представляетъ изъ себя ткань противорѣчій, если даже болѣе онъ находится въ противорѣчій съ нормальными стремленіями жизни и сознанія, то Заратустра совершенно напрасно съ энтузіазмомъ пророка, спустившагося съ Синая, предлагаетъ человѣчеству свои новыя скрижали завѣта; человѣчество не признаетъ ни его воли, ни его закона. Антихристіанскій идеалъ сверхчеловѣка, дѣйствительно, весь состоитъ изъ противорѣчій; въ немъ, по мнѣнію Ницше, воля достигаетъ своего наивысшаго напряженія; по Ницше не замѣчаетъ того, что истинная интенсивность влечетъ за собой, какъ это подмѣтилъ Гюйо, распространеніе во внѣ, т. е. экспансивность. Если сверхчеловѣкъ Ницше распространяется вовнѣ, то онъ распространяется какъ „агрессивная“ и „разрушительная“ сила, которая сама же умевьшается пропорціонально количеству сопротивленій, встрѣчаемыхъ ею со стороны другихъ силъ. У сверхчеловѣка жажда жизни не имѣетъ настолько жизненности, чтобы жить въ другомъ и для другого, какъ она живетъ въ себѣ и для себя. Полнота жизни сверхчеловѣка близко граничитъ съ бѣдностью и нуждою, вмѣсто того чтобы быть изліяніемъ чрезъ края (*debordement*), пиромой (*πλήρωμα*), въ которой какъ греческая, такъ и христіанская мудрость видѣла богатство любви и блага. „Сверхчеловѣкъ, говоритъ Ницше, ищетъ господства какъ надъ собою, такъ и надъ другимъ; но здѣсь Ницше совершенно упускаетъ изъ виду то, что господство надъ собою предполагаетъ, какъ свое непремѣнное условіе,—уваженіе свободы другого, а не господство надъ нимъ.—Сверхчеловѣкъ принимаетъ страда-

не такъ же, какъ и радость, чтобы имѣть возможность испытать всѣ эмоціи и исчерпать всѣ возможныя формы жизни; но если правда то, что радость и страданія соединены между собою, какъ звенья одной и той же цѣпи, то правда и то, что страданіе является простымъ жизненнымъ условіемъ радости, что, собственно, цѣлью-то должна быть и есть радость, которая постоянно наступаетъ за скорбью и которая можетъ перейти въ счастье. Ницше напрасно отказывается отъ стремленія къ счастью: почему онъ стремится къ „плодоносной“ жизни, если не потому, что такая жизнь на его взглядъ есть наиболѣе счастливая? Что же представляла бы изъ себя воля, которая желала бы, не имѣя никакого основанія желать и безъ всякаго стремленія къ полному удовлетворенію, въ которомъ и состоитъ счастье; это была бы просто слѣпая сила природы, а никакъ не человѣческая воля и тѣмъ менѣе—сверхчеловѣческая. Наконецъ, сверхчеловѣкъ стремится и ищетъ иллюзій, хотя бы потому лишь только, что иллюзіи возбуждаютъ въ немъ энергію и заставляютъ его жить болѣе могущественною жизнью; но, отвѣтимъ мы, стремленіе къ иллюзіямъ—ужасное обольщеніе, обманъ, который говоритъ самъ противъ себя.

Въ гимнѣ, прерываемомъ звономъ полночнаго колокола, Заратустра восклицаетъ:

Одинъ: О, человѣкъ, берегись!

Два: Что говоритъ глубокая полночь?

Три: Я спалъ, глубоко спалъ.

Четыре: Я пробудился отъ глубокого сна.

Пять: Мірѣ—непостижимъ.

Шесть: И болѣе непостижимъ, чѣмъ это думаетъ день.

Семь: Глубока его скорбь.

Восемь: Его радость еще болѣе глубока, чѣмъ его страданіе.

Девять: Скорбь говоритъ: ты погибнешь!

Десять: Но всякая радость ищетъ вѣчности.

Одиннадцать: Ищетъ глубокой, глубокой вѣчности.

Какимъ же образомъ согласить эту вѣчность радости, къ которой стремится Ницше, какъ и до него стремились Платонъ, Аристотель, Св. Ап. Павелъ,—съ ученіемъ Ницше о постоянномъ уничтоженіи, о вѣчной иллюзорности человѣческихъ и даже сверхчеловѣческихъ усилій? За минуту передъ

этимъ вѣчность была только символомъ и дѣйствительностью было одно только офемерное; теперь же Заратустра ищетъ вѣчности.

Сверхъ этихъ антиномій, нагроможденныхъ въ чудовищной мечтѣ Ницше, мы видимъ у него борьбу идеи оптимиста, возлагающаго всѣ свои упованія на будущаго сверхчеловѣка и идеи пессимиста, которымъ дѣлается Ницше, думая о томъ же сверхчеловѣкѣ, который долженъ будетъ уничтожить слабыхъ и немощныхъ. Но если человѣчество на самомъ дѣлѣ способно выродить изъ себя избраннаго сверхчеловѣка, то почему же цивилизованная масса, изъ которой выйдетъ этотъ сверхчеловѣкъ, не можетъ возвыситься по крайней мѣрѣ до такой степени, чтобы съ ней не обращались такъ „жестоко и такъ грубо“? Не потому ли это такъ, что Ницше мечтаетъ о „сверхчеловѣческомъ“ только для избранниковъ, что и препятствуетъ ему думать о „человѣческомъ“ для массы, обреченной Ницше на вѣчное скотское существованіе.

Нѣтъ, отвѣчаетъ Ницше, „аристократія считаетъ себя не функціей государства или націи, она полагаетъ въ себѣ *смыслъ* и *высшее оправданіе* всего; вотъ почему ово съ покойной совѣстью принимаетъ безчисленныя жертвы людей, которыя для ея пользы притѣсняются и сводятся на степень людей не совершенныхъ, рабовъ, простыхъ орудій“. Такая аристократія Ницше, возродившая въ себѣ индійскія касты и напоминающая касту ученыхъ Ревана,—находится въ прямомъ противорѣчьи съ метафизикой Ницше, которая отвергаетъ всякій смыслъ и какое бы то ни было оправданіе цѣлаго. Что представляетъ изъ себя цѣлое, какъ не неизмѣримое бытіе безъ причины и цѣли, вѣчно возвращающееся къ самому себѣ? Вселенная смѣется надъ цѣлями, которыя хочетъ поставить себѣ человѣкъ.

Отыскивая антихристіанскій и можно сказать антиморальный идеалъ, Ницше кончаетъ логическимъ кругомъ, переходя отъ культа индивидуума къ культу всеобщности и наоборотъ. Прежде всего сверхчеловѣкъ — антихристъ является — какъ „эгоистъ“ самой крайней степени, ставящій на мѣсто любви къ человѣчеству любовь къ самому себѣ; по это только первая степень и Ницше проходитъ ее. Но его мнѣнію любовь къ себѣ имѣетъ цѣнность постольку, поскольку она выражаетъ въ себѣ физиологическую цѣнность, годность извѣстнаго индиви-

дуума для жизни;—выходить, что Ницше признаетъ жизненную цѣнность. „Человѣкъ можетъ цѣниться очень высоко и онъ же можетъ быть жалкимъ и презрѣннымъ. Каждый индивидуумъ долженъ оцѣниваться потому—идетъ ли онъ по пути возрастающей жизни, или по пути вырожденія. Въ интересахъ *всеобщей жизни*, которая дѣлаетъ съ нимъ шагъ впередъ, для него забота о сохраненіи, забота о созданіи самыхъ лучшихъ (*optimum*) условій жизни,—должна быть самой важной задачей“. Отсюда видно, что Ницше,—этотъ ярый индивидуалистъ,—даже самый эгоизмъ считаетъ въ извѣстной степени только средствомъ для увеличенія всеобщей жизни; итакъ, на первомъ мѣстѣ нужно поставить жизнь, понимаемую въ ея совокупности, жизнь универса. Любовь,—сама состоящая изъ элементовъ,—имѣетъ смыслъ только какъ элементъ: любя самихъ себя, мы тѣмъ увеличиваемъ жизнь цѣлаго. И если любовь къ себѣ не увеличиваетъ всеобщей жизненности, если индивидуумъ не имѣетъ никакого значенія для цѣлаго, то онъ не долженъ любить себя. Не нужно обольщаться индивидуализмомъ Ницше: Ницше не знаетъ *вашей* жизни для васъ, онъ не знаетъ даже *своей* жизни для себя, онъ знаетъ только *жизнь*. „Человѣкъ, взятый какъ единица, говоритъ Ницше, *индивидуумъ*, такой, какимъ до сихъ поръ его представляли народъ и философы,—есть не что иное, какъ заблужденіе; самъ въ себѣ онъ ничего не значитъ; онъ не атомъ, не звено цѣпи, не наслѣдіе, оставленное прошлымъ, онъ есть совершенно единственный человѣкъ, существующій для самого себя. Если онъ—представитель эволюціи вырожденія, разложенія, болѣзни..., то его цѣнность очень мала, и единственное оправданіе его жизни будетъ состоять въ томъ, чтобы онъ какъ можно менѣе имѣлъ вліянія на людей..; такой человѣкъ—только паразитъ общества“. (Помраченіе кумировъ, стр. 199). Неужели эти слова принадлежатъ имморалисту? Нѣтъ, они чрезвычайно напоминаютъ моралистовъ, которые индивидуума приносятъ въ жертву всеобщему, жизни въ ея цѣломъ. Ницше смотритъ на индивидуума, какъ всѣ антииндивидуалисты или, если хотите, универсалисты, начиная съ Платона, Св. Ап. Павла, Канта, Фихте и кончая Гегелемъ и Шопенгауеромъ. Къ несчастію феноменализмъ Ницше не допускаетъ той послѣдова-

тельности, которую мы видимъ у всѣхъ универсалистовъ; какимъ образомъ можно требовать, чтобы преходящій феноменъ подчинялся всеобщей жизни? Вѣдь жизнь-то для Ницше и существуетъ постольку, поскольку онъ думаетъ о ней и осуществляетъ ее въ себѣ самомъ. Болѣе логичный Максъ Штирнеръ говоритъ о всеобщей жизни то же, что имъ было сказано о человѣчествѣ и божествѣ: это—простое слово, выдумка моего собственнаго „я“, „*voie à moi moi*“; и вы хотите, чтобы я занимался этой абстракціей: жизнь! Вы считаете себя атеистомъ, но напрасно: и у васъ есть богъ: всеобщая жизнь. Истиннымъ атеистомъ можно назвать только того, кто не признаетъ ничего, кромѣ себя и провозглашаетъ себя *единственнымъ*. Да и такой человѣкъ имѣетъ кумира: себя самого.

Въ концѣ концовъ предъ Ницше встаетъ неразрѣшимая дилемма: или цѣнность человѣка совершенно индивидуальна и тогда теряетъ значеніе общность какого бы то ни было правила или общаго мѣрила: каждый человѣкъ имѣлъ бы цѣнность только для себя; никакой реальной цѣнности не могло бы существовать; или же цѣнность индивидуума основана на его отношеніи къ цѣлому, къ универсу, и тогда предъ нами встаетъ вопросъ уже не объ одной только „власти“ этого человѣка, а о всей вообще совокупности его отношеній, въ которыя, какъ часть, входитъ и власть и въ которыя нужно будетъ включить отношенія интеллектуальныя, чувственныя, социальныя и моральныя. Истиннымъ сверхчеловѣкомъ можно назвать только того, который сумѣетъ понять и осуществить эти условія и отношенія самымъ лучшимъ образомъ. Ницше постоянно говоритъ о цѣнности; но и здѣсь, всегда вѣрный самому себѣ, онъ остерегается дать этому понятію малѣйшее опредѣленіе, боится произвести надъ идеей цѣнности малѣйшій методическій анализъ; и въ этомъ онъ правъ: ему не хочется видѣть уничтоженія всѣхъ своихъ парадоксовъ. Система Ницше насъ поражаетъ разноцвѣтными фейерверками своей поэзіи, но при свѣтѣ научной критики вся она распадается на свои составные элементы.

Переводъ В. Дроздова.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Денабря № 23. 1902 года.

Содержаніе. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Благословеніе Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Министра Финансовъ.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1902 году.—Епархіальный извѣщеніи.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 6—13 ноября 1902 года за № 4965, постановлено: 1) предоставить на будущее время право производства испытанія на званіе учительницы церковно-приходской школы, въ случаѣ дальности разстоянія мѣста жительства или службы просительницъ отъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, также и правленіямъ духовныхъ мужскихъ училищъ и 2) разрѣшить правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, совѣтамъ епархіальныхъ женскихъ училищъ и правленіямъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства производить испытанія на званіе учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ не только въ установленное § 5 дѣйствующихъ правилъ для производства такихъ испытаній время съ 1-го сентября по 1 мая, но также и въ лѣтніе мѣсяцы.

Благословеніе Святѣйшаго Синода.

За заслуги по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 12—21 іюня 1902 года, за № 2593, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода безъ грамотъ попечителю церковно-приходской школы, при Покровской церкви, слободы Огульцовъ, Валковскаго уѣзда, крестьянину *Никифору Золочевскому* и крестьянину той же слободы *Данилу Лысенко*.

Отъ Харьковскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

I.

Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, согласно постановленію своему, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, резолюціею отъ 30 ноября н. г. сямъ выражаетъ признательность и благодарность за усердныя и успѣшныя занятія съ дѣтьми въ мянувшемъ 1901—1902 учебномъ году учительницамъ церковныхъ школъ, *Старобѣльскаго уѣзда*: Байдовской—Евдокія Добычиной, Волкодавовой—Екатериѣ Насѣдкыной, Епифановской—Евгеніи Мухиной, Лизинской—Екатериѣ Климентовой, Кочинской—Еленѣ Феневой, Поляновской—Зинаидѣ Спльванской, Старобѣльской, при монастырѣ, Александрѣ Кораблной, Старо-Айдарской—Маріи Онуфрійчукъ, Чебановской—Александрѣ Жуковской и Черныговской—Еленѣ Кулаковой; *Харьковскаго уѣзда*: Глубоко-Ярской—Аннѣ Котляровой и Ольшанской, Николаевскаго прихода, Надеждѣ Федоровой.

II.

Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 30-го ноября н. г., послѣдовавшей на журналѣ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, сямъ поручается подлежащимъ уѣзднымъ отдѣленіямъ оного выразить признательность и благодарность отдѣленій ниже слѣдующимъ лицамъ, которыя личными трудами улучшили обученіе дѣтей по классу церковнаго пѣнія, а именно—учителямъ церковно приходскихъ школъ, *Старобѣльскаго уѣзда*: Бѣлолуцкій, Троицкаго прихода, Θεоктисту Попову, Воеводской—Стефану Стрѣльникову, Кочинской—священнику Михаилу Феневу, Осиновской, Успенскаго прихода, Николаю Цапенко, Старобѣльской, Николаевскаго прихода, Дмитрію Свдоренко, Тимановской—Стефану Данько и Трехизбянской—Евгенію Бесѣдѣ.

Отъ Министерства Финансовъ.

Министерство Финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что Высочайше утвержденнымъ, въ 19 день декабря 1901 года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено продлить обмѣнъ кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 руб. билетовъ (радужныхъ) образца 1866 года

до 1 января 1903 года.

Посему означенные билеты до 31-го декабря 1902 года включительно принимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами.

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1902 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлоричневому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 руб. билетѣ (съ 1887 года до 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г.) посреднѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ Государственнымъ гербомъ посреднѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ Манифеста—право и отпечатано:

5 руб. бил. — синею краскою.

10 „ „ — красною „

25 „ „ — зеленою „

Сторублевый билетъ—радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственного Банка и въ Казначействахъ.

О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хозяйственное Управленіе, по распоряженію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, имѣетъ честь объявить по духовному вѣдомству.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1902 году.

I.

Открытіе курсовъ.

По опредѣленію Св. Синода отъ 26 апрѣля 1902 года за № 1743 предположено было учредить въ г. Харьковѣ лѣтомъ 1902 года педагогическіе курсы для учителей второклассныхъ школъ и кандидатовъ на сію должность для епархій: Астраханской, Волынской, Воронежской, Грузинской, Гурійско-Мынгрельской, Донской, Екатеринославской, Имеретянской, Кишиневской, Кіевской, Курской,

Московской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Подольской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Ставропольской, Сухумской, Таврической, Тамбовской, Тульской, Харьковской, Херсонской и Черниговской и затѣмъ по послѣдующему распоряженію Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ прибылъ еще одинъ учитель изъ Рязанской епархіи. Курсы должны были продолжаться въ теченіе полутора мѣсяца, съ 25 іюня по 10 августа. Согласно съ этимъ распоряженіемъ Св. Синода, 25 іюня 1902 года, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, и послѣдовало открытіе педагогическихъ курсовъ при Харьковской Духовной Семинаріи. Въ 12 часовъ дня въ присутствіи членовъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, членовъ распорядительной комиссіи, лекторовъ, нѣкоторыхъ уѣздныхъ наблюдателей и членовъ Харьковскаго уѣзднаго отдѣленія Училищнаго Совѣта, нѣкоторыхъ благочинныхъ епархіи и всѣхъ явившихся на курсы учителей, Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ, викаріемъ Харьковской епархіи въ сослуженіи протоіереевъ и священниковъ—членовъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и наблюдателей школъ, совершенно было Господу Богу молебное пѣніе предъ началомъ ученія. Предъ началомъ молебнаго пѣнія Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ, сказана была къ собравшимся на курсы учителямъ рѣчь объ условіяхъ правпльнаго изученія видимой природы. На молебнѣ пѣлъ хоръ курсистовъ подъ управленіемъ одного изъ нихъ. По окончаніи молебнаго пѣнія курсы объявлены были открытыми.

II.

Управленіе курсами.

На основаніи вышеприведеннаго опредѣленія Св. Синода, Харьковскимъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ въ засѣданіи 15 мая избрана была распорядительная комиссія, утвержденная резолюціею Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 25 мая. Въ составъ комиссіи вошли слѣдующія лица: предсѣдатель Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, Ректоръ Семинаріи протоіерей Іоаннъ Знаменскій—въ качествѣ инспектора курсовъ; членъ и дѣлопроизводитель Училищнаго Совѣта, преподаватель Семинаріи Симеонъ Ѳоменко—въ качествѣ смотрителя курсовъ, и экономъ Семинаріи Адріанъ Енько въ качествѣ эконома курсовъ.

III.

Составъ лекторовъ.

По распоряженію Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, всѣ бывшіе на курсы учителя и кандидаты на должность учителей второклассныхъ школъ раздѣлены были на два отдѣленія: учителя, составлявшіе первое отдѣленіе, присланы были для изученія церковнаго пѣнія и педагогикъ; учителя, образовавшіе второе отдѣленіе, командированы были для изученія физики, естествознанія и гигиены.

Въ первомъ отдѣленіи для преподаванія назначенныхъ, по опредѣленію Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ отъ 24 мая за № 514, предметовъ приглашены были: 1) для чтенія лекцій по теоріи пѣнія и музыки—Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ старшій преподаватель теоріи музыки при С.-Петербургской Консерваторіи Алексѣй Ильичъ Пузыревскій; 2) для преподаванія собственно церковнаго пѣнія—Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ учитель пѣнія при Харьковской Духовной Семинаріи Николай Михайловичъ Ковиць, окончившій курсъ Московскаго Синодальнаго пѣвческаго училища; 3) для преподаванія педагогикъ, дидактики и методикъ Епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ—кандидатъ богословія, законоучитель женской гимназіи священникъ Петръ Георгиевичъ Оомвиць.

Во второмъ отдѣленіи для преподаванія назначенныхъ по тому же опредѣленію Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ предметовъ приглашены были: 1) для чтенія лекцій и руководства практическими занятіями по физикѣ—Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ штатный преподаватель Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса Яковъ Игнатьевичъ Ковальскій; 2) для чтенія лекцій и руководства практическими занятіями по естествознанію—Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ штатный преподаватель Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса Иванъ Ивановичъ Поляискій; 3) для чтенія лекцій по школьной гигиенѣ въ связи съ анатоміей и фізіологіей человѣческаго тѣла—Епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ докторъ медицины, приватъ доцентъ Харьковскаго Императорскаго Университета Яковъ Яковлевичъ Трутовскій.

IV.

Составъ слушателей курсовъ.

На основаніи опредѣленія Св. Синода отъ 26 апрѣля 1902 г. за № 1743 для слушанія временныхъ педагогическихъ курсовъ въ г. Харь-

ковѣ вызваны были учителя второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и кандидаты на эту должность изъ вышепоименованныхъ 28 епархій въ слѣдующемъ количествѣ: 1) Изъ *Астраханской* епархій по назначенію Астраханскаго Училищнаго Совѣта прибылъ 1 кандидатъ на учительскую должность Василій Шустовъ. 2) Изъ *Волынской* епархій по назначенію Волынскаго Училищнаго Совѣта явились 6 учителей второклассныхъ школъ: учитель Бѣлозорецкой второкл. школы Владимірскаго Леонидъ, учитель Сѣконской втор. школы Карпинскій Аполлнарій, учитель Любаркинской второкл. школы Немоловскій Михайль, учитель Почаевской второклас. школы Подвысоцкаго Аѳанасій, учитель Девешовской второкл. школы Уловичъ Вячеславъ, учитель Почаевской второкл. школы Хилетинскій Евстаѳій; и 6 кандидатовъ на должность учителя второклассной школы: Архипповичъ Іустинъ, Блонскій Иванъ, Малиновскій Павелъ, Молчановскій Серафимъ, Пашкевичъ Власій и Поникаровъ Александръ. 3) Изъ *Воронежской* епархій прислано было Воронежскимъ Училищнымъ Совѣтомъ 4 учителя второклассныхъ школъ:—учитель Никитовской второкл. школы Диденко Аѳанасій, учитель Новосотенской второклассной школы Дубянскій Иванъ, учитель той же школы Палатовъ Димитрій, учитель Воронежской Алексѣевской второклас. школы Свѣтозаровъ Иванъ и 6 кандидатовъ на должность учителя второклассной школы: Вележевъ Василій, Воронинъ Максимъ, Губаревскій Гавріиль, Поповъ Леонидъ, Поповъ Петръ и Сабининъ Стефанъ. 4) Изъ *Грузинской* епархій по назначенію Тифлисскаго Училищнаго Совѣта явились 3 учителя: учитель Тарзисской второклас. школы Касрадзе Иванъ, учитель той же школы Мачарашвили Константинъ и учитель Бодбійской второклас. женской школы священникъ Нацваловъ Михайль. 5) Изъ *Гурійско-Мингрельской* епархій по назначенію мѣстнаго Училищнаго Совѣта пріѣхали 5 учителей: учитель Киційской второкл. школы Анджапаридзе Николай, учитель Бандзской второклас. школы Арвеладзе Кирилль, учитель той же школы Габунія Мелитонъ, учитель Киційской второклас. школы Кутелія Эрастій и учитель Бандзской второклас. школы Тапуридзе Григорій. 6) Изъ *Донской* епархій Донскимъ Училищнымъ Совѣтомъ командированы на курсы 4 учителя: учитель Качалинской второкл. школы Барбаринъ Павелъ, учитель Аксайской второкл. школы Калабуховъ Александръ, учитель Качалинской второклас. школы Мордовинъ Рафаиль, учитель Голодаевской второкл. школы Ѳеденко Вячеславъ и 4 кандидата на

должность учителей второклассныхъ школъ: Алексѣевъ Иванъ, Валагурвицъ Владиміръ, Воскобойниковъ Евгеній и Поляковъ Михаилъ. 7) Изъ *Екатеринославской* епархіи Екатеринославскимъ Училищнымъ Совѣтомъ назначены на курсы 7 учителей: учитель Васильево-Покровской второкл. школы Домовскій Иванъ, учитель Саксаганской второклас. школы Куликовъ Спиридонъ, учитель той же школы Могилевскій Θεодосій, учитель Романковской второклас. школы Москаленко Сергѣй, учитель Славяно-Сербской второклас. школы Павловичъ Савва, учитель Васильево-Петровской школы Родосскій Александръ, учитель Балабино-Петровской школы Щеголевъ Тихонъ и 3 кандидата на должность учителя второклас. школъ: Карпенко Θεодоръ, Строцевъ Θεодоръ и Шаковский Алексѣй. 8) Изъ *Имеретинской* епархіи по назначенію мѣстнаго Училищаго Совѣта прибыли 3 учителя: учитель Алсубанской второклас. школы Гогіашвили Поляваръ, учитель Амглебской второклас. школы Мебуришвили Василій, учитель той же школы священникъ Николадзе Іерофей и 1 кандидатъ на должность учителя второклас. школы Векуа Владиміръ. 9) Изъ *Кишиневской* епархіи по назначенію Кишиневскаго Училищаго Совѣта явились 3 учителя: учитель Хотинской второкл. школы Ботнаръ Іосифъ, учитель Квшиневской второклас. школы Емельяновъ Андрей, учитель Александровской второкл. школы Литвинъ Давидъ и 3 кандидата на должность учителя второклас. школы: Васильковскій Андрей, Спичей Александръ и Туголѣсовъ Петръ. 10) Изъ *Кіевской* епархіи Кіевскимъ Училищнымъ Совѣтомъ прислано было на курсы 8 учителей: учитель Полтавской второклас. школы Архиповичъ Александръ, учитель Троицкой второклас. школы Бартевьевъ Петръ, учитель Заболотской второклас. школы Безвенгинскій Михаилъ, учитель Спичпецкой второклас. школы Вишневскій Владиміръ, учитель Заболотской второклас. школы Любецкій Александръ, учитель Кирилловской второклас. школы Петрушевскій Петръ, учитель Кузьмяно-Гребеньской второклас. школы Правосудовичъ Василій, учитель Кривенской второклас. школы Тарнавичъ Константинъ и 4 кандидата на должность учителей второклассныхъ школъ: Атаназевичъ Михаилъ, Борецкій Николай, Левяцкій Аполлинарій и Левяцкій Евгеній. 11) Изъ *Курской* епархіи мѣстнымъ Училищнымъ Совѣтомъ командированы были на Харьковскіе курсы 6 учителей: учитель Кромско-Быковской второкл. школы Курдюмовъ Дмитрій, учитель Троицкой второклас. школы Медвѣдевъ Владиміръ, учитель Екатеринин-

ской второклас. школы Пименовъ Ѳеодоръ, учитель той же школы Поповъ Сергѣй, учитель Каплинской второклас. школы Сотниковъ Петръ, учитель Красниково-Котовецкой второклас. школы Четвериковъ Иванъ, и 6 кандидатовъ на должность учителей второклас. школъ: Автономовъ Иванъ, Астафьевъ Адрианъ, Васильевъ Авксентій, Овсяниковъ Михаилъ, Пыхтинъ Николай и Саплинъ Захарія. 12) Изъ *Московской* епархіи, по назначенію Московскаго Училищнаго Совѣта, прибыли 4 учителя: учитель Вертинской второклас. школы Голубковъ Дмитрій, учитель той же школы Грузиновъ Михаилъ, учитель той же школы Смирновъ Константинъ, учитель Аббакумовской второкласной школы Третьяковъ Петръ и 6 кандидатовъ на должность учителей второкласныхъ школъ: Добросердовъ Сергѣй, Покровскій Владиміръ, Постниковъ Павелъ, Смирновъ Михаилъ, Смирновъ Михаилъ и Смысловъ Иванъ. 13) Изъ *Оренбургской* епархіи по назначенію Оренбургскаго Училищнаго Совѣта явились 3 кандидата на должность учителей второклас. школъ: Зубановъ Николай, Малый Мануилъ и Ѳедотовъ Николай. 14) Изъ *Орловской* епархіи прибылъ по назначенію Орловскаго Училищнаго Совѣта 12 учителей: учитель Котневской второкл. школы Высокопольскій Иванъ, учитель Дубовицкой второклас. школы Діомидовъ Дмитрій, учитель Воскресенской второкл. школы Ивановъ Павелъ, учитель Фошнявской второклас. школы Максимовъ Иванъ, учитель Спасо-Чекрянской второкл. школы Никольскій Иванъ, учитель Аванасьевской второклас. школы Покровскій Михаилъ, учитель той же школы Рудневъ Матвѣй, учитель Ивотской второклас. школы Рудневъ Илья, учитель Борисоглѣбской второклас. школы священникъ Синадскій Евгений, учитель Мезинской второклас. школы Сѣдовъ Дмитрій, учитель Ботинской второклас. школы Троицкій Аркадій и учитель Спасо-Чекрянской второкл. школы Феноменовъ Григорій. 15) Изъ *Пензенской* епархіи по назначенію Пензенскаго Училищнаго Совѣта явились 10 учителей: учитель Иссинской второклас. школы Александровскій Серафимъ, учитель Каменской второкл. школы Зарицкій Алексѣй, учитель Сумароковской второкл. школы Зймаевъ Иванъ, учитель Голицинской второкл. школы Лилъ Василій, учитель Сіалѣевско-Майданской второклас. школы Мотыжовъ Павелъ, учитель Больше-Лукинской второклас. школы Пономаревъ Николай, учитель Старо-Михайловской школы Прudentовъ Константинъ, учитель Полянкой второкл. школы Разсказовъ Валеріанъ, учитель Старо-Михайловской второкл. школы

Трубецкой Петръ, учитель Архангельско-Голицынской второклас. школы Чудодѣевъ Павелъ и 6 кандидатовъ на должность учителей второклас. школъ: Небосклоновъ Леонидъ, Палладовъ Иванъ, Пепскій Александръ, Симплевскій Николай, Чадаевскій Анатолий и Чернозерскій Владимір. 16) Изъ *Подольской* епархіи по назначенію Подольскаго Училищнаго Совѣта прибыли 6 учителей: учитель Штепашской второкл. школы Баржицкій Сергѣй, учитель той же школы Вороновичъ Яковъ, учитель Червокозинецкой второклас. школы Лебедевъ Стефанъ, учитель Чернытннской второкл. школы Молчаповскій Федоръ, учитель той же школы Рыбидцкій Иванъ, учитель Чуковской второкл. школы Тынянскій Сергѣй, и 2 кандидата на должность учителей второклас. школъ: Чернытннскій Василій и Хомпцкій Павелъ. 17) Изъ *Полтавской* епархіи по назначенію Полтавскаго Училищнаго Совѣта прибыли на курсы 2 учителя: учитель Харьковецкой второклас. школы Горюновичъ Андрей, учитель Гурбннской второкл. школы Миожницкій Яковъ и 1 кандидатъ на должность учителя второкл. школы Поповъ Василій. 18) Изъ *Рязанской* епархіи по назначенію Рязанскаго училищнаго Совѣта явился 1 кандидатъ на должность учителя второклас. школы Полинскій Павелъ. 19) Изъ *Самарской* епархіи Училищнымъ Совѣтомъ командировано на курсы 8 учителей: учитель Озерской второклас. школы Агровъ Николай, учитель Сорочинской второкл. школы Гвдасиновъ Александръ, учитель Аяновской второклас. школы Голубевъ Николай, учитель Дьяковской школы Давыловъ Сергѣй, учитель Сорочинской второклас. школы Муромцевъ Александръ, учитель Землянской второклас. школы Орловъ Юсифъ, учитель Озерской второклас. школы Папормовъ Матвѣй, учитель Шенгильннской второкл. школы Сязовъ Николай и 8 кандидатовъ на должность учителей второклас. школъ: Лещинскій Викторъ, Мостовской Константина, Николаевъ Викторъ, Пономаревъ Петръ, Третьяковъ Николай, Шимко Иванъ, Ягодинскій Аркадій и Ягодинскій Викторъ. Кроме того по особому распоряженію училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ отъ 29 мая за № 3378 прибылъ на курсы изъ Самарской епархіи учитель Обмаровской церковно-учительской школы Словохотовъ Аркадій. 20) Изъ *Саратовской* епархіи Саратовскимъ Училищнымъ Совѣтомъ были назначены на курсы 3 учителя: учитель Кутынской второкл. школы Богословскій Леонидъ, учитель Дороевской второклас. школы Свмолейскій Михаилъ, учитель Кутынской школы Сѣденко Михаилъ и 1 кандидатъ на должность учителя второклас. школы

Кедровъ Михайлъ. 21) Изъ *Ставропольской* епархіи по назначенію мѣстнаго Училищнаго Совѣта прибыл 6 учителей: учитель Базанской второкл. школы Гревцовъ Александръ, учитель пѣнія Усть-Лабинской второкл. школы Костыръ Моисей, учитель Казанской второкл. школы Лекторскій Гавріиль, учитель Ново-Григорьевской второкл. школы Никольскій Михайлъ, учитель Убѣжанской второкл. школы Пищиковъ Николай, учитель Усть-Лабинской второкл. школы Тихомировъ Сергѣй и 1 кандидатъ на должность учителя второклассной школы Жабинъ Михайлъ. 22) Изъ *Сухумской* епархіи Сухумскимъ Училищнымъ Совѣтомъ командировано 3 учителя: учитель Гальской второкл. школы Бажановъ Алексѣй, учитель той же школы Кедровъ Владиміръ, учитель Агштырской второклассной школы Стрѣльниковъ Михайлъ и 1 кандидатъ на должность учителя второклассной школы Шелухинъ Григорій. 23) Изъ *Таврической* епархіи Училищнымъ Совѣтомъ командировано на курсы 2 учителя Алуштинской второкл. школы: Ершовъ Михайлъ и Олтаржевскій Николай. 24) Изъ *Тамбовской* епархіи Тамбовскимъ Училищнымъ Совѣтомъ назначены на курсы 7 учителей: учитель Волковской второкл. школы Благовѣщенскій Иванъ, учитель Посельской второкл. школы Германовъ Михайлъ, учитель Волковской школы Звонаревъ Михайлъ, учитель Сырской второкл. школы Кременскій Павелъ, учитель Вилдреевской второклас. школы Лукниъ Васвлій, учитель пѣнія Нашеквинской второклас. школы Некрасовъ Георгій, учитель Каргашинской второкл. школы Новоцадовъ Гавріиль и 6 кандидатовъ на должность учителей второклассныхъ школъ: Клименко Василій, Кудрявцевъ Павелъ, Моревъ Дмитрій, Орловъ Макарій, Никольскій Михайлъ и Шмаринъ Петръ. 25) Изъ *Тульской* епархіи прибыло по назначенію Тульского Училищнаго Совѣта 3 учителя: учитель Потемкинской школы Мпнорскій Веніаминъ, учитель Дѣдлоховской школы Павпертовъ Иванъ, учитель Мансуровской школы Рождественскій Сергѣй и 10 кандидатовъ на должность учителей второклас. школъ: Виноградовъ Феодоръ, Дружининъ Леонидъ, Ивановскій Алексѣй, Ивановскій Николай, Корольковъ Михайлъ, Музалевскій Тихонъ, Нелюбовъ Дмитрій, Никольскій Василій, Новгородскій Дмитрій и Семеновъ Дмитрій. 26) Изъ *Харьковской* епархіи Харьковскимъ Училищнымъ Совѣтомъ назначены на курсы 1 учитель Дергачевской второклас. школы Фіалковскій Константинъ и 7 кандидатовъ на должность учителей второклассныхъ школъ: Веселовскій Иванъ,

Ладенко Василій, Поповъ Юсифъ, Поповъ Теокистъ, Христіановскій Иванъ, Чернявскій Поликарпъ и Чернявскій Яковъ. 27) Изъ *Херсонской* епархіи по назначенію мѣстнаго Училищнаго Совѣта прибыл 3 учителя: учитель Демидовской второкл. школы Бутовскій Алексѣй, учитель Новгородковской второкл. школы Глебенко Кодратъ и учитель Демидовской второкл. школы Поповъ Сергѣй и 1 кандидатъ на должность учителя второклассной школы Рябцовъ Михайлъ и 28) изъ *Черниговской* епархіи прибыло по назначенію Черниговскаго Училищнаго Совѣта 4 учителя: Жуклянскій Александровскій Алексѣй, учитель Ново-Боровичской второкл. школы Пригородскій Василій, учитель той же школы Прожига Николай и учитель Жуклянскій второкл. школы Трусевичъ Василій.

Такимъ образомъ на Харьковскіе краткосрочные курсы 1902 г. по назначенію епархіальныхъ училищныхъ Совѣтовъ явились: 1 учитель церковно-учительской школы, 123 учителя второклассныхъ школъ и 88 кандидатовъ на должность учителей второклассныхъ школъ, а всего 212 человекъ.

Изъ числа 88 кандидатовъ на должность учителей второклассныхъ школъ 2 состоятъ учителями образцовыхъ школъ при духовныхъ Семинаріяхъ, 2—въ образцовыхъ школахъ при второклассныхъ, 8 занимаютъ должность учителя въ двухклассныхъ школахъ, 12—въ одноклассныхъ школахъ, 1—въ школѣ грамоты, 1—въ земской школѣ и 62 еще не состояли на учительской службѣ.

По образовательному цензу слушатели курсовъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1 кандидатъ Казанской академіи, 170 окончили полный курсъ духовной Семинаріи, 1 окончилъ курсъ учительскаго института, 7 окончили курсъ церковно-учительской школы, 16 окончили курсъ учительской Семинаріи, 2 окончили курсъ второклассной Вельяминовской школы Сухумской епархіи, 1 окончилъ курсъ учительской министерской школы, 9 не окончили полного курса духовной Семинаріи, 1 не окончилъ курса учительской Семинаріи, 2 не окончили полного курса учительскаго института, 1 не окон. к. классич. гимназіи и 1 учитель пѣнія имѣетъ званіе учителя. Такимъ образомъ всѣ слушатели курсовъ имѣютъ цензъ средняго учебнаго заведенія или получили спеціальную подготовку къ школьной дѣятельности.

Къ сей главѣ прилагается списокъ курсистовъ съ распредѣленіемъ по епархіямъ.

V.

Учебныя занятія на педагогическихъ курсахъ въ г. Харьковѣ.

Чтеніе лекцій на Харьковскихъ курсахъ началось 26 іюня и непрерывно продолжалось до 3 августа. Предъ началомъ лекцій инспекторомъ курсовъ составлено было росписаніе лекцій, которое затѣмъ и выполнялось неизмѣнно. Всѣ слушатели курсовъ для занятій были раздѣлены на два отдѣленія, изъ которыхъ въ первомъ преподавалось: теорія пѣнія, церковное пѣніе и педагогика, во второмъ физика, естествознаніе и гигиена. Первое отдѣленіе составляли слѣдующіе учителя и кандидаты на учительскую должность:

Астраханской епархіи: 1) Шустовъ Василій. *Волынской* епархіи: Владимірскій Леонидъ, Малиновскій Павелъ, Молчановскій Серафимъ, 5) Хвлетинскій Евстаѳій. *Воронежской* епархіи: Воронинъ Максимъ, Губаревскій Гавріиль, Диденко Аванасій, Палатовъ Дмитрій. 10) Поповъ Леонидъ, Поповъ Петръ. *Донской* епархіи: Балагуринъ Владиміръ, Воскобойниковъ Евгенийъ, Оеденко Вячеславъ. *Екатеринославской* епархіи: 15) Домовскій Иванъ, Карпенко Теодоръ, Куликовъ Спиридонъ, Москаленко Сергѣй, Родосскій Александръ. *Имеретинской* епархіи: 20) Векуа Владиміръ, священникъ Николадзе Іерошей. *Киншиневской* епархіи: Ботпаръ Іосифъ, Туголѣсовъ Петръ. *Кіевской* епархіи: Бартеневъ Петръ. 25) Безвенглинскій Михайлъ, Ввшневскій Владиміръ, Правосудовичъ Василій, Тарнавичъ Константинъ. *Курской* епархіи: Астафьевъ Адрианъ, 30) Васильевъ Авксентій, Курдюмовъ Дмитрій, Медвѣдевъ Владиміръ, Пименовъ Теодоръ, Сапливъ Захарія, 35) Сотниковъ Петръ. *Московской* епархіи: Постянковъ Павелъ, Смирновъ Константинъ, Третьяковъ Петръ. *Оренбургской* епархіи: Малый Манувль. *Орловской* епархіи: 40) Высокопольскій Иванъ, Діомидовъ Димптрій, Покровскій Михайлъ, Рудневъ Илья, Рудневъ Матвѣй, 45) Сѣдовъ Димптрій. *Пензенской* епархіи: Александровскій Серафимъ, Палладовъ Иванъ, Трубецкой Петръ, Чадаевскій Анаполій. *Подольской* епархіи: 50) Вороновичъ Яковъ, Рыбицкій Иванъ, Чернявскій Вислій. *Самарской* епархіи: Агровъ Николай, Муромцевъ Александръ, 55) Николаевъ Викторъ, Пономаревъ Петръ, Сизовъ Николай, Третьяковъ Николай, Шпмко Иванъ. *Саратовской* епархіи: 60) Кедровъ Михайлъ. *Ставропольской* епархіи: Жабинъ Михайлъ, Костыръ Моисей, Лекторскій Гавріиль. *Сухумской* епархіи: Кедровъ Владиміръ, 65) Стрѣльниковъ Михайлъ, Шелухинъ Григорій. *Таврической* епархіи: Ершовъ

Мпхалъ. *Тамбовской* епархіи: Германовъ Мпхалъ, Кудрявцевъ Павелъ. 70) *Кременскій* Павелъ, Некрасовъ Георгій, Шмаринъ Петръ. *Тульской* епархіи: Виноградовъ Ѳедоръ, Дружининъ Леонидъ. 75) *Корольковъ* Мпхалъ, Мпнорскій Веніаминъ, Музалевскій Тпхонъ, Нелюбовъ Дмитрій, Рождественскій Сергій. *Харьковской* епархіи: 80) Поповъ Іосифъ, Поповъ Ѳеоктистъ, Фіалковскій Константинъ, Чернявскій Полкарпъ, Чернявскій Яковъ. *Херсонской* епархіи: 85) Бутовскій Алексій, Главенко Кодратъ, *Черниговской* епархіи: 87) Трусевчъ Василій.

Въ составъ второго отдѣленія, въ которомъ изучилась физика, естествознаніе и гигиена, вошли слѣдующіе учителя и кандидаты на должность учителей второклассныхъ школъ:

Волынской епархіи: 1) Архиповичъ Іустинъ, Блопскій Иванъ, Карпинскій Аполлнарій, Немоловскій Мпхалъ. 5) Пашкевичъ Власій, Подвысоцкій Аванасій, Поникаровъ Александръ. Уловичъ Вячеславъ. *Воронежской* епархіи: Вележевъ Василій. 10) Дубинскій Иванъ, Свѣтозаровъ Иванъ, Сабининъ Стефанъ, *Грузинской* епархіи: Касрадзе Иванъ, Мачарашвили Константинъ, 15) священ. Нацваловъ Мпхалъ. *Гурійско-Минрельской* епархіи: Анджапаридзе Николай, Арвеладзе Кврилъ, Габунія Мелятонъ, Кутелія Эрастій. 20) Тануридзе Григорій. *Донской* епархіи: Алексѣевъ Иванъ, Барбарянъ Павелъ, Калабуховъ Александръ, Мордовинъ Рафанъ. 25) Поляковъ Мпхалъ. *Екатеринославской* епархіи: Могилевскій Ѳеодосій, Павловичъ Савва, Строцевъ Ѳеодоръ, Шнаковскій Алексій, 30) Щеголевъ Тпхонъ. *Имеретинской* епархіи: Гогіашвили Полкарпъ, Мебуршвили Василій. *Кишиневской* епархіи: Васильковскій Андрей, Емельяновъ Андрей. 35) Лптвинъ Даніилъ, Спичей Александръ. *Кіевской* епархіи: Архиповичъ Александръ, Атаназевичъ Мпхалъ, Борецкій Николай. 40) Левицкій Аполлнарій, Левицкій Евгений, Любецкій Александръ, Петрушевскій Петръ. *Курской* епархіи: Автономовъ Иванъ. 45) Овсянниковъ Мпхалъ, Поповъ Сергій, Пыхтинъ Николай, Четвериковъ Иванъ. *Московской* епархіи: Голубковъ Дмитрій. 50) Грузиновъ Мпхалъ, Добросердовъ Сергій, Покровскій Владиміръ, Смирновъ Мпхалъ ал., Смирновъ Мпхалъ Вас. 55) Смысловъ Иванъ. *Оренбургской* епархіи: Зубановъ Николай, Ѳедотовъ Николай. *Орловской* епархіи: Ивановъ Павелъ, Максимовъ Иванъ. 60) Никольскій Иванъ, священ. Спнадскій Евгений, Троицкій Аркадій, Феноменовъ Григорій. *Пензенской* епархіи: Зарвцкій Алексій, 65) Зимаевъ Иванъ, Лоловъ Василій, Мотыжовъ Павелъ, Небожлоновъ Леонидъ, Пенскій

Александръ. 70) Пономаревъ Николай, Прудентовъ Константинъ, Разсказовъ Валеріанъ, Симплевскій Николай, Черноезерскій Владиміръ. 75) Чудодѣевъ Павелъ. *Подольской* епархіи: Баряицкій Сергѣй, Лебедевъ Стефанъ, Молчановскій Федоръ, Тыннинскій Сергѣй. 80) Хомпицкій Павелъ. *Полтавской* епархіи: Горововичъ Андрей, Множицкій Яковъ, Поповъ Василій. *Рязанской* епархіи: Полянскій Павелъ. *Самарской* епархіи: 85) Гидасповъ Александръ, Голубевъ Николай, Данцловъ Сергѣй, Лещинскій Викторъ, Мостовской Константинъ. 90) Орловъ Іосифъ, Панормовъ Матвѣй, Словохотовъ Аркадій, Ягодницскій Аркадій, Ягодницскій Викторъ. *Саратовской* епархіи: 95) Богословскій Леонидъ, Симонейскій Михаилъ, Сѣденко Михаилъ. *Ставропольской* епархіи: Гревцовъ Александръ, Никольскій Михаилъ. 100) Пипчиковъ Николай, Тихомировъ Сергѣй. *Сухумской* епархіи: Бажановъ Алексѣй. *Таврической* епархіи: Олтаржевскій Николай. *Тамбовской* епархіи: Благовѣщенскій Иванъ. 105) Звонаревъ Михаилъ, Клименко Василій, Луквичъ Василій, Моревъ Дмитрій, Орловъ Макарій. 110) Никольскій Михаилъ, Новоцадовъ Гавріиль. *Тульской* епархіи: Ивановскій Алексѣй, Ивановскій Николай, Никольскій Василій. 115) Новгородскій Владиміръ, Павнертовъ Иванъ, Семеновъ. Дмитрій. *Харьковской* епархіи: Веселовскій Иванъ, Ладенко Василій. 120) Христіановскій Иванъ. *Херсонской* епархіи: Поповъ Сергѣй, Рябцовъ Михаилъ. *Черниговской* епархіи: Александровскій Алексѣй, Пригородскій Василій. 125) Прохвга Николай.

Въ томъ и другомъ отдѣленіи утреннія занятія начинались общею молитвою въ $8\frac{1}{4}$ часовъ, послѣ которой тотчасъ же начинались лекціи. Утреннихъ лекцій обыкновенно было 4 съ $8\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{4}$ ч. дня съ перемѣною между лекціями въ 15 минутъ. Въ послѣобѣденное время въ первомъ пѣвческомъ отдѣленіи было 2 урока по церковному пѣнію отъ 5 до $7\frac{1}{4}$ ч. съ перемѣною между уроками въ 15 минутъ; во второмъ отдѣленіи вечернія занятія начинались въ 4 часа и продолжались до $8\frac{1}{4}$ часовъ, раздѣляясь на два двухчасовыхъ періода съ перемѣною въ 15 минутъ. Для этихъ занятій всѣ слушатели этого отдѣленія раздѣлены были на 4 равныя группы, причемъ двѣ группы занимались въ двухъ различныхъ лабораторіяхъ—одна по физикѣ, другая по химіи—отъ 4 до 6 часовъ безъ перемѣны и двѣ другія группы занимались по тѣмъ же предметамъ отъ $6\frac{3}{4}$ до $8\frac{1}{4}$ часовъ безъ перемѣны. Наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней въ пѣвческомъ отдѣленіи вечернихъ занятій не было, а въ отдѣленіи, изучавшемъ физикку, вногда былъ одинъ вечерній двухчасовой урокъ.

Количество и содержаніе лекцій, читанныхъ на педагогическихъ курсахъ въ г. Харьковѣ въ 1902 году, было слѣдующее:

А. Въ отдѣленіи, въ которомъ изучалось церковное пѣніе и педагогика.

1. По теоріи церковнаго пѣнія старшимъ преподавателемъ теоріи музыки въ С.-Петербургской консерваторіи Алексѣемъ Ильичемъ Пузыревскимъ прочтано бы 15 часовыхъ лекцій.

Въ день открытія курсовъ, 25 іюня, послѣ молебна слушатели пѣвческаго отдѣленія были собраны въ аудиторію для предварительной бесѣды. На этой предварительной бесѣдѣ слушателямъ была выяснена цѣль занятій по теоріи, ихъ объемъ сообразно съ требованіями проекта программъ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и ихъ подраздѣленіе на занятія теоретическія и практическія (письменные и пѣвческія). Было также поставлено на видъ, что учитель по преподаваемому имъ предмету долженъ по всякому его пункту умѣть дать отвѣтъ не только о томъ, *какъ онъ ведетъ курсъ*, т. е., въ какой системѣ и по какимъ приемамъ, но и *почему онъ дѣйствуетъ именно такъ, а не иначе*. Слѣдовательно, исходя изъ этой точки зрѣнія, каждый учительскій курсъ долженъ быть пройденъ не только *теоретически*, но и *методически*. Курсъ же пѣнія, какъ предмета, основаннаго и на теоріи, доступной всѣмъ, и на практическихъ упражненіяхъ, успѣхъ которыхъ зависить отъ личныхъ способностей каждаго, сосредоточиваетъ особенное вниманіе на методикѣ. По прочтеніи подробной программы теоретическихъ и практическихъ занятій, мало подготовленныхъ слушателей, которые сочли бы для себя непосильнымъ выполненіе полной программы, не оказалось, и всѣ пожелали слушать лекціи совмѣстно. Бесѣда закончилась чтеніемъ выдержекъ о разносторонности воспитательнаго значенія пѣнія, взятыхъ изъ статьи лектора: *„пѣніе въ семейномъ воспитаніи“*.

Съ 26 іюня начались занятія. 75 часовъ, опредѣленныхъ на теорію пѣнія, были распределены такъ, что въ среднемъ четыре раза въ недѣлю назначено по 2 часа, а 2 раза по 3 часа утреннихъ занятій.

Когда занятія усложнились количествомъ практическихъ упражненій (при прохожденіи ритма в гаммѣ), требовавшихъ просмотра, лекторомъ было предложено, для сбереженія времени на утреннихъ занятіяхъ и независимо отъ нихъ, установить еще и вечернія, опредѣленные для приготовленія пройденнаго утромъ, для выполненія практическихъ письменныхъ упражненій, для просмотра

ихъ лекторомъ и для разъясненія всѣхъ вопросовъ, которые могли возникнуть для каждого отдѣльнаго слушателя на утреннихъ урокахъ. Слушателямъ обстоятельно была выяснена вышеприведенная цѣль этихъ занятій и указаво, что они обязательны только для тѣхъ, кто нуждается въ усвоеніи объясненнаго утромъ, или сомнѣвается въ вѣрности выполненныхъ имъ письменныхъ задачъ, и что, въ виду такой ихъ цѣли, слушатели лишаются права на утреннихъ урокахъ обращаться къ лектору съ просьбой просмотра ихъ задачъ или объясненія непонятаго, относящагося къ предшествовавшему дню. Нѣкоторые слушатели находили однако эти занятія, какъ необязательныя, обременительными для себя и рѣшались даже выражать претензіи, когда лекторъ отказывался, согласно условію, разъяснить имъ прочитанное наканунѣ или просматривать ихъ задачи. Подобные инциденты однако нѣсколько увеличили число посѣтителей вечернихъ занятій, хотя, какъ видно, большинство все—таки не могло усвоить ихъ пользы и считало за излишнее обремененіе въ виду, конечно, того, что они, какъ частныя, не могли быть внесены въ обязательное расписаніе.

Напротивъ къ утреннимъ занятіямъ, т. е., къ лекціямъ, слушатели относились добросовѣстно и посѣщали ихъ аккуратно, за исключеніемъ 5—6 человекъ, почти никогда не появлявшихся въ аудиторіи.

Черезъ 2 недѣли послѣ начала занятій—11 іюля,—когда уже были пройдены болѣе легкіе отдѣлы и наступило прохожденіе гаммъ и сложныхъ ритмическихъ примѣровъ, по предложенію лектора, выдѣлились 19 человекъ, болѣе слабо подготовленныхъ, и такимъ образомъ организовалось двѣ группы—младшая и старшая. Младшую группу образовали слѣдующіе учителя и кандидаты на должность учителей второклассныхъ школъ:

Волынской епархіи: 1. Владимірскій Леонидъ—учитель, Молчановскій Серафимъ—кандидатъ; *Воронежской* епархіи: Губаревскій Гавріиль—кандидатъ, Поповъ Петръ—кандидатъ; *Екатеринославской* епархіи: 5. Карпенко Федоръ—кандидатъ; *Имеретинской* епархіи: Николадзе Героеей свящ. учитель; *Кіевской* епархіи: Бартеньевъ Петръ—учитель; *Московской* епархіи: Постниковъ Павелъ—кандидатъ; *Оренбургской* епархіи: Малы й Манувль—кандидатъ; *Орловской* епархіи: 10. Діомидовъ Дмитрій—учитель, Рудневъ Илья—учитель; *Цензенской* епархіи: Александровскій Серафимъ—учитель; *Самарской* епархіи: Николаевъ Викторъ—кандидатъ, Третьяковъ Николай—кандидатъ; *Ставропольской* епархіи: 15.

Лекторскій Гавріиль—учитель; *Сухумской* епархіи: Стрѣльняковъ Михайль—учитель, Шелухинъ Грѣгорій—кандидатъ; *Тамбовской* епархіи: Кременскій Павелъ—учитель; *Черниговской* епархіи: 19. Трусевичъ Василій—учитель. Остальные 68 человекъ этого отдѣленія, поименованные въ началѣ этой главы, составили старшую группу. Тогда занятія распредѣлялись такъ: каждая группа имѣла ежедневно по одному часовому уроку теоріи (что составляетъ два урока), а третій часъ въ тѣ дни, когда онъ случался, былъ посвящаемъ обзору проекта программъ второклассныхъ школъ съ подробнымъ выясненіемъ помѣщенныхъ въ нихъ указаній относительно учебныхъ приемовъ. Пособіемъ служили составленныя лекторомъ и одобреныя училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ *методологическія замѣтки по преподаванію пѣнія въ народныхъ школахъ* и указанныя въ программахъ: *„краткое руководство къ первоначальному изученію церковнаго пѣнія по квадратной нотѣ“* Д. Соловьева и *„учебникъ церковнаго пѣнія“* Рязскаго, которыя и были даны учителямъ въ собственность. Такого рода занятія по методикѣ шли въ зависмости отъ прохожденія курса и поэтому временами прерывались на одинъ—два дня; тогда эти числа употреблялись на бесѣды общаго методическаго характера. Когда прохожденіе теоріи задержало на болѣе долгое время обзоръ программы третьяго года, то часы, посвящаемые этимъ занятіямъ, были употребляемы на образцовые уроки съ учениками образцовой школы при Семинаріи. Такихъ уроковъ было четыре: 16, 17, 18 и 20 іюля. Сначала лекторомъ были отобраны 14 мальчиковъ, не обучавшихся пѣнію, ноказано было, какъ испытываются способности и опредѣляется слухъ и наконецъ приступлено было къ начальнымъ урокамъ пѣнія. Въ пособіе дѣтямъ были розданы имѣвшіеся у лектора литографированныя готовые листы, имъ же составленныя для городского училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ и соответствующіе программѣ перваго года второклассныхъ школъ.

На этихъ 4-хъ урокахъ дѣти были научены чтенію нотъ въ области тетракорда, а также съ ними пройдены были подготовительныя упражненія къ изученію гаммы. Уроки эти сопровождались самыми подробными комментаріями и экспериментами правильнаго и неправильнаго преподаванія. Особенно лекторъ старался на опытѣ показать, какъ учитель можетъ свѣтъ отъ природы правильно дѣйствующее музыкальное чувство дѣтей, и не зная своей ошибки, отнести фальшивое пѣніе къ винѣ учениковъ, и наоборотъ,

какими приемами можно исправить эту ошибку. Также были показаны причины, вызывающія неравнобѣрный счетъ рукою. Эти уроки видимо вызвали большой интересъ, такъ какъ по поводу ихъ слушатели, хотя и по одиночкѣ, или небольшими группами, засыпали лектора вопросамъ самаго разнообразнаго свойства.

Послѣ раздѣленія, обѣ группы около недѣли шли почти параллельно и только при наступленіи изученія интерваловъ курсы той и другой группы начали нѣсколько различаться: прежде всего ученіе обѣ интервалахъ, а затѣмъ и обѣ аккордахъ для младшей группы было нѣсколько сокращено, а это повлекло за собою и болѣе сокращенный обзоръ съ нею курса третьяго года программы для второклассныхъ школъ.

Учителей, которымъ курсъ теоріи давался бы съ большимъ трудомъ, не было. Очень трудно осваивались съ нимъ только уроженцы Кавказа, но на курсахъ таковыхъ было только два изъ Имеретинской епархіи.

Нельзя не подчеркнуть того, что нѣсколько человекъ изъ младшей группы продолжали пользоваться занятіями также и старшей группы в одинаково усердно заносили всякія замѣчанія въ свои тетради.

По объему курсъ теоріи пройденъ по программѣ второклассныхъ школъ, но только съ значительными подробностями и замѣчаніями. Составленные лекторомъ и отфотографированныя записки при семъ прилагаются.

На предложеніе лектора дать письменные отвѣты на нѣкоторые вопросы касательно постановки пѣнія и въ особенности хорowego, а также касательно разныхъ нуждъ школы, тѣхъ свѣдѣній, въ какихъ курсистъ нуждался, отправляясь на курсы, нуждъ, какія онъ терпѣлъ по отношенію къ пособіямъ, и проч., лекторъ замѣтилъ общую уклончивость подъ предлогомъ недостатка времени; но онъ думаетъ, что здѣсь была нѣкоторая боязнь говорить, да еще и письменно, о недостаткахъ своей школы, а съ другой стороны—нежеланіе выставлять дѣйствительность въ лучшемъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе въ свободное отъ занятій время лекторъ довольно подробно спрашивалъ курсистовъ о ихъ нуждахъ и желаніяхъ касательно школы и преподаванія и изъ полученныхъ имъ сообщеній можетъ сдѣлать слѣдующій общій выводъ, по его убѣжденію вѣрный, такъ какъ онъ подтвержденъ почти единогласно всѣми курсистами, а именно, всѣ они жалуются:

1) На обширность и невыполнимость проекта программы второклассныхъ школъ (по теоріи);

2) на недостатокъ методическихъ полезныхъ руководствъ и пособій;
3) на неимѣніе такого учебника, который близко подходилъ бы къ программамъ, лучше сказать, былъ бы составленъ по нимъ;

4) на полное отсутствіе учебника хорошаго пѣнія, который включалъ бы въ себя не только общемузыкальныя и теоретическія свѣдѣнія, но главнымъ образомъ указанія, полезныя и необходимыя для обученія хора, а также хоровыя упражненія въ систематической трудностѣ;

5) были жалобы на такое же отсутствіе церковно-пѣвческихъ переложеній, которыя по простотѣ и легкости гармоній были бы доступны хору второклассныхъ школъ, состоящему обыкновенно изъ мальчиковъ въ возрастѣ перелома голоса, и имѣли бы неразрывную связь съ унисоннымъ изученіемъ обихода, т. е., включали бы въ себя гармонизацію всего, что включено въ этотъ послѣдній, но именно въ переложеніи, доступномъ хору церковно-приходской школы. Эти два послѣдніе пункта заставляютъ лектора взяться въ самомъ непродолжительномъ времени за составленіе подробнѣйшей программы такихъ пособій, которую онъ намѣренъ представить на разсмотрѣніе Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ.

Лекторъ не можетъ обойти молчаніемъ также и неудобства, происходящаго отъ различія изданій учебнаго обихода; такое различіе весьма велико, напр., между изданіемъ 1899 г. (in 8°, присланнымъ на курсы) и изданіемъ 1898 г. (in 4°).

Подведеніе общихъ итоговъ, проведенныхъ лекторомъ курсовъ, заставляетъ его остановиться еще на слѣдующемъ:

1. Крайне неудобнымъ для музыкальныхъ занятій въ интересахъ дѣла является скопленіе такого большого числа слушателей, такъ какъ учителю нужны теоретическія знанія не съ научной стороны, а настолько, насколько они помогаютъ ему разбираться въ вопросахъ практики при разучиваніи пѣвческаго матеріала и при преподаваніи хорошаго пѣнія, а это достигается путемъ практическихъ упражненій въ возможно большемъ количествѣ. Практическія же упражненія требуютъ ихъ просмотра преподавателемъ, а просмотръ такихъ упражненій, при большомъ числѣ слушателей, требуетъ или очень много времени, или сокращенія числа такихъ упражненій, что должно быть отнесено прямо къ ущербу усвоенія предмета. Кромѣ того успѣшность всякихъ музыкальныхъ занятій находится въ прямой зависимости какъ отъ предварительной подготовки занимающагося, такъ и отъ степени его личной способности. Это условіе требуетъ, чтобы преподаватель

имѣлъ возможность удѣлять больше времени на занятія съ каждымъ слушателемъ въ отдѣльности, что находится съ прямой зависимости отъ численности класса: въ консерваторіяхъ курсъ элементарной теоріи музыки, нѣсколько даже меньшій того, какой пришлось пройти съ учителями второклассныхъ школъ, такъ какъ въ него почти не входятъ свѣдѣнія изъ гармоніи, требуетъ въ среднемъ отъ 48 до 50 часовъ въ учебный годъ при 12 ученикахъ въ классѣ. На учительскихъ курсахъ большая программа пройдена (при раздѣленіи занятій на 2 группы и за вычетомъ часовъ, потраченныхъ на методику и образцовые уроки) въ 42—45 часовъ, но при количествѣ 68 слушателей въ старшей группѣ и 19—въ младшей. На учительскихъ курсахъ можно даже согласиться на увеличеніе численности класса въ три раза сравнительно съ консерваторіею, т. е., допускать по 25 человѣкъ на группу. Слѣдовательно, при такомъ желательномъ разчетѣ на Харьковскихъ курсахъ должно было быть не болѣе 50 человѣкъ, считая 2 группы по 25, а на самомъ дѣлѣ, какъ выше было указано, число слушателей доходило до 87.

2. Исходя изъ того же соображенія объ исключительности условій музыкальныхъ занятій, какъ требующихъ большого количества упражненій, и принимая въ соображеніе краткосрочность лѣтнихъ курсовъ, неудобно на пѣвческое отдѣленіе вводить какія бы то ни было другія чтенія. Лектору не разъ приходилось убѣждаться, что при этихъ условіяхъ и главный предметъ (пѣніе) терпѣть, и такой придаточный предметъ, для котораго на послѣкласное усвоеніе слушатели не имѣютъ времени.

3. Успѣхъ теоретическихъ занятій—въ прямой зависимости отъ умѣнія, а для умѣющихъ—отъ возможности пользоваться какимъ нибудь музыкальнымъ инструментомъ. Поэтому необходимо, чтобы на курсахъ всегда было достаточное количество фортепіано и скрипокъ. Для сокращенія же расхода по этой статьѣ было бы полезно, чтобы мѣстные Училищные Совѣты предлагали учителямъ привозить съ собою скрипки, если таковыя у нихъ имѣются. На Харьковскихъ курсахъ былъ одинъ только фисгармоніумъ, и двое изъ слушателей имѣли собственныя скрипки.

4. Отдѣлъ теоріи музыки на пѣвческихъ курсахъ требуетъ непрерывнаго установленія репетицій не въ видахъ побужденія слушателей къ занятіямъ, а съ цѣлію доставить возможность и руководителю, и каждому слушателю судить, насколько усвоенъ каждый отдѣлъ программы.

5. Вообще было бы крайне желательно имѣть одну опредѣленную программу для учительскихъ курсовъ, а также инструкцію съ точно выясненными правами инспектора курсовъ, руководителей и слушателей. Такія инструкціи непременно должны быть извѣстны какъ мѣстнымъ епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ, такъ и учителямъ, командируемымъ на курсы, до времени ихъ прибытія, для того чтобы они могли соразмѣрить свои познанія съ программю курсовъ и напередъ звать, какое количество труда и какаѧ дисциплина, вызываемая самимъ предметомъ, ихъ ожидаетъ.

Послѣдніе пять пунктовъ лекторъ рѣшилъ высказать ввиду того, что пѣніе въ церковно-приходскихъ школахъ относится къ главнымъ обязательнымъ предметамъ и по своей важности стоитъ вслѣдъ за Закономъ Божиимъ, а слѣдовательно, и заслуживаетъ сравнительно съ прочими предметами болѣе тщательной постановки и выгодныхъ условій.

Сверхъ программы лекторомъ была прочтена 22 іюля лекція, содержаніе которой составили главные моменты въ исторіи развитія церковнаго пѣнія на Западѣ и на Востокѣ до IX и въ Россіи до половины XIX столѣтія. Чтеніе иллюстрировано исполненіемъ хоровыхъ образцовъ и особо изготовленными стѣнными таблицами. На лекцію были приглашены также учителя и учительницы церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи, бывшіе въ то время на курсахъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. По напечатаніи этой лекціи въ журналѣ «Вѣра и Разумъ», она будетъ представлена лекторомъ Училищному Совѣту при Св. Синодѣ.

Также сверхъ программы въ свободное отъ занятій время раза два въ недѣлю лекторъ занимался гармоніей съ нѣсколькими слушателями, имѣвшими для этого хорошую предварительную подготовку. Записалось сначала 22 слушателя, потомъ число ихъ сократилось до 10, а затѣмъ до 6. По прохожденіи необходимаго курса гармоніи, занятія закончились упражненіями въ 4-голосныхъ гармонизаціяхъ голосовыхъ мелодій изъ обихода въ строгомъ стилѣ. Особенно выдѣлились своими работами по этому *необязательному* предмету: кандидатъ на должность учителя второклассной школы *Кедровъ Михаилъ*, окончившій курсъ Саратовской Духовной Семинаріи; *Костырь Моисей*, учитель пѣнія Усть-Лабинской второклассной школы Ставропольской епархіи; *Поповъ Θεоктистъ*, кандидатъ на должность учителя второклассной школы, учитель Бѣлолуцкой одноклассной церковно-приходской школы Старобѣль-

скаго уѣзда Харьковской епархіи, окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи, и *Некрасова Георгій*, учитель Нащокянской второклассной школы Тамбовской епархіи.

2. По хоровому пѣнію и изученію осмогласія на курсахъ для учителей второклассныхъ школъ учителемъ пѣнія Харьковской Духовной Семинаріи Николаемъ Михайловичемъ Ковинымъ дано было 45 часовыхъ уроковъ.

Цѣлію занятій было поставлено: во 1-хъ возможно полное ознакомленіе слушателей: а) съ лучшими хоровыми изложеніями круга обычныхъ пѣснопѣній и б) съ основами осмогласія и правилами практическаго примѣненія его; во 2-хъ—сообщеніе свѣдѣній, касающихся: а) хорового пѣнія и его особенностей и б) организациі хора и управленія имъ.

Ради достиженія этой цѣли занятія были расположены слѣдующимъ образомъ:

I. Были пропѣты: а) литургія и б) всенощное бдѣніе обычнаго напѣва въ изложеніи: 1) придворной пѣвческой капеллы (по ея обычаю) и 2) Смоленскаго (по его книгѣ: главнѣйшія пѣснопѣнія всенощной и литургіи). Обычныя пѣснопѣнія этихъ службъ были дополнены другими переложеніями и сочиненіями, взятыми изъ церковно-пѣвческаго сборника (изд. Св. Синодомъ) и изъ сборника: „Церковные хоры“ Касторскаго.

II. Сдѣланъ былъ краткій историческій обзоръ появленія и развитія обычныхъ распѣвовъ и гармонизацій ихъ. Затѣмъ сообщены свѣдѣнія о составѣ каждаго изъ 8-ми гласовъ Кіевскаго распѣва (число и порядокъ слѣдованія строкъ) и о составѣ отдѣльныхъ строкъ, ихъ измѣненіяхъ, сокращеніяхъ и расширеніяхъ; указаны правила, соблюденіе которыхъ необходимо для яснаго и отчетливаго выпѣванія текстовъ. Въ видѣ упражненій полагались на ноты и пѣлись стихиры Минеи (по книгѣ: „избранныя молитвы и пѣснопѣнія“, изданныя Св. Синодомъ).

III. Сообщены необходимыя свѣдѣнія по организациі и управленію хоромъ, съ разборомъ и обсужденіемъ различныхъ случаевъ пѣвческаго праявленія.

Краткимъ очеркомъ исторіи развитія партеснаго пѣнія, сообщеніемъ объ исполненіи пѣснопѣній и указаніемъ желательнаго для сельскихъ школьныхъ хоровъ репертуара закончились занятія по сему предмету.

3. По педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ кандидатомъ богословія священникомъ Петромъ Ѳоминымъ дано было 30 часовыхъ уроковъ по слѣдующей программѣ:

Исторія воспитанія и воспитательныхъ системъ. Выясненіе этимъ путемъ сущности воспитанія и истинныхъ задачъ его.

Воспитаніе у народовъ древности: китайцевъ, индусовъ, египтянъ, персовъ, грековъ—спартацевъ и афинянъ, римлянъ.

Воспитательный идеалъ, начертанный въ Божественномъ Откровеніи: созданіе челоуѣка по образу и подобию Божію, двухчастность природы его, идея нравственнаго совершенствованія, жизнь въ Царствѣ Божіемъ, совершенствованіе тѣла в духа, идея грѣхопаденія и искупленія, воспитаніе христіянина св. Церковію.

Воспитаніе въ древне-христіанское время. Значеніе семья и Церкви. Роль классицизма въ христіанскомъ просвѣщеніи.

Отклоненіе въ сторону односторонности средневѣковаго воспитанія на Западѣ. Схоластическая педагогія. Реакція ей со стороны рыцарскаго воспитанія и городскихъ школъ. Эпоха реформація и отраженіе ея въ дѣлѣ воспитанія и просвѣщенія народныхъ массъ. Крайности католическаго воспитанія въ іезуитскихъ школахъ. Начало научной педагогикѣ, установка ея на антропологическомъ принципѣ. Краткое обзорѣніе педагогическихъ системъ А. Коменскаго, Ж. Ж. Руссо, Г. Песталоцци. Увлеченіе интелектуализмомъ въ школьномъ воспитаніи. Требования физическаго воспитанія: разработка теорія его. Установка равномѣрнаго развитія въ школьномъ воспитаніи духа и тѣла. Созданіе новаго типа школы. Бедельская школа.

Отдѣленіе западно-европейской школы отъ Церкви и религіи. Школа государственная и клерикальная. Печальные результаты этого. Требования религіи для воспитанія. Педагогическія повѣсти М. Корелли.

Школы и воспитаніе въ древней Россіи. Церковность ихъ. Широкое и успѣшное развитіе ихъ въ до-монгольскій періодъ. Великіе завѣты св. митрополита Михаила и св. князя Владимира. Появленіе школъ грамоты. Просвѣтительное движеніе XVII вѣка въ южной и великой Россіи. Расширеніе школьнаго курса. Западные вліянія. Характеръ обученія. Воспитательные взгляды нашихъ предковъ по памятникамъ воспитанія, изданнымъ проф. Лавровскимъ. Общесловность и народность школы. Эпоха Петра Великаго и движеніе школьнаго воспитанія по западно-европейскимъ образцамъ. Обособленіе школы свѣтской и церковной. Развитіе школъ для духовенства и постепенный упадокъ народной школы церковно-приходской. Идеалы воспитанія въ свѣтской школѣ. Вліяніе европейской педагогикѣ. Педагогическія идеи Императ-

ряды Екатерины Великой. Русская педагогика XIX в. Воспитательная система К. Ушинскаго. Указанный имъ принципъ народности школы, а потому и церковности ея. Исканіе новаго типа школы. Реформы школьнаго воспитанія. Новая школа г-жи Левицкой. Обращеніе вниманія на церковную школу. Труды и заслуги для церковно-приходской школы С. А. Рачинскаго. Возрожденіе церковно-приходской школы: ея церковность, народность. Задачи ея въ настоящее время религіозно-нравственнаго броженія общества. Педагогическія идеи К. П. Побѣдоносцева въ книгѣ: „Ученіе и учитель“.

(Окончаніе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ церкви с. Лизина, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Согинъ* назначенъ и. д. благочиннаго во 2-мъ округѣ Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ сл. Маньковки, Купянскаго уѣзда, Веніаминъ *Поповъ* назначенъ помощникомъ благочиннаго въ томъ же округѣ.

— Священникъ с. Песочина, Харьковскаго уѣзда, Сергій *Уманцевъ* назначенъ помощникомъ благочиннаго во 2 округѣ Харьковскаго уѣзда.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

Церкви Владимірской Божіей Матери сл. Калиновой, Купянскаго уѣзда.
Спасской церкви, Стрѣлецкаго Госуд. конскаго завода.

Діаконскія:

Вознесенской церкви, с. Зеликовки, Старобѣльскаго уѣзда.
Георгіевской церкви, с. Степановки, Сумскаго уѣзда.
Михайловской церкви, с. Приволья, Изюмскаго уѣзда.
Покровской церкви с. Пассековки, Волчанскаго уѣзда.
Покровской церкви, сл. Брусовки, Старобѣльскаго уѣзда.
Успенской церкви, сл. Камышеватой, Валковскаго уѣзда.
Троицкой церкви, сл. Верхняго-Бишкина, Зміевскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Троицкой церкви с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
Николаевской церкви с. Таюшевки, Старобѣльскаго уѣзда.
Петро-Павловской церкви с. Отрады, Зміевскаго уѣзда.

Петро-Павловской церкви, с. Янкова-Рога, Ахтырского уѣзда.
 Церкви Бориса и Глѣба с. Водянаго, Зміевского уѣзда.
 Архангело-Михайловской церкви с. Соколовъ, Зміевского уѣзда.
 Мирносицкой церкви, г. Волчанска.
 Николаевской церкви с. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда.
 Космо-Даміановской церкви, с. Ыздоцкаго, Богодуховскаго уѣзда.
 Николаевской церкви, с. Стараго, Сумскаго уѣзда.
 Троицкой церкви сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.
 Вознесенской церкви, г. Золочева, Харьковскаго уѣзда.
 Николаевской церкви, сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. 1-е декабря въ Харьковской Духовной Семинаріи.—Храмовой празднѣвъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Братство проповѣдниковъ слова Божія въ г. Харьковѣ.—Освященіе прѣшта—ясли въ Вознесенскомъ приходѣ въ г. Харьковѣ.

Въ воскресенье 1 декабря, въ день памяти св. пророка Наума, учащіе и учащіяся въ Харьковской Духовной Семинаріи удостоились получить высокую духовную радость, видѣть Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, совершающимъ въ Семинарскомъ храмѣ Божественную литургію. Это уже не первый случай, когда Владыка—Архипастырь, въ простой воскресный день, принимаетъ участіе въ молитвѣ съ юношами, воспитывающимся въ нашей Духовной Семинаріи. Молитвенное общеніе Архипастыря со своими будущими помощниками—пастырями Церкви, его трогательное и очевидное для нихъ предстательство предъ Господомъ съ просьбою призирать съ небесъ, посѣщать и укрѣплять нашъ юный вертоградъ, производятъ сильное впечатлѣніе на душу юношей и, безъ сомнѣнія, является первою и самою важнѣйшею причиною, вслѣдствіе которой наши воспитанники идутъ по доброму пути и не сбиваются съ него въ сторону, что такъ нерѣдко въ наше многмятежное время.

— 4 декабря, въ день храмоваго праздника въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, Богослуженіе въ училищной Церкви было совершено Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ. Къ особенностямъ въ нынѣшнемъ празднованіи дня св. великомученицы Варвары въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ нужно отнести слѣдующія два отрадныя обстоятельства. Наканунѣ праздника всенощное бдѣніе было совершено самимъ Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ. Архіерейское служеніе всенощного бдѣ-

нія при прекраснѣйшемъ пѣніи воспитанницъ заставляло присутствующихъ въ храмѣ переживать минуты высочайшихъ духовныхъ радостей. Въ самый день праздника, послѣ литургіи и обычнаго чаепітя у г. начальницы, всѣмъ лицамъ, удостоившимъ почтить училище въ день его храмового праздника, предоставлена была возможность полюбоваться изящными работами воспитанницъ. Въ одной изъ залъ училища была устроена выставка рукодѣлей воспитанницъ. Тамъ были вышитыя и полотенца, и кофточки, и дѣтскіе фартучки, и чайныя салфеточки, и подушечки для дивана, и проч. и проч., На каждомъ изъ выставленныхъ предметовъ помѣчены были имя и фамилія воспитанницы, работавшей его. Несмотря на то, что на многихъ предметахъ значились имена воспитанницъ низшихъ классовъ (напр. 3-го), всѣ они (предметы) производили пріятное впечатлѣніе по чистотѣ и красотѣ работы. Нѣкоторыя изъ выставленныхъ работъ удостоивались особенной похвалы Его Высокопреосвященства, что доставляло величайшую отраду и было высокою наградой для потрудившихся воспитанницъ.

— Въ воскресенье, 8-го декабря, въ 2 часа дня Высокопреосвященнымъ Флавіаномъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, совершенно освященіе вновь выстроеннаго дома для пріюта-ясли Вознесенскаго попечительства о бѣдныхъ. Этотъ домъ находится по Старо-Московской улицѣ направо, на Цоповой левадѣ. Въ немъ свободно можетъ помѣститься 50 дѣтей. Вознесенское попечительство, по открытіи его въ маѣ 1896 года, одно изъ первыхъ обратило особенное вниманіе на положеніе бѣдныхъ, живущихъ въ приходѣ, труженицъ, поденницъ, немогущихъ зарабатывать себѣ пропитанія, обремененныхъ дѣтьми. Такихъ дѣтей, остающихся безъ всякаго надзора во время отлучки матерей на работы, оказалось болѣе 100; они преимущественно шатались по улицамъ въ пыли и грязи, почему попечительство, не смотря на скудные средства, нашло полезнымъ и необходимымъ открыть пріютъ-ясли, который и открытъ въ наемной квартирѣ 20 декабря 1898 года. Потребность въ такихъ учрежденіяхъ оказалась и въ другихъ попечительствахъ, которыя также открыли ихъ. Вознесенское попечительство предположило на первое время принять до 10 дѣтей отъ 2 до 8-лѣтняго возраста, но на дѣлѣ оказалось, что въ первые же дни начали приводить дѣтей отъ 18 до 30 душъ. Содержать постоянно такое количество дѣтей средства не позволяли, а между тѣмъ отказывать несчастнымъ дѣтямъ въ пріемѣ ихъ и совѣстно, и грѣшно. Благодаря усиленнымъ трудамъ и заботамъ членовъ попечительства и добрыхъ людей-жертвователей, Вознесен-

ское попечительство до сихъ поръ ежедневно призрѣваетъ 35 и болѣе дѣтей; всѣ они въ пріютѣ одѣваются, кормятся и занимаются по возрасту; многія изъ нихъ уже пишутъ, читаютъ и работаютъ. Самыя бѣдныя даже постоянно одѣваются за счетъ попечительства.

Такъ какъ наемныя квартиры, гдѣ былъ пріютъ, оказались настолько неудобныя, сырыя и притомъ дорогими что попечительство рѣшилось устроить свой собственный домъ и отнеслось въ городскому головѣ объ отводѣ мѣста, вслѣдствіе чего городскою думою было назначено и отведено мѣсто на Поповой левадѣ. Но это мѣсто оказалось неудобнымъ для постройки, по сырой мѣстности, почему попечительство вновь отнеслось въ городскую думу объ отводѣ къ отведенному мѣсту еще одного и, благодаря разъясненію и ходатайству городского головы А. К. Погорѣлко, городская дума выразила свое сочувствіе этому учрежденію и единогласно постановила отвести просимое мѣсто, которое по распоряженію городского управленія отведено и на которомъ теперь, по утвержденному строительнымъ отдѣленіемъ плану, построены въ этомъ 1902 г. очень удобный каменный въ одинъ этажъ домъ на 50 душъ дѣтей. Домъ этотъ обошелся попечительству около 9000 р. со службами.

— 26-го ноября въ зданіи харьковской духовной консисторіи состоялось собраніе протоіереевъ и священниковъ города Харькова. На собраніи, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Стефана, епископа сумскаго, былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи въ городѣ братства проповѣдниковъ слова Божія. Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній о характерѣ, составѣ и дѣятельности предполагаемаго братства, образована была коммиссія изъ протоіереевъ и священниковъ, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Стефана, которая должна выработать планъ дѣятельности братства и организовать кружокъ проповѣдниковъ и чтецовъ. Намѣчено нѣсколько пунктовъ для виѣбогослужебныхъ чтеній и бесѣдъ съ народомъ. Такими пунктами прежде всего будутъ нѣкоторые храмы преимущественно на окраинахъ города, затѣмъ народные дома, школы и другія общественныя зданія, признанныя для этого дѣла удобными. Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города уже ведутся бесѣды съ народомъ; но эти бесѣды не имѣютъ прочной, постоянной организаціи и не располагаютъ достаточнымъ количествомъ проповѣдниковъ. Цѣль же братства поставать это дѣло прочно, исключивъ въ немъ всякій характеръ случайности. Кромѣ того, братство будетъ имѣть цѣлью и то, чтобы проповѣдъ

слова Божія раздавались въ церквахъ города на всѣхъ Богослуженіяхъ. Для этого въ помощь приходскимъ священникамъ братство будетъ посылать своихъ членовъ-проповѣдниковъ. Участіе въ дѣятельности будущаго братства примутъ, кромѣ приходскихъ священниковъ, священники безприходныхъ церквей города, преподаватели духовно-учебныхъ заведеній, воспитанники старшихъ классовъ духовной семинаріи и всѣ сочувствующіе дѣлу просвѣщенія народа путемъ чтеній и проповѣди. Что касается характера внѣбогослужебныхъ чтеній и бесѣдъ, то они будутъ религіозно-нравственныя, историческія и бытовыя, причемъ послѣдніе два рода чтеній будутъ посвящены священной и религіозно-нравственной исторіи русскаго народа.

„Южн. Кр.“

О ВЪ Я В Л Е Н І Я

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФІИ, ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ П. ЛИНИЦКАГО.

Кіевъ. 1902 года. Цѣна 1 руб. 50 коп. съ перес.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются:

1. „Исторія древней философіи съ приложеніемъ исторіи философіи среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія“ Вьндельбанда. Переводъ слушательницъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. 3-е изданіе. Ц. 2 р. С.П.Б. 1902.

2. „Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками“ В. Вьндельбанда. Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія Е. И. Максимовой, В. М. Невѣжной и Н. Н. Платоновой подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго Унивѣрситета А. И. Введенскаго. Томъ первый. Отъ возрожденія до Канта. С.П.Б. 1902 г. Цѣна безъ II тома 3 р., съ билетомъ на полученіе II тома 4 рубля.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

Заказы исполняются прочно, анкуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ХРИСТИАНСКОЙ СЕМЬѢ

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Допущенъ въ бібліотекѣ духовно-учебныхъ заведеній. АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Мясницкая, домъ Николаевской церкви.

За 4 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой въ 1903 г. будетъ дано: 52 №№ журнала иллюстрированнаго, въ объемѣ 1½ печатныхъ листовъ, большого формата каждый по слѣдующей программѣ: 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской, церковной и гражданской. Въ виду неоднократныхъ заявленій многихъ подписчиковъ о назрѣвшей нуждѣ въ популярныя чтенія по русской исторіи, въ слѣдующемъ году **БУДЕТЬ ВВЕДЕНЪ НОВЫЙ ОТДѢЛЪ**. „Чтенія въ школь“ 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ въ отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) Христіанское богослуженіе. Исторія его и его значеніе. 4) Христіанское искусство. Исторія его и современное состояніе. 5) Церковная географія. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святинь. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. 7) Христіанская мысль. Въроученіе и правоученіе. Благодатныя явленія върн. Духовно-наравоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Религіозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь. Рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

52 №№ газеты „Современная лѣтопись“ по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Церковно-общественная жизнь въ Россіи. 3) Распоряженія епархіальныхъ начальствъ. 4) Среди газетъ и журналовъ. 5) Церковно-общественная жизнь за границей. 6) Разныя извѣстія.

Кромѣ этого, въ 1903 г. будутъ даны слѣдующія приложенія:

52 №№ „Воскресныхъ листовъ“, пріобрѣтшихъ такую извѣстность, что ихъ каждый годъ расходится нѣсколько милліоновъ экземпляровъ. „Въ Воскресныхъ Листкахъ“ будутъ помѣщаться простые назидательные рассказы изъ житій святыхъ съ нравственными приложеніями для простаго народа.

12 книгъ поученій „Пастырскія Назиданія“ на всѣ воскресные и праздничные дни. Книжки „Пастырскія назиданія“ будутъ разсылаться за нѣсколько мѣсяцевъ до произнесенія поученій въ Церкви.

12 книгъ виѣбогослужебна. бесѣдъ „Воскресный Собесѣдникъ“. Содержаніемъ бесѣдъ будетъ объясненіе молитвы Господней и евангельскихъ заповѣдей блаженства съ нравственными уроками, примѣрами изъ жизни святыхъ и обыденной жизни.

Подписная цѣна на „Воскресный День“ со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой, на годъ 4 руб., на ½ года 2 р. 50 к. Благочинные, выписывающіе журналъ не менѣе 10 экз., получаютъ еще 11 экз. бесплатно. Подписка прививается въ Москвѣ, въ редакціи: Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Редакторъ-издатель священникъ С. Уваровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ
ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

—* НА *—

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

Журналъ издается при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ въ духъ частяхъ—официальной и неофициальной.

Въ *официальной* части помѣщаются: Высочайшія повелѣнія по вѣдомству православнаго исповѣданія, руководственныя и разъяснительныя постановленія Св. Синода, приказы и сообщенія Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода и распоряженія состоящихъ при Центральномъ Управленіи духовнаго вѣдомства учреждений—Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, Учебнаго Комитета, Училищнаго Совѣта и др. Въ официальной части журналъ сей есть органъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Въ *неофициальной* части помѣщаются слова, избранныя изъ твореній святоотеческихъ, и проповѣди современныхъ архипастырей и пастырей Русской церкви и статьи богословскаго и церковно историческаго содержанія примѣнительно къ пуждамъ и запросамъ времени. Особый отдѣлъ посвящается возможно полному обзору текущей церковной жизни и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ, о праздникахъ и церковныхъ торжествахъ, о выдающихся событіяхъ епархіальной жизни, о распоряженіяхъ архипастырей и состоящихъ при нихъ епархіальныхъ учреждений, о духовно учебныхъ заведеніяхъ, церковно-приходскихъ школахъ, изъ жизни русскаго раскола и сектанства и пр. Въ журналѣ дѣлается обзоръ богословской журнальной литературы и отмѣчаются выдающіяся изъ выходящихъ въ свѣтъ книгъ духовнаго содержанія, также водятся постоянная хроника церковной жизни на православномъ востокѣ и на вполславномъ западѣ и даются отвѣты на разные запросы и недоумѣнія возникающія въ пастырской и церковно богослужебной практикѣ. Журналъ выходитъ еженедѣльно въ объемѣ трехъ печатныхъ листовъ и расходится въ 42000 экземпляровъ.

Цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой, за границу 4 руб., отдѣльный номеръ—10 коп. Объявленія печатаются по слѣдующей цѣнѣ: за объявленіе, занимающее страницу—70 р., половину страницы—35 р., за мѣсто, занимаемое строкой петита въ два столбца—1 р. и за мѣсто, занимаемое строкой петита въ одинъ столбецъ—50 к. Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ Конторѣ „Церк. Вѣд.“ (Конпогвард. бульв. д. 5, кв. 7), а для иногороднихъ въ Хозяйственномъ Управленіи при Св. Синодѣ.

Редакторъ Протоіерей Петръ Смирновъ.

При каждомъ №, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ, а новые подписчики, выписывающіе также (за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.) первые 12 томовъ соч. Лѣскова, получаютъ ихъ при первомъ номерѣ за 1903 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

(34-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

СО МНОГИМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

НИВА.

Гг. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1903 года: 52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ. 40 томовъ „Сборника Нивы“ (каждый отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около 9000 страницъ), содержащихъ:

полное собраніе сочиненій **Ант. П. Чехова** (цѣна въ отдѣльн. продажѣ 17 р. 50 к.), которое будетъ отпечатано четкимъ шрифтомъ на хорошо-глазированной бумагѣ и будетъ выдано въ теченіе одного 1903 г., и остальные **24 тома** полного собранія сочиненій **Н. С. Лѣскова** (цѣна въ отдѣльной продажѣ 17 р.), значительно дополненнаго многими произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія, въ томъ числѣ: По поводу „Крейцеровой сонаты“, „Мелочи архіерейской жизни“, „Расточитель“ и другіе.

12 книгъ „Ежемесячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ приложений“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библиографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта, забавъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстраціями. 12 №№ „парижскихъ модъ“, выходящихъ ежемесячно. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ. 12 листовъ рисунковъ (около 300) для руководящихъ и вышнѣйшихъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемесячно. 1) „Стѣнной календарь“ на 1903 г., отпечатанный въ 9 красокъ. Подписная цѣна на годовое изданіе со всеми приложениями: безъ доставки: 1) въ С.Пб.—6 р. 50 к. 2) въ Москвѣ, въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линіи)—7 р. 25 к. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Ришельевск. № 12)—7 р. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургъ—7 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 8 руб. За границу—12 руб. Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока. Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ «Нивы 1903 г. со всеми приложениями»,—еще первые 12 томовъ полного собранія соч. Лѣскова, приложенныя при «Нивѣ» въ 1902 г., доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.Пб. 1 р. 50 к.; безъ доставки въ Москвѣ и Одессѣ 1 р. 75 к. Съ доставкой въ С.Пб. и съ пересылкою иногороднымъ и за границу—2 р., такъ что подписная цѣна составитъ: безъ доставки 1) въ С.-Петербургъ—8 р., въ Москвѣ у Н. Печковской—9 р., 3) въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“—9 р. 25 к. Съ доставкой въ С.-Петербургъ—9 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—10 р. и за границу—14 руб.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), улица Гоголя (бывш. Малая Морская), домъ № 22.

Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода съ января 1903 г. будетъ издаваться въ г. С.-Петербургѣ новый богословско-миссіонерскій журналъ

„ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ“

по слѣдующей программѣ, утвержденной Св. Синодомъ:

Отдѣлъ I (официальный). 1) Узаконоенія и распоряженія центрального и епархіальнаго начальства по дѣламъ раскола, сектантства и миссін. *Отдѣлъ II* (общегобословскій). 2) Слова и бесѣды на воскресные, праздничные и высокаторжественные дни, преимущественно противораскольническаго и противосектантскаго содержания. 3) Изъясненіе св. Писанія. 4) Статьи объ истинахъ вѣры и нравственности. 5) Статьи по изъясненію церковнаго богослуженія и церковныхъ каноновъ. *Отдѣлъ III* (историческій). 6) Статьи по общей и русской церковной исторіи. 7) Жизнь и дѣятельность борцовъ съ расколомъ 8) Русскій расколъ старообрядчества и сектантство въ его прошломъ и настоящемъ. 9) Лѣтопись происходящихъ въ расколъ и сектантствѣ событій. *Отдѣлъ IV* (полемико-апологетическій). 10) Разборъ ученія раскольниковъ и сектантовъ. 11) Миссіонерскія бесѣды. *Отдѣлъ V* (миссія). 12) Мысли и сужденія по вопросамъ внутренней миссін. 13) Обзорѣніе современной постановки миссіонерскаго дѣла въ Россіи. 14) Сужденія свѣтскихъ писателей по вопросамъ миссін и расколо-сектантства. *Отдѣлъ VI* (религіозно-бытовой). 15) Впечатлѣнія и замѣтки дѣятелей миссін. 16) Разказы изъ жизни бывшихъ раскольниковъ и сектантовъ. 17) Очерки и разказы изъ современной религіозно-бытовой жизни православныхъ и раскольниковъ. *Отдѣлъ VII*. 18) Отвѣты редакціи на вопросы изъ церковно-приходской практики. *Отдѣлъ VIII*. 19) Критика и библіографія съ обзоромъ духовныхъ журналовъ. *Отдѣлъ IX*. 20) Извѣстія и замѣтки. *Отдѣлъ X*. 21) Объявленія. *Приложеніе*. 22) Миссіонерскія поученія по Прологу и Четіи Минеямъ.

Цѣль журнала — помочь священнику въ его пастырско-миссіонерской дѣятельности, дать ему своевременно все пужное по исторіи и обличенію современнаго расколо-сектантства и въ немъ самомъ поддерживать и возгрѣвать миссіонерскую бодрость. Ни одно явленіе изъ жизни расколо-сектантства не будетъ упущено изъ вниманія, ни одно вновь появляющееся сочиненіе раскольническое не будетъ оставлено безъ отвѣта. Всѣмъ интересующимся расколо-сектантствомъ и борьбою съ нимъ журналъ постарается дать необходимое на потребу.

Для достиженія указанныхъ цѣлей Редакціей приглашены почти всѣ наилучшіе наши расколовѣды и миссіонерствующія лица.

Журналъ будетъ выходить аккуратно 1 числа каждаго мѣсяца (январ. кп. около 10 числа) въ объемѣ 8—10 печат. листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 5 руб. съ достав. и пересылкой (Допускается разсрочка).

Требованія и деньги адресовать: С.-Петербургѣ, Суворовскій пр., д. 65, кв. 15, въ Редакцію журнала «Православный Путеводитель» К. Плотникову.

Отвѣт. редакторъ свящ. П. С. Тумановъ.

Издатели: свящ. П. С. Тумановъ, М. П. Чельцовъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кроме того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на равные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Обсѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониженіи Слова Божія“, Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Изычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. Б. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ изи-кѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣллева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протополова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платенова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣллева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической им-провизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) исключительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Банта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православная-ли intersession, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартинова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Бухрянцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщались были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Банта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и совращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Статскій Совѣтникъ, Константинъ ИСТОМИНЪ.